

ISSN 2073-6401

ВЕСТНИК РГГУ

Серия

«Философия. Социология.
Искусствоведение»

Научный журнал

RSUH/RGGU BULLETIN

“Philosophy. Sociology.
Art Studies”
Series

Academic Journal

Основан в 1996 г.
Founded in 1996

2
2022

There are 4 issues of printed version of the journal a year
Founder and Publisher: Russian State University for the Humanities (RSUH)

RSUH/RGGU BULLETIN. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series is included: in the system of the Russian Science Citation Index; in the List of peer-reviewed scientific publications, in which the essential research findings of dissertations for the Ph.D. and Dr. degrees in the following scientific specialties and the branches of science corresponding to them should be published:

5.7 Philosophy:

5.7.2 History of philosophy

5.7.7 Social philosophy

5.10 Art Studies:

5.10.1 Theory and history of art

5.10.3 Film, television and other screen arts

5.4 Sociology:

22.00.01 Theory, methodology and history of sociology

22.00.04 Social structure, social institutions and processes

22.00.06 Sociology of culture

Goals of the journal

Representation of the newest research findings in the fields of philosophy, sociology, and art studies which have undoubted theoretical and practical significance and which are promising for the research development in that field and for its state as a whole.

Objectives of the journal: realization and development of examination of scientific articles, using the advanced modern interdisciplinary and complex approaches; representation of the most paradigmatic achievements in the fields that are significant for the progress of science and suitable for implementation into the educational process as the examples of proper scientific work; attracting new authors, researchers showing a high theoretical culture and undeniable scientific achievements; strengthening the interaction of the academic and university science; translation of scientific experience between the generations and institutions.

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media. Certificate on registration: PI No. FS77-61882 of 25.05.2015. Changes were made to the record of media registration in connection with the name change, renaming of the founder, clarification of the subject – registration number FS77-73403 of 03.08.2018.

Editorial staff office: bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047

Philosophy – Anna I. Reznichenko, annarezn@yandex.ru

Sociology – Olga V. Kitaitseva, olga_kitaitseva@mail.ru

Art Studies – Aleksandr V. Markov, vestnik-art@rggu.ru

Выходит 4 номера печатной версии журнала в год.

Учредитель и издатель: Российский государственный гуманитарный университет
(РГГУ)

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение» включена: в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ); в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

5.7 Философия:

5.7.2 История философии

5.7.7 Социальная и политическая философия

5.10 Искусствоведение и культурология:

5.10.1. Теория и история культуры, искусства

5.10.3. Виды искусства (с указанием конкретного искусства)

5.4 Социология:

22.00.01 Теория, методология и история социологии

22.00.04 Социальная структура, социальные институты и процессы

22.00.06 Социология культуры

Цель журнала

Представление новейших результатов исследований в области философии, социологии и искусствоведения, имеющих несомненное теоретическое и практическое значение и перспективных для развития исследований в этой области и для состояния отрасли.

Задачи журнала

Осуществление и развитие экспертизы научных статей с учетом господства современных междисциплинарных и комплексных подходов; представление наиболее парадигматичных достижений отраслей, важных для развития науки и способных быть внедренными в образовательный процесс как примеры правильной научной работы; привлечение новых авторов, исследователей, показывающих высокую теоретическую культуру и неоспоримые научные достижения; усиление взаимодействия академической и вузовской науки; трансляция научного опыта между поколениями и между институтами.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, свидетельство о регистрации: ПИ № ФС77-61882 от 25.05.2015 г. В запись о регистрации СМИ внесены изменения в связи с изменением названия, переименованием учредителя, уточнением тематики – регистрационный номер ПИ № ФС77-73403 от 03.08.2018 г.

Адрес редакции: 125047, Россия, Москва, Миусская пл., 6
Философия – Анна Игоревна Резниченко, annarezn@yandex.ru
Социология – Ольга Вячеславовна Китайцева, olga_kitaitseva@mail.ru
Искусствоведение – Александр Викторович Марков, vestnik-art@rggu.ru

Founder and Publisher
Russian State University for the Humanities (RSUH)

Editor-in-chief

Toschenko Zhan T., Dr. of Sci. (Philosophy), professor, RAS corresponding member, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Editorial Board

De Bardeleben Joan, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Institute of European, Russian and Eurasian Studies, Carleton University, Ottawa, Canada

Vargas Julio César, Cand. of Sci. (Philosophy), professor, University of Valle, Cali, Columbia

Velikaya Natalia M., Dr. of Sci. (Political Science), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Vinogradov Vladimir V., Dr. of Sci. (Art Studies), Research Institute of Gerasimov Russian State Institute of Cinematography, Moscow, Russia

Vdovichenko Larisa N., Dr. of Sci. (Sociology), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia (*deputy editor-in-chief*)

Wiatr Jerzy Jozef, Dr. of Sci. (Sociology), professor, University of Warsaw, Warsaw, Poland

Gubin Valery D., Dr. of Sci. (Philosophy), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Zveigintseva Irina A., Dr. of Sci. (Art Studies), professor, Gerasimov Russian State Institute of Cinematography, Moscow, Russia

Kalugina Olga V., Dr. of Sci. (Art Studies), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Kitaitseva Olga V., Cand. of Sci. (Sociology), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Kolotaev Vladimir A., Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia (*deputy editor-in-chief*)

Konacheva Svetlana A., Dr. of Sci. (Philosophy), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Limanskaya Lyudmila Yu., Dr. of Sci. (Art Studies), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Dieter Lohmar, Dr. of Sci. (Philosophy), professor, University of Köln, Köln, Germany

Malinina Tatyana G., Dr. of Sci. (Art Studies), Research Institute of Theory and History of Arts, Russian Academy of Arts

Markov Alexandr V., Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Molchanov Victor I., Dr. of Sci. (Philosophy), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Nowak Piotr, Dr. of Sci. (Philosophy), professor, University of Białystok, Poland

Rapic Smail, Dr. of Sci. (Philosophy), professor, Wuppertal University, Wuppertal, Germany

Reznichenko Anna I., Dr. of Sci. (Philosophy), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia (*deputy editor-in-chief*)

Masamichi Sasaki, Dr. of Sci. (Sociology), professor, Chuo University, Tokyo, Japan

Sipovskaya Natalia V., Cand. of Sci. (Art Studies), State Institute for Art Studies, Moscow, Russia

Fomin Valery I., Dr. of Sci. (Art Studies), professor, Research Institute of Gerasimov Russian State Institute of Cinematography, Moscow, Russia

Tsyrkun Nina A., Dr. of Sci. (Art Studies), professor, Research Institute of Gerasimov Russian State Institute of Cinematography, Moscow, Russia

Shevchenko Irina O., Dr. of Sci. (Sociology), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Shtein Sergey Yu., Cand. of Sci. (Art Studies), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Executive editors:

O.V. Kitaitseva, Cand. of Sci. (Sociology), associate professor, RSUH

E.A. Kolosova, Cand. of Sci. (Sociology), associate professor, RSUH

A.V. Markov, Dr. of Sci. (Philology), professor, RSUH

A.I. Reznichenko, Dr. of Sci. (Philosophy), professor, RSUH

I.O. Shevchenko, Dr. of Sci. (Sociology), professor, RSUH

Учредитель и издатель
Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Главный редактор

Ж.Т. Тощенко, доктор философских наук, профессор, член-корреспондент РАН, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Редакционная коллегия

Дж. Де Барделебен, доктор политических наук, профессор, Карлтонский университет, Канада

Х.Ц. Варгас, кандидат философских наук, Университет Вилле, Колумбия

Н.М. Великая, доктор политических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

В.В. Виноградов, доктор искусствоведения, НИИ киноискусства Всероссийского государственного института кинематографии им. С.А. Герасимова, Москва, Российская Федерация

Л.Н. Вдовиченко, доктор социологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

Е. Вятр, доктор политических наук, профессор, Варшавский университет, Республика Польша

В.Д. Губин, доктор философских наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

И.А. Зевинцева, доктор искусствоведения, профессор, Всероссийский государственный институт кинематографии им. С.А. Герасимова, Москва, Российская Федерация

О.В. Калужина, доктор искусствоведения, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

О.В. Китайцева, кандидат социологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

В.А. Колотаев, доктор филологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

С.А. Коначева, доктор философских наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Л.Ю. Лиманская, доктор искусствоведения, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Д. Ломар, доктор философских наук, профессор, Кельнский университет, Кельн, ФРГ

Т.Г. Малинина, доктор искусствоведения, НИИ теории и истории изобразительных искусств Российской академии художеств, Москва, Российская Федерация

А.В. Марков, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

В.И. Молчанов, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

- П. Новак*, доктор философских наук, профессор, Белостокский университет, Республика Польша
- С. Ратиц*, доктор философских наук, профессор, Университет Вупшерталья, Вупшерталь, ФРГ
- А.И. Резниченко*, доктор философских наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)
- М. Сасаки*, доктор социологических наук, профессор, Университет Чуо, Токио, Япония
- Н.В. Сиповская*, кандидат искусствоведения, Государственный институт искусствознания, Москва, Российская Федерация
- В.И. Фомин*, доктор искусствоведения, профессор, НИИ киноискусства Всероссийского государственного института кинематографии им. С.А. Герасимова, Москва, Российская Федерация
- Н.А. Цыркун*, доктор искусствоведения, НИИ киноискусства Всероссийского государственного института кинематографии им. С.А. Герасимова, Москва, Российская Федерация
- И.О. Шевченко*, доктор социологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- С.Ю. Штейн*, кандидат искусствоведения, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Ответственные за выпуск:

- О.В. Китайцева*, кандидат социологических наук, доцент, РГГУ
- Е.А. Колосова*, кандидат социологических наук, доцент, РГГУ
- А.В. Марков*, доктор филологических наук, профессор, РГГУ
- А.И. Резниченко*, доктор философских наук, профессор, РГГУ
- И.О. Шевченко*, доктор социологических наук, профессор, РГГУ

СОДЕРЖАНИЕ

Философия. Социальная философия

Елена В. Косилова

Понимание в математике: от классики к неклассике
и постнеклассике. Статья вторая 10

Яна Г. Янпольская

На выходе из карантина: ночь интеллектуалов 23

Павел В. Владимиров

Влияние государства на развитие советской философии:
к 75-летию философской дискуссии 1947 г. 40

Социология: теоретические и эмпирические исследования

Наталья М. Великая

Общественная легитимация политической власти
в контексте трансформации гражданского общества
в современной России 59

Ирина О. Шевченко

Мотивация труда российских работников 72

Валерий В. Костенко

Влияние последствий пандемии коронавируса
на участие российской молодежи
в деятельности молодежных общественных организаций 86

Александра И. Рысева

Структура российских кинофестивалей в период пандемии 96

Сергей В. Козин

Рецензия на научную монографию «Прекарная занятость:
истори, критерии, особенности» под ред. Ж.Т. Тощенко.
М.: Весь мир, 2021. 400 с. 105

Искусствоведение

Елена А. Забродина

Дюрер в мастерской Мемлинга 110

Денис Е. Нифонтов

Особенности промышленной архитектуры уральских заводов
в эпоху классицизма 123

Ольга В. Колотвина

Ассоциативный монтаж как инструмент авторского замысла
в фильме Х. Валь дель Омара «Граната в зеркале воды» (1955) 135

CONTENT

Philosophy. History of philosophy

- Elena V. Kosilova*
Understanding in mathematics. From classics to non-classics
and post-non-classics. Article two..... 10
- Yana G. Yanpol'skaya*
Emerging from quarantine. The night of the intellectuals 23
- Pavel V. Vladimirov*
Influence of the state on the development of Soviet philosophy.
75th anniversary of the philosophical discussion of 1947 40

Sociology. Theoretical and empirical research

- Nataliya M. Velikaya*
Public legitimation of political power in the context of
civil society transforming in modern Russia 59
- Irina O. Shevchenko*
Russian employees motivation..... 72
- Valerii V. Kostenko*
Impact of the coronavirus pandemic on the participation
of Russian youth in the activities of youth social organizations 86
- Aleksandra I. Ryseva*
The structure of Russian film festivals during the pandemic 96
- Sergei V. Kozin*
Review of a scientific monograph
Precarious employment: origins, criteria, features /
ed. J.T. Toshchenko. Moscow:
Ves Mir Publishing House, 2021. 400 p. 105

Art Studies

- Elena A. Zabrodina*
Dürer in Memling's workshop 110
- Denis E. Nifontov*
Features of the industrial architecture of the Ural factories
in the age of classicism 123
- Ol'ga V. Kolotvina*
Associative montage as a tool of the author's intention
in the film «Water-Mirror of Granada» (1955) by J. Val del Omar 135

Понимание в математике: от классики к неклассике и постнеклассике

Статья вторая

Елена В. Косилова

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия, implicatio@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматривается проблема понимания в классической, неклассической и постнеклассической традиции на примере понимания математики. Понимание математики рассматривается на примере работ Л. Витгенштейна и Ж. Делеза. Для неклассического автора Витгенштейна математика представляет собой деятельность по правилам, родственную языковой игре. Делез напрямую о математике не писал, но мы можем взять его идею автономии дискурса, его независимости от субъекта. Смыслы появляются сами собой в игре других смыслов. Это происходит не через интуицию и не через игру субъекта, а через взаимодействие самих смыслов. В математике есть свой план имманенции: математический дискурс. Проводится сравнение идей Делеза и фикционалиста Х. Филда: показано, что у Филда тоже работает дискурс. Однако вопрос об онтологическом статусе логики (в отличие от математики) остается открытым. Его невозможно решить в неклассических теориях понимания. Также остается открытым вигнеровский вопрос об эффективности математики в естественных науках.

Ключевые слова: неклассическая математика, неклассическая логика, понимание в математике, языковые игры, дискурс в математике, Витгенштейн, Делез

Для цитирования: Косилова Е.В. Понимание в математике: от классики к неклассике и постнеклассике. Статья вторая // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2022. № 2. С. 10–22. DOI: 10.28995/2073-6401-2022-3-10-22

Understanding in mathematics. From classics to non-classics and post-non-classics.

Article two

Elena V. Kosilova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, implicatio@yandex.ru

Abstract. The article deals with the issue of understanding in the classical, non-classical and post-non-classical traditions and their realization in understanding of mathematics. The understanding of mathematics is considered on the example of the works of L. Wittgenstein and J. Deleuze. For the non-classical author Wittgenstein, mathematics is a rule-based activity akin to the language game. Deleuze did not write directly about mathematics, but we can take his idea of the autonomy of discourse, its independence from the subject. Senses appear by themselves in the play of other senses. It happens not through intuition and not through the game of the subject, but through the interaction of the senses themselves. Mathematics has its own plane of immanence: mathematical discourse. A comparison is made between the ideas of Deleuze and those of the fictionalist H. Field: it is shown that Field could as well speak about the discourse. However, the question of the ontological status of logic (as opposed to mathematics) remains open. It is impossible to solve it in the non-classical theories of understanding. The Wigner's question about the effectiveness of mathematics in the natural sciences also remains open.

Keywords: non-classical mathematics, non-classical logic, understanding in mathematics, language games, discourse in mathematics, Wittgenstein, Deleuze

For citation: Kosilova, E.V. (2022), "Understanding in mathematics. From classics to non-classics and post-non-classics. Article two", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no 2, pp. 10–22, DOI: 10.28995/2073-6401-2022-3-10-22

В первой статье [Косилова 2022] я рассматривала вопрос о том, как можно трактовать математику и понимание в математике с точки зрения учения о классической, неклассической и постнеклассической философии. Моя работа касается понимания в математике, однако следует сразу заметить, что и сама математика – а также логика – могут быть классическими и неклассическими. Для классической математики и классической логики было характерно то, что они сохраняли некую связь с миром, внешним по отношению к ним, будь то физический мир или мир интуитивного мышления, умозрения, созерцания. Математика с середины XIX в. двигалась к неклассическому состоянию: без интуиции, без созерцания, с абсолютной формальной строгостью. Важная фигура на этом пути –

Д. Гильберт. Проводя аксиоматизацию геометрии, он подчеркивает первичность аксиом по отношению к входящим в них понятиям. Стала крылатой его фраза о том, что точки, прямые и плоскости можно заменить на «столы, стулья и пивные кружки» [Grattan-Guinness 2000, p. 208] – теория все равно будет работать на автомате. Никакого созерцания в новой аксиоматизированной математике быть не должно – это, так сказать, «слишком человеческое». Когда человек привносит в математику некоторое собственное содержательное мышление, возникают возможные подразумевания, скрытые леммы. Формализм Гильберта стремится избежать этого. Математика становится независимой от субъекта – работающего математика, в ней царит чистая логика. Можно сказать, она стремится стать «нечеловеческой» математикой и, конечно, математикой-в-себе. Последнее означает, что она развивается ради себя самой. Она не претендует на то, что у нее есть какая-то правильность, посторонняя по отношению к ней, будь то реализуемость в физическом мире или интуиция. Остаются только отношения с логикой (расселовская программа логицизма), логика рассматривается фактически как часть математики. Впрочем, автономность математики не мешает физике брать для себя подходящую математику, которая исходно была развита в чисто математических целях¹. Герман Вейль сожалел о направлении, в котором развивается математика:

В наши дни Давид Гильберт довел аксиоматический метод до горького конца, когда суждения математики, включая аксиомы, превратились в формулы и игра в дедукцию свелась к выводу из аксиом тех или иных формул по правилам, не учитывающим смысла формул².

Аналогичные мысли высказывает Э. Гуссерль в своем произведении «Начало геометрии». Он пишет, что математика перестала «реактивировать смыслы», что наступает «искушение языком»³. То есть неклассическая математика часто не дает возможности конституировать смысл.

Естественно, появляются и философские теории понимания в математике, которые осмысливают новую реальность: отсутствие созерцания.

¹ См.: *Гильберт Д.* Естествознание и логика / Пер. с нем. В.Н. Брюшинкина // Кантовский сборник. 1990. Вып. 1 (15). С. 116–127; а также: *Вигнер Е.* Непостижимая эффективность математики в естественных науках // Успехи физических наук. 1968. № 94 (3). С. 535–546.

² *Вейль Г.* Математическое мышление. М.: Наука, 1989. С. 23.

³ *Гуссерль Э.* Начало геометрии. Предисловие Ж. Деррида / Пер. с нем. и франц. М. Маяцкого. М.: Ad Marginem, 1996.

Неклассическая теория понимания математики: Витгенштейн

В неклассических философских осмыслениях математики и ее понимания она релятивизируется. Больше нет места единственной и трансцендентной математике. Что же есть, согласно Витгенштейну? Есть многообразная человеческая практика. Это может показаться странным, ведь сама математика внутри себя не релятивизируется, напротив, она преследует идеальную строгость. Тем не менее, когда неклассические философы рассуждают о новой математике, они ее релятивизируют. Таким образом они, если можно так сказать, низводят ее с небес на землю. Можно сделать еще одно предположение. Например, в неклассической математике появляются неевклидовы геометрии. Это соответствует отсутствию созерцания. Со стороны может показаться, что стала не одна математика, а «много математик». Отсюда и характерные для философии того периода идеи относительности математики.

Витгенштейн на первый план выдвигает субъекта и его деятельность. Математика для него является «антропологическим феноменом»⁴. Пафос Витгенштейна – антиплатонизм. Нет никакого особого «мира математики», каких-то высших правил проникновения в этот мир. Он много пишет о практиках, и это практики счета. Они сложились исторически, в ходе обживания нашего физического мира. Причем у них нет какой-то особой правильности, у других племен могли сложиться другие практики, не хуже и не лучше. Он пишет:

Необходимо видеть, как мы делаем выводы в языковой практике, чем является процесс умозаключения в языковой игре⁵.

Витгенштейн развивал понятие языковых игр – это практики употребления языка, переплетенные с другими практиками в стихии деятельности. Понятие игры для него очень важно, потому что игра включает в себя некие правила. Правила познаются прямо в ходе игры, позволяя игре развиваться [Сокулер 1994].

Проблема следования правилу у Витгенштейна очень сложна. Мы овладеваем правилом на нескольких примерах, а потом экстраполируем его на другие, более широкие области. Законность этой экстраполяции всегда под вопросом. Кант сказал бы, что мы интуитивно, при помощи созерцания понимаем, как нужно действовать

⁴ *Витгенштейн Л.* Замечания по основаниям математики // Витгенштейн Л. Философские работы. Часть II / Пер. с нем. М.С. Козловой и Ю.А. Асеева. М.: Гнозис, 1994. С. 190.

⁵ Там же. С. 10.

с математическими объектами. Витгенштейн категорически не согласен, для него не существует никакого созерцания. Математика для него – вид языковой игры. К ней привыкают, учатся действовать в ходе обучения. Правила – результат соглашения.

Я же говорю: высказывая это предложение о сущности, – просто констатируют некое соглашение. На это можно было бы возразить: ничто не отличается друг от друга в большей мере, чем предложение о глубинной сущности и предложение о простом соглашении. А что, если я отвечу: глубина сущности соответствует глубиной потребности в соглашении?⁶

Таким образом, математические правила конвенциональны.

Иногда у него встречаются мысли, которые на первый взгляд кажутся удивительными. Например, он спрашивает себя, является ли математическое вычисление и математическое доказательство экспериментом?⁷ Это говорит о том, что он сомневается, считать ли математику априорной или апостериорной. Однозначного ответа у него на этот вопрос нет, напрямую он не говорит, что математика апостериорна, но по всей атмосфере его рассуждений можно прийти именно к такому выводу. Хотя сам вопрос не вполне вписывается в его трактовку математики как языковых игр по конвенциональным правилам. В области языковых игр вообще не должен вставать вопрос о том, является ли вычисление экспериментом. Оно должно быть приемлемо, если вписывается в практики. То, что Витгенштейн все-таки ставил вопрос о его экспериментальной природе, говорит о том, что он не до конца был уверен в своей трактовке математики.

Интересно отношение Витгенштейна к логике. Оно сложное, как показывает в своих работах Э.А. Сокулер [Сокулер 2022]. Однако очевидно: Витгенштейн совершенно не был бы согласен с Гуссерлем, который говорил о логических переживаниях. Логика для него формальна. Еще ранний Витгенштейн в «Логико-философском трактате» говорит, что предложения логики не отражают никаких фактов, они являются тавтологиями, псевдопредложениями (так как осмысленные предложения должны отражать факты мира⁸). Нет никакого смысла, например, в связках (конъюнкция, импликация), поскольку все они могут быть выражены друг через друга и через штрих Шеффера. Аналогично он уже в «Логико-философском трактате» говорит о математике: ее уравнения это псевдо-

⁶ Там же. С. 26.

⁷ Там же. С. 50, 70, 95, 101 и др.

⁸ *Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат. М.: Канон+ РООИ Реабилитация, 2017. С. 54.

предложения, они *не выражают никакой мысли*⁹. Тем более это так у более позднего Витгенштейна. Так, в «Замечаниях по основаниям математики» он явным образом хочет отделить субъективное переживание от практики: «Отдели чувства (жесты) согласия от того, как ты *действуешь* с доказательством!»¹⁰ То есть он не отрицает, что есть «чувство согласия», но не считает его чем-то важным для практики логики и математики.

Когда я сказала, что на первый план Витгенштейн выдвигает субъекта, я имела в виду, что это социальный субъект, который обучается математике в деятельности, и эта деятельность носит существенно социальный характер. Люди передают друг другу правила игр, субъект обучается им еще в детстве. Это хорошо объясняет овладение элементарной математикой в школе, но оставляет открытым вопрос о том, как делаются математические открытия (уже не говоря о более высоких вопросах философии математики, например, о том, почему она эффективна в физике). В его философии математики как бы нет места новому. Конечно, новое в математике базируется на старом, но вводятся и новые понятия, для которых изначально нет практических оснований. Вводятся, в конце концов, новые практики. Каким образом математик знает, как вводить новые практики, а значит, новые правила? Ведь нет правил, как придумывать правила. Это у Витгенштейна, на мой взгляд, не объяснено.

Впрочем, об эффективности математики Витгенштейн знал, поскольку у него было инженерное образование. Поэтому он часто говорит о вычислениях. Здесь у него даже появляется понятие «нового вычисления», которое дает новую картину¹¹. Вычисление первично, оно в математике фундаментально. Математические сущности рождаются вторичным образом из уже существующей практики вычисления. Однако остается непонятным, как рождаются новые исчисления? Как их ввести, если старые были чисто конвенциональны? Надо ведь на что-то опираться, чтобы новые исчисления работали. Возможно, Витгенштейн мог бы сказать, что это чисто языковое творчество. Язык тоже конвенционален, однако творчество в нем возможно.

Математика и математическое понимание в постнеклассической философии

И здесь можно перейти к новому взгляду на математику и математическое понимание из перспективы уже постнеклассических

⁹ Там же. С. 196.

¹⁰ *Витгенштейн Л.* Замечания по основаниям математики... С. 12.

¹¹ Там же. С. 66.

теорий. В аналитической философии о постнеклассике ничего не говорится (это понятие отечественной философии), но мы можем так назвать такие течения философии математики, как, например, фикционализм. Его наиболее видным представителем является Х. Филд [Balaguer 2018]. Согласно фикционализму, таких вещей, как математические объекты, вообще не существует. В этом фикционализм опирается на известный аргумент П. Бенасеррафа: объекты математики для нас эпистемически недоступны. Они по определению должны быть внепространственными, вневременными, нематериальными. Следовательно, они не оказывают каузального воздействия на наш мозг. Следовательно, мы ничего не можем о них знать.

Однако математический дискурс существует, с этим фикционалисты не спорят. Каким образом дискурс доступен для нас, они не говорят, но определенно как-то доступен. И математические объекты имеют свое онтологическое место именно в этом дискурсе. Дискурс, и только он, определяет, будет ли математическое выражение истинным или ложным. И будет ли объект вообще иметь существование, или нет. Таким образом, математика релятивируется еще больше, чем в неклассике. Недаром параллельно с европейской математикой возникает интерес к математическим практикам разных народов (этноматематика). Предполагается, что эти практики сущностно другие.

Важно заметить, что в фикционализме не рассматривается тема онтологической природы логики. Все согласны, что предлагаемые теории и доказательства должны быть строгими и непротиворечивыми, то есть соответствующими логике. Откуда мы получили ту логику, которой пользуемся? По аналогии с математикой надо было бы говорить, что она тоже устоялась в дискурсе, в истории. Это означало бы релятивизировать логику. Однако таких утверждений я у фикционалистов не видела. М. Балагер, помимо фикционализма, предлагает так называемый «полный платонизм» – учение о том, что в математической вселенной существует все, что логично и непротиворечиво [Linnebo 2018]. Его полный платонизм далек от обычного платонизма, являясь, по существу, скрытым конструктивизмом, поскольку перед математиками теперь не стоит задача «открыть», стоит задача «сконструировать», причем так, чтобы теория была непротиворечива. Видим, что на логику это течение полагается, как на нечто незыблемое. Релятивизировать логику труднее, чем математику, потому что на логике строятся рассуждения, в том числе, разумеется, рассуждения самих фикционалистов. Собственно, и само математическое понимание здесь основывается на понимании логической непротиворечивости того,

как из одних математических рассуждений (устоявшихся в дискурсе) следуют другие математические утверждения. Надо было бы релятивизировать весь дискурс, включая логику. Возможно, это еще впереди.

Учение Делеза о дискурсе

Я теперь предложу такое понимание математической деятельности, которое будет базироваться на типично постнеклассической философии, а именно на философии Ж. Делеза, изложенной в книге «Логика смысла».

В теории Делеза о порождении смысла практически отсутствует субъект. Делез вводит понятие «поверхности», которая противопоставлена «глубине». На глубине происходят физические процессы, там взаимодействуют тела и царствует каузальность. Тела обмениваются импульсами, бурлит энергия. Но там нет событий и нет смысла. Смысл не встроен в царство тел. Он конституируется на поверхности.

Что Делез понимает под поверхностью? По большей части он объясняет это метафорами, но мы можем понять это как царство языка или, может быть, точнее – дискурса. У Гуссерля смысл конституировал субъект, только относительно субъекта можно было вообще говорить о смысле. Делез вводит совсем другое понимание смысла. Смысл конституируется в языке. Язык живет своей жизнью, как и дискурс, как и текст (о дискурсе и тексте Делез не говорит, но мы можем его так интерпретировать). Язык непосредственно связан с событиями: «Событие по самой сути принадлежит языку, оно имеет существенное отношение к языку»¹². Событие всегда связано с рождением нового смысла.

Делез вводит для языковых событий понятие «квазипричинность». Этим, насколько я понимаю, он хочет сказать, что смыслы порождают другие смыслы. Это не причинность, т. е. не каузальность – каузальность возможна только в мире тел. События и смыслы, подчеркивает он, совершенно бестелесны, они являются эффектами внутри языка.

Естественно, он пользуется также терминами «означающее» и «означаемое», пришедшими в постмодерн из структурализма Леви-Стросса и психоанализа Ж. Лакана. Оба эти автора говорят об особом «мире» означающих, которые по сути автономны от означаемых. Язык – стихия «в себе», у него собственные законы. То же можно сказать о дискурсе. Он развивается по собственным законам

¹² Делез Ж. Логика смысла / Пер. с фр. Я.И. Свицкого. М.: Академический проект, 2011. С. 36.

и лишь использует субъекта для собственного воплощения. У Делеза означающие и означаемые составляют независимые друг от друга серии, которые связаны некоторым «парадоксальным элементом». Что такое этот парадоксальный элемент? Делез опять говорит метафорами, но думается, что это призрак бывшего субъекта, то есть взгляд автора и читателя. Парадоксальный элемент сам ничего не производит, он только соединяет серии означающих и означаемых (момент понимания!).

Еще один след бывшего субъекта – это так называемое трансцендентальное поле. Здесь он опирается на Сартра с его текстом «Трансцендентность Эго»¹³. Говоря о трансцендентальном поле, Делез подчеркивает, что в нем нет следов *cogito*, оно безлично и доиндивидуально. Субъект может появиться, но вторичным образом, а может и вовсе не появиться. Это трансцендентальное поле относится все к той же поверхности и имеет все тот же языковой характер.

Теперь надо взять другой концепт Делеза – концепт имманенции из его совместной с Ф. Гваттари книги «Что такое философия?»¹⁴ Там проводится мысль, что есть некий «план имманенции», который можно отождествить с «поверхностью» из «Логике смысла», а также с регистром означающих. В плане имманенции рождаются концепты – на этот раз, правда, с участием субъекта-философа. Можем ли мы его элиминировать? Да, в «Логике смысла» вопрос о философии тоже рассматривается, и однозначно сказано:

В этом и состоит фундаментальная проблема: «кто говорит в философии?» или: каков «субъект» философского дискурса?¹⁵

И ответ:

Что касается субъекта такого нового дискурса (если учесть, что больше нет никакого субъекта), то это ни человек, ни Бог, а еще меньше – человек на месте Бога. Субъектом здесь выступает свободная, анонимная и номадическая сингулярность...

Сингулярность – это как бы смысловой узел. В ней скрыто нечто особенное, ждущее события, чтобы осуществиться. Это зародыш нового смысла.

¹³ См.: *Сартр Ж.-П.* Трансцендентность Эго. набросок феноменологического описания / Пер. А. Кричевского // *Логос.* 2003. № 2 (37). С. 86–121.

¹⁴ См.: *Делёз Ж., Гваттари Ф.* Что такое философия? / Пер. с фр. и послесл. С. Зенкина. М.: Академический проект, 2009. 260 с.

¹⁵ *Делез Ж.* Логика смысла... С. 145.

Очень важны еще две цитаты:

Когда мы спрашиваем, «что значит ориентироваться в мысли?», то оказывается, что мысль сама предполагает оси и направления, по которым она развивается, что у нее есть география еще до того, как появится история, и что она расчерчивает измерения до конструирования систем¹⁶.

Итак, на вопрос «Кто говорит?» – мы отвечаем в одних случаях, что индивид, в других – что личность, в третьих – что само основание, сводящее на нет первые два¹⁷.

Другими словами, мысль сама несет в себе все начала того, что будет развиваться из нее далее. Она – само основание, исключаящее индивида и личность. «Номадическая сингулярность» у Делеза как бы случайно сопрягается со словами и порождает новые слова, новые смыслы. Это происходит в плане имманенции, без выхода в мир означаемых. Религия и наука, по Делезу и Гваттари, могут выходить к означаемым, но не философия. Философия находится в стихии самой себя, это и есть ее план имманенции.

Что можно сказать в этой связи о математике? То, что она в аспекте связи с дискурсом гораздо ближе философии, чем экспериментальной науке. Делез и Гваттари отделяют науку, в том числе и математику, от философии, которая работает в своей имманенции, но мы можем возразить, что математика в смысле работы похожа на философию. Ведь в ней нет экспериментов, есть только чистое мышление. Следовательно, в ней также есть ее собственный план имманенции, он же математический дискурс. И остался один шаг: этот дискурс сам себя порождает, субъект в нем вторичен. Откуда берутся новые математические результаты – проблема, которую было трудно разрешить в философии Витгенштейна? В философии Делеза это объясняется очень легко, собственно, вся книга «Логика смысла» об этом. Одни смыслы порождают другие смыслы внутри «поверхности» языка. Слова ведут за собой другие слова, в одних словах потенциально заложены целые цепочки других слов. Математика тоже работает с концептами – математическими объектами. В математических высказываниях и объектах уже заложены другие высказывания, порождаются другие объекты. Скажем, в квадратных и кубических уравнениях уже заложены комплексные числа. (Хотя появление *принципиально* нового по-прежнему не слишком легко объяснить.)

¹⁶ Там же. С. 170.

¹⁷ Там же. С. 186.

Математика в таком понимании, конечно, уже никак не связана с миром, она его не описывает, не формализует. Субъекту остается следить за игрой смыслов; то есть математика при данном рассмотрении – игра. Возможно, языковая, возможно – в бисер. Как она потом оказывается применима к физике? А как философия, которая тоже рождалась в имманентности, оказывается применима к жизни? Все-таки их порождало трансцендентальное поле, а это имеет некоторое отношение к субъекту. Какие-то свои особенности субъект туда вносит. Конечно, применимость математики к физике (и к многим житейским ситуациям) остается проблемой. Ни в классике, ни в неклассике, ни в постнеклассике объяснения этому вигнеровскому чуду нет. Этот факт объясняет только трансцендентальная философия, идущая от Канта, но ее трудно применить к современной математике, поскольку у Канта требуется созерцание, а неклассическая математика от него ушла. По-настоящему математика остается необъясненной, а может быть, и необъяснимой.

Заключение

Мы рассмотрели классические, неклассические и постнеклассические теории понимания математики. Классические теории предлагают понимание, которое кажется естественным. Оно основано на созерцании, на интуиции математических объектов, на конституировании смысла субъектом. Сама классическая математика кажется естественной. Она не теряет связи с нашим миром и с нашей интуицией – связи, от которой отказывается неклассическая математика. Неклассические теории понимания математики релятивизируют ее, ставят ее в связь с тем, что социально принято. Это продолжается и становится еще более заметным в пост-неклассических теориях понимания математики. В них она основывается на дискурсе и работает по его законам. Эти законы проанализированы у Делеза в «Логике смысла», и мы рассмотрели, как выглядит порождение математического смысла в такой теории: это происходит внутри дискурса математики, который можно считать «планом имманенции».

Благодарности

Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Мозг, когнитивные системы, искусственный интеллект».

Acknowledgements

The work was carried out with the support of Interdisciplinary scientific and educational school “Brain, Cognitive sciences and Artificial intelligence”, Moscow State University.

Источники

Вейль Г. Математическое мышление / Пер. с англ. и нем.; Под ред. Б.В. Бирюкова и А.Н. Паршина. М.: Наука, 1989. 400 с.

Вигнер Е. Непостижимая эффективность математики в естественных науках // Успехи физических наук. 1968. № 94 (3). С. 535–546.

Витгенштейн Л. Замечания по основаниям математики // Витгенштейн Л. Философские работы. Часть II / Пер. с нем. М.С. Козловой и Ю.А. Асеева. М.: Гнозис, 1994. 206 с.

Гильберт Д. Естествознание и логика / Пер. с нем. В.Н. Брюшинкина // Кантовский сборник. 1990. Вып. 1 (15). С. 116–127.

Гуссерль Э. Начало геометрии. Предисловие Ж. Деррида / Пер. с нем. и франц. М. Маяцкого. М.: Ad Marginem, 1996. 269 с.

Делез Ж. Логика смысла / Пер. с фр. Я.И. Свирского. М.: Академический проект, 2011. 472 с.

Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? / Пер. с фр. и послесл. С. Зенкина. М.: Академический проект, 2009. 260 с.

Сартр Ж.-П. Трансцендентность Эго. набросок феноменологического описания / Пер. А. Кричевского // Логос. 2003. № 2 (37). С. 86–121.

Литература

Косилова 2022 – *Косилова Е.В.* Понимание в математике: от классики к неклассике и постнеклассике. Статья первая // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2022. № 1. С. 10–22.

Сокулер 1994 – *Сокулер З.А.* Людвиг Витгенштейн и его место в философии XX века. Долгопрудный: Аллегро-Пресс, 1994. 173 с.

Сокулер 2022 – *Сокулер З.А.* Логика в «Логико-философском трактате» // Вестник Московского университета. Серия «Философия». 2022. № 3. С. 19–35.

Balaguer 2018 – *Balaguer M.* Fictionalism in the Philosophy of Mathematics // Stanford Encyclopedia of Philosophy [Электронный ресурс]. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/fall2018/entries/fictionalism-mathematics/> (дата обращения 13 февраля 2022).

Grattan-Guinness I. 2000 – *Grattan-Guinness I.* The Search for Mathematical Roots, 1870–1940. Logics, set theories and the foundations of mathematics from Cantor through Russell to Gödel. Princeton: Princeton University Press, 2000.

Linnebo 2018 – *Linnebo Ø.* Platonism in the Philosophy of Mathematics // Stanford Encyclopedia of Philosophy [Электронный ресурс]. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/spr2018/entries/platonism-mathematics/> (дата обращения 13 февраля 2022).

References

- Balaguer, M. (2018), “Fictionalism in the Philosophy of Mathematics”, *Stanford Encyclopedia of Philosophy*, available at: <https://plato.stanford.edu/archives/fall2018/entries/fictionalism-mathematics/> (Accessed 13 February 2022).
- Grattan-Guinness, I. (2000), *The Search for Mathematical Roots, 1870-1940. Logics, set theories and the foundations of mathematics from Cantor through Russell to Gödel*, Princeton University Press, Princeton, USA.
- Kosilova, E.V. (2022), “Understanding in mathematics: From classics to non-classics and post-non-classics. Part One”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 1, pp. 10–22.
- Linnebo, Ø. (2018), “Platonism in the Philosophy of Mathematics”, *Stanford Encyclopedia of Philosophy*, available at: <https://plato.stanford.edu/archives/spr2018/entries/platonism-mathematics/> (Accessed 13 February 2022).
- Sokuler, Z.A. (1994), *Lyudvig Vitgenshtein i ego mesto v filosofii XX veka* [Ludwig Wittgenstein and His Place in the Philosophy of 20th Century], Allegro-Press, Dolgoprudnyi, Russia.
- Sokuler, Z.A. (2022), “Logic in Tractatus Logico-Philosophicus”, *MSU Vestnik, Philosophy Series*, no 3, pp. 19–35.

Информация об авторе

Елена В. Косилова, доктор философских наук, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; 119991, ГСП-1, Россия, Москва, Ленинские горы, корпус «Шуваловский»; implicatio@yandex.ru

Information about the author

Elena V. Kosilova, Dr. of Sci. (Philosophy), Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; Shuvalovskii building, Leninskie Gory, Moscow, Russia, 119991; implicatio@yandex.ru

На выходе из карантина: ночь интеллектуалов

Яна Г. Янпольская

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, iana.ianpolskaia@gmail.com*

Аннотация. Статья посвящена пандемии как эпизоду интеллектуальной истории и ситуации рефлексии на фоне «смерти интеллектуала». Автор предлагает поставить под вопрос сами условия возможности ответа философии на вызов того или иного актуального кризиса в принципе и пандемии коронавируса в частности. Этот вопрос тесно связан с феноменом интеллектуала, кризис которого был анонсирован французскими исследователями около сорока лет назад. Сегодня можно говорить о симуляции его роли и места в современных «реакциях», об объективной исторической невозможности возрождения этой фигуры и присущей ей формы высказывания. Проблема рассматривается на материале французской интеллектуальной истории и критики «медиаинтеллектуала». Исходным пунктом анализа становится политический кризис во Франции 2019 г., ложно ожививший забытую структуру «интеллектуалы и власть». Автор статьи обращает внимание на сходство интеллектуального «штиля» (рефлексивной инертности) 1941 и 2021 гг., предлагая вспомнить о тех формах рефлексии, которые были задействованы А. Мальро, Ж.-П. Сартром, Ж. Поланом, М. Мерло-Понти. «Реакции» отдельных французских интеллектуалов, обусловленные коронавирусным кризисом, – Э. Морена, Р. Дебре, Ж.-Л. Нанси, Б. Латура – воспроизводятся в статье в свете интерпретации пандемии как «редуктивной ситуации» (М. Мамардашвили) с присущим ей морализаторством и неоманией (Р. Барт). Автору представляется проблемной апелляция к критике перед лицом «террора события» (М. Мерло-Понти). Интеллектуалы сами по себе представляют собой раритетный вымерший феномен, что важно учитывать в ожидании их «ответа» перед лицом угрозы пандемии.

Ключевые слова: интеллектуал, пандемия, редуктивные ситуации, неомания, Андре Мальро, Жан Полан, Жан-Поль Сартр, Морис Мерло-Понти, Жан-Люк Нанси, Режи Дебре, Эдгар Морен, Брюно Латур

Для цитирования: Янпольская Я.Г. На выходе из карантина: ночь интеллектуалов // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2022. № 2. С. 23–39. DOI: 10.28995/2073-6401-2022-3-23-39

Emerging from quarantine. The night of the intellectuals

Yana G. Yanpol'skaya

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
iana.ianpolskaia@gmail.com*

Abstract. The article deals with the pandemic as an episode of intellectual history and a situation of reflection against the background of the “death of an intellectual”. The author proposes to question the very conditions of the possibility for philosophy’s response to the challenge of this or that current crisis in principle and the coronavirus pandemic in particular. The question is closely related to the phenomenon of the Intellectual, the crisis of which was announced by French researchers about forty years ago. Today one can talk about the simulation of its role and place in modern “reactions”, about the objective historical impossibility of reviving this figure and its inherent form of expression. The issue is considered based on the material of French intellectual history and criticism of the “media intellectual”. The starting point of the analysis is the political crisis in France in 2019, which falsely revived the forgotten structure of “intellectuals and power”. The author of the article draws attention to the similarity of the intellectual “calm” (reflexive inertia) of 1941 and 2021, suggesting to recall those forms of reflection that were involved by A. Malraux, J.-P. Sartre, J. Paulhan, M. Merleau-Ponty. The “reactions” of certain French intellectuals caused by the coronavirus crisis – E. Moren, R. Debray, J.-L. Nancy, B. Latour – reproduced in the article in the light of the interpretation of the pandemic as a “reductive situation” (M. Mamardashvily) with its inherent moralizing and neo-mania (R. Barthes). The author finds it problematic to appeal to criticism in the face of the “terror of the event” (M. Merleau-Ponty). Intellectuals themselves are a rare extinct phenomenon, which is important to consider in anticipation of their “response” in the face of the threat of a pandemic.

Keywords: intellectual, pandemic, reductive situations, neomania, André Malraux, Jean Paulhan, Jean-Paul Sartre, Maurice Merleau-Ponty, Jean-Luc Nancy, Régis Debray, Edgar Morin, Bruno Latour

For citation: Yanpol'skaya, Ya.G. (2022), “Emerging from quarantine. The night of the intellectuals”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 2, pp. 23–39, DOI: 10.28995/2073-6401-2022-3-23-39

20-е годы XXI столетия внезапно оказались карантинными. Наряду с повторяющимися карантинами, которыми сопровождаются волны распространения covid-19, тревожные двадцатые напомнили и о другом «quarantaine»¹: о сорокалетнем юбилее «смерти

¹ «Карантин» является калькой с фр. «quarantaine» – букв. *сорок* (дней или лет).

интеллектуала». Исчезновение этого уникального, как оказалось, социально-исторического явления особенно сильно переживается во Франции, по праву считающей себя родиной интеллектуала как такового – не в меньшей степени, нежели родиной рационализма или микробиологии. С начала 1980-х на фоне ухода из жизни ключевых фигур интеллектуальной жизни Франции (Ж.-П. Сартр, Р. Барт, М. Фуко) все чаще звучит тема «конца интеллектуалов». Уже к 2000 г. во Франции было опубликовано более восьмидесяти изданий о смерти интеллектуала². Рождение этой фигуры принято связывать со знаменитым делом Дрейфуса (1898), начало угасания – с концом «славного тридцатилетия» и кризисом гексагонального структурализма (1973), а окончательное оформление «могилы интеллектуала» обычно сопоставляют с появлением на сцене его призрачного подобия – так называемого медиаинтеллектуала – в начале 1980-х.

Трактовки этого «конца» многообразны: Р. Дебре, П. Нора, О. Монжен, В. Декомб, Э. Готд, Ж.-Ф. Лиотар, Ф. Досс, К. Сальмон – вот лишь самый краткий перечень авторов, отдавших дань тени исчезнувшего интеллектуала, его истории, различных воплощений и «конечных форм». Разночтения историографов интеллектуала относительно причин летального исхода ключевой фигуры гексагонального культурного ландшафта XX столетия отдельно любопытны. Франсуа Досс указывает на утрату «профетизма» – ключевой «функции» послевоенного французского интеллектуала [Dosse 2018]. Пьер Нора хоронит вместе с интеллектуалом французский деспотизм и с их смертью связывает надежду на рождение «дебата»: одноименный журнал он основал как раз в 1980³. Оливье Монжен замечает, что хроникеры и почитатели «интеллектуальной жизни» заметно активизировались в отсутствие самой фигуры интеллектуала. Если интеллектуал – нигде, то он везде, и в этом смысле можно говорить как о конце, так о пролиферации интеллектуальности по всем направлениям:

... («сегодня каждый – интеллектуал!») печатная пресса, аудиовизуальная сфера и вся четвертая власть прочно освоились в старой доброй критической позе, столь дорогой сердцу интеллектуала французской выделки [Mongin 2000, p. 8].

² Обзор этих изданий и дискуссий представлен в статье Эрика Конана, опубликованной в «L'Express» в ноябре 2000 [Электронный ресурс]. URL: https://www.lexpress.fr/informations/la-fin-des-intellectuels-francais_640537.html (дата обращения 7 января 2022).

³ См.: Pierre Nora et Le débat: Trente ans de vie intellectuelle en France. Entretien avec Pierre Nora, de l'Académie française [Электронный ресурс].

Кристиан Сальмон диагностирует четыре признака, на основании которых можно утверждать, что после «авторизованного» интеллектуала, воплощением которого был Ж.-П. Сартр, и пришедшего ему на смену «интеллектуала-специалиста» типа М. Фуко, интеллектуал утратил свою специфику⁴. Новейшая формация последнего, так называемый медиатизированный интеллектуал, во-первых, не имеет собственного «поля компетенции», во-вторых, черпает свою легитимность главным образом в массовых медиа, в-третьих, легко и непринужденно переходит от «левой» аргументации к «правой» и обратно и, наконец, в-четвертых, известен прежде всего своей «личной жизнью», что делает его решительно неотличимым от спортсмена, актера, блогера. Российская исследовательница Дина Хапаева добавляет к картине упадка комплекс отставания и заимствования «эпохи переводов», пришедший на смену «гексагональной исключительности» французского сознания, и американский колониализм современной французской науки [Хапаева 2005, с. 11–18]. Все эти авторы так или иначе сходятся в одном: интеллектуал в собственном смысле слова (в отличие от донашивающего сегодня это имя племени «лидеров мнений») не считал нужным или необходимым «отвечать на повестку дня»; напротив, он сам создавал ее собственным словом и делом. В свою очередь «повестка» пыталась ответить ему, огорошенная.

Как и любой другой «конец», которыми был так богат гуманитарный ландшафт в канун и после «миллениума», кризис и смерть интеллектуала при видимой активизации «интеллектуальности» (интел-технологий, bigdata, увлекательной технонауки) периодически вызывает желание объявить об «окончании конца»: возрождении усопшего, возвращения интеллектуала на новом витке – перед лицом значимых «вызовов», рисков, глобальных катастроф. Политический кризис во Франции разразился гораздо раньше пандемии коронавируса: протесты «желтых жилетов», университетские беспорядки. 19 марта 2019 г. президент Эммануэль Макрон призвал французских интеллектуалов на большой Национальный

URL: <https://www.canalacademies.com/emissions/au-fil-des-pages/les-revues-litteraires/pierre-nora-et-le-debat-trente-ans-de-vie-intellectuelle-en-france> (дата обращения 7 января 2022).

⁴ См.: Les intellectuels sont-ils morts? par Christian Salmon, Pierre Rosanvallon et François Dosse // Over-blog [Электронный ресурс]. URL: <http://demain-lecole.over-blog.com/2019/03/les-intellectuels-sont-ils-morts-par-christian-salmon-pierre-rosanvallon-et-francois-dosse.html> (дата обращения 7 января 2022).

Дебат⁵. Призрак забытой структуры «интеллектуалы и власть» вызвал некоторое оживление среди участников этой встречи: сам факт, что президент обращается к академикам, эссеистам, историкам с просьбой «дать Франции образ будущего», был, по всей видимости, главной и единственной «новостью» состоявшегося собрания. Взаимное влечение закончилось разводом: уже в декабре коронавирусного 2020-го президент публично высказал в интервью еженедельнику «L'Express» пренебрежение мнением «пресловутых интеллектуалов, которые за десятилетия кризиса так и не смогли предложить Франции какой-либо выход»⁶.

Между тем интеллектуал, которого сегодня непрестанно упрекают в непроизводительности, оказался неспособен не только предложить образ будущего «городу и миру», но и найти выход из собственного кризиса. Сегодня невозможна ситуация 1949-го, к примеру, когда Сартр заявил: «...война умерла! А вместе с нею умерли те оправдания и утешения, которые она дарила слабым»⁷. Интеллектуалом не становятся «по вызову» – неважно, от кого или от чего исходит последний. Идет ли речь о вовлечении в *ситуацию* (ангажированность в понимании того же Сартра) или об изначальной вовлеченности в «процесс», которую П. Бурдьё противопоставляет мнимой академической «незаинтересованности», интеллектуал предлагает некое будущее *на собственных основаниях*, нередко исходя из собственных во многом экзотических соображений. В противном случае мы имеем дело с чем-то, что всего лишь напоминает фигуру «интеллектуала».

Поэтому, когда заходит речь о «философии эпохи пандемии» или же об «ответе на пандемию как вызов», неплохо было бы поставить под вопрос сами условия возможности подобного вызова и ответа. Они тесно связаны с легитимностью высказывания ученого, философа, исследователя, интеллектуала. Логично было бы предположить, что о причинах и последствиях очень быстрого и повсеместного распространения вируса, провоцирующего «потенциально опасное для жизни» заболевание, философствовать должен прежде всего вирусолог, микробиолог или специалист, имеющий доступ к медстатистике. Самые изящные философские конструкции

⁵ См.: Grand Débat des Idées avec des intellectuels (Partie 1) [Электронный ресурс]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=ats6tu-X2J8&ab_channel=%C3%89lys%C3%A9 (дата обращения 7 января 2022).

⁶ См.: Le malaise français, la trahison des élites... Macron, l'entretien confession [Электронный ресурс]. URL: https://www.lexpress.fr/actualite/politique/exclusif-le-malaise-francais-la-trahison-des-elites-macron-l-entretien-confession_2141252.html (дата обращения 7 января 2022).

⁷ Sartre J.-P. La fin de la guerre, Situations II. Gallimard, 1949. P. 164.

и историко-философские реконструкции, равно как и литературоведческие или культурологические экскурсы в образные системы массовых заболеваний, выглядят заведомо нелегитимными, избыточными или же циничными перед лицом всех тех, кто прямо сейчас сам переживает этот опыт. Логика и риторика, словесность и рефлексия, критика, аналитика, ирония и деконструкция – все они в равной мере неуместны перед конкретным случаем болезни, смерти и, уж тем более, перед могилой. Уместна только *кататония* рефлексии, независимо от того, что стало в данном случае причиной этой кататонии: смерть от последствий SARS, вызванного covid-19, или же от последствий вакцинации от них. Критика здесь невозможна, лишь описание, переживание и сопереживание. Только вот степень сопереживания отнюдь не пропорциональна «глобальности» явления. «...Стоит помнить, что с шокирующими деталями такого рода, – пишет Г. Дашевский об описаниях фашистских расстрелов в романе Дж. Литтелла «Благоволительницы», – можно описать не только Бабий Яр, но и автомобильную аварию» [Дашевский 2015, с. 13].

Что до «глобальных катастроф», они нигилистичны по определению. Они делают симулятивной всякую рефлексию, однако весьма активизируют коммуникацию, в которую в данном случае философии и предлагается вступить в форме «ответа на глобальный вызов». М.К. Мамардашвили описывал их как «редуктивные ситуации», исполненные моралистики, многословия, костылей «согласовывания», «совещания», «гарантирования» [Мамардашвили 2019, с. 167, 317].

Именно потому, что социальная ткань и ее воспроизводство на самом деле ничем вовсе не гарантированы, «редуктивные ситуации» перекрывают эту производственную паузу перепроизводством морализации. В отличие от тех, кто имеет дело со стагнацией и отмиранием *социальной* ткани, исследователи биологических процессов судят о происходящем вне добра и зла: наблюдения за сериями мутаций вируса или феномен «красивого рака», о котором упоминает Мамардашвили, в конечном счете опровергают гуманитарность любого сорта и демонстрируют объективную познавательную значимость редукции.

Наряду с многословием и моралистикой, родовым признаком редуктивных ситуаций, похоже, выступает *неомания*. Р. Барт вслед за П. Валери предлагал понимать под неоманией манию новизны, присущую с XVIII в. «нашей» цивилизации, в центре которой – романтическая мифологизация «оригинальности»⁸. Возможно,

⁸ См.: *Барт Р.* Мифологии. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2000. С. 304.

подобная мифологизация обостряется перед лицом «массовых форм». «Эпоха пандемии» многократно описана как «беспрецедентная», ставящая рефлексию перед *новым* вызовом, *новыми* антропологическими последствиями, требующими *нового* осмысления. Вынося за скобки относительно новый характер вируса covid-19 (биологический критерий новизны не может быть перенесен в сферу рефлексии хотя бы потому, что в известном смысле биолог на всех уровнях работает с новым, постоянно обновляющимся материалом, фиксируемым статистически), новизна рефлексивных ходов, мобилизованных для «ответа на вызов пандемии», неочевидна. Как выразился в свое время Ж.-Ф. Лиотар, событие – это то, что оставляет разум безоружным [Lyotard 1988, p. 36]. По степени вооруженности, с которой мысль откликнулась на «вызов пандемии», нередко просто связывая «новую угрозу» с теми сюжетами, которыми каждый занимался уже не один десяток лет и продолжил бы заниматься независимо от «новых» обстоятельств, можно судить о том, насколько это – *не событие*. Перед лицом «пандемии» философ находится в вынужденной, редукативной ситуации, и его ответы на пресловутый «вызов» нередко напоминают гимнастические экзерсисы типа тех, что описывал М. Пруст: Софокл пишет из Аида письмо Расину, чтобы утешить его в неуспехе «Гофолии»⁹. Игра в «письма с того света»: что бы сказал Маркс о covid-е? что думал бы о пандемии Альтюссер? что написал бы Жан-Поль Сартр о самоизоляции? С подобного «вызова», по мнению многих исследователей, и начинался в начале 1970-х закат интеллектуала: «перед микрофонами и камерами интеллектуал наспех должен был переформулировать свои университетские рефлексии» [Léon 2013, p. 10]. Такая спешность гибельна как для рефлексий, так и для «камер».

Интеллектуальная пауза 2021-го чем-то напоминает «штиль 1941-го», описанный Ж.-Ф. Лиотаром в его «гипобиографии» Андре Мальро:

В разгаре 1941-го – наихудшего – года, в центре циклона, фрегат Мальро со спущенными парусами переживал необъяснимый штиль. Один из главных романистов мира больше не напишет ни одного романа... Прощай, восстание народов? Они превратились в мобилизованные массы и выступили друг против друга. Тесные ряды насекомых – как скорпионы в Исфахане. Послушные неотличимым друг от друга вождам, что справа, что слева [Лиотар 2015, с. 219].

⁹ См.: Пруст М. Под сенью дев, увенчанных цветами / Пер. Е. Баевской. М.: Иностранка; Азбука, 2016. С. 489–493.

Исторически тот же самый штиль – покой бездействия (ибо все хуже – что ни сделай) переживает Сартров герой Рокантэн в 1938-м. В эти же годы невозможности¹⁰ Ж. Полан пишет о *терроре*: «Вот самое простое определение, какое можно было бы дать Террорристу: он – мизолог» [Полан 2000, с. 77]. Это террор письма, но и террор события, о котором будет размышлять М. Мерло-Понти в 1948-м: «...История – террор, поскольку есть случайность»¹¹. Террористичность «пандемии» очевидна: она побуждает симулировать пресловутую новизну и значимость «ситуации», не оставляя шанса игнорировать ее или ставить под вопрос; она вводит мысль в ступор как мизологическая данность – «держатъ речь» невозможно перед лицом подобной добровольно-принудительной мобилизации. Впрочем, рефлексия *происходящего* всегда пробиралась наощупь через террор истории вопреки мизологией и кататонии. Но в нынешней *ночи интеллектуалов*, наступившей после того, как погасли последние звезды, оказались почти неразличимы очертания отдельных «рефлексий», которые теперь все чаще называются «реакциями».

О четырех из них мне бы хотелось рассказать подробнее. Французский интеллектуал умер, однако еще живы некоторые из французских интеллектуалов, кто застал его расцвет в 1945-м и пережил его конец в 1980-м. Вопреки смерти интеллектуала как такового еще не успели умереть те, кто создал золотой век интеллектуальной истории Франции.

Голосом утешительной мудрости в современной Франции стал Эдгар Морен (1921 г. р.), встретивший на фоне пандемии свой столетний юбилей. Он – один из самых молодых участников Сопротивления и автор поворотной для многих его современников книги «Нулевой год Германии»¹², ставшей единственным изданием в издательстве не менее легендарной Маргерит Дюрас. Сегодня, на сто первом году жизни, Морен не сходит с экранов и страниц сетевых изданий. Он почти генетически связан с А. Мальро: интеллектуалу-коронелю¹³ Мальро, а также чистой случайности

¹⁰ См.: Год оригинального издания книги Ж. Полана: *Paulhan J. Les Fleurs de Tarbes ou La Terreure dans les Lettres. Édition de Jean-Claude Zylberstein, 1941.*

¹¹ *Merleau-Ponty M. Humanisme et terreure. Essai sur le problème communiste. Paris: Gallimard, 1948. P. 98.*

¹² См.: *Morin E. L'An zéro de l'Allemagne. P.: Éditions de la Cité Universelle, 1946.*

¹³ «Coronel» (исп. – полковник, colonel) – так называли Андре Мальро испанские повстанцы, сражавшиеся вместе с ним в рядах антифранкистской коалиции.

он обязан тем партизанским именем – Морен¹⁴, под которым прошел войну, а позже продолжил мирную подрывную деятельность как участник всех значимых интеллектуальных предприятий века («Les Temps modernes», «Социализм или варварство», «Медиология» и т. д.) В многотомном «Метод» Морен соединил паскальянский дух с картезианским, наращивая тело своего *opus magnum* подобно клеткам организма – в каждой отражая целое. Метод может прерваться на полуслове, так как уже в первой странице все сказано, и вместе с тем не может кончиться по той же, в общем-то, причине – целое может быть местом познания, только пока не случилось как целое¹⁵. Карантин «двадцатых» для Морена – повод напомнить¹⁶ о таких простых и, казалось бы, давно учтенных обстоятельствах, как «эпистемологический разрыв» Г. Башляра или же «принцип фальсифицируемости» К. Поппера. «Сложность»¹⁷, на стороне которой строит собственные интуиции Морен, снова становится сложно приемлемой мудростью паскальянского типа. «Жить с неуверенностью сообща» – этот мореновский рецепт звучит не ново, и секрет его доходчивости, видимо, в том, что он провозглашается «последним выжившим» и обращен к тем, кто примеряет к себе статус выживающих. «В конечном счете неуверенность, проникшая в нас с этим самым вирусом, – пишет Морен, – была, есть и будет неотъемлемой частью “удела человеческого”»¹⁸. «Благая весть» Морена не лишена хайдеггеровского флера: это своего рода проповедь о незаслуженном Забвении Неопределенности, ставшем причиной нынешнего – прежде всего эпистемического – краха. Тем самым он невольно окорачивает чрезмерно риторичного, по

¹⁴ Вступая в партизанский отряд, Эдгар Наум (настоящая фамилия Морена) задумал взять себе в качестве псевдонима фамилию Монэн (Morin), принадлежащую персонажу романа А. Мальро «Завоеватели». Однако при перекличке его по ошибке окликнули *Мореном* (Morin), и эта ослышка стала судьбоносной.

¹⁵ *Morin Э.* Метод. Природа Природы / Пер. и вступ. ст. Е.Н. Князевой. 2-е изд., доп. М.: Канон+, 2013. С. 30.

¹⁶ *Morin E.* Nous devons vivre avec l'incertitude // CNRS. 06.04.2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://lejournal.cnrs.fr/articles/edgar-morin-nous-devons-vivre-avec-lincertitude> (дата обращения 7 января 2022).

¹⁷ См.: *Morin Э.* О сложности. М.: Ин-т общегуманит. исслед., 2019. 284 с.

¹⁸ «Удел человеческий» – название романа А. Мальро и одно из центральных понятий Г. Марселя. *Morin E.* Nous devons vivre avec l'incertitude. “CNRS” 06.04.2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://lejournal.cnrs.fr/articles/edgar-morin-nous-devons-vivre-avec-lincertitude> (дата обращения 7 января 2022).

мнению многих французов, президента, который вступил в эпоху пандемии с официальным заявлением: «Мы – на войне!»¹⁹ Эдгар Морен, не понаслышке знающий, что значит «быть на войне», с Эммануэлем Макроном согласился: да, мы на войне, пожалуй, но кто враг – нам не известно²⁰.

Другой голос в ночи, Режи Дебре, звучит гораздо менее умиротворяюще. Размышления Дебре о текущих обстоятельствах издаются «Gallimard», – в то время как «Marianne» публикует их в разделе «Медиологи»: само это понятие уже более двадцати лет ассоциируется во Франции с его именем и его сообществом. Книга Р. Дебре «Introduction à la médiologie» («Введение в медиологию»)²¹ вышла в русском переводе [Дебре 2010] на десять лет позже оригинала и, похоже, прошла незамеченной. Между тем «медиология», вводящая интеллектуала с пути медиатизации, была описана Дебре еще в 1990-е. «Медиология» – вовсе не изучение медиа как коммуникации. Медиологический анализ – в противовес коммуникативному – развешествляет, возвращая «вещи» в медиацию, в процесс, в событие. За якобы вездесущим миром массмедиа с его медиантеллектуалами обнаруживается нечто более протяженное – причем во времени, а не в пространстве – *медиа* как таковое. Первое Дебре именуется «архипелагом Коммуникации», второе – «континентом Передачи» [Дебре 2010, с. 21]. Передача (медиология) действует во времени, в то время как Коммуникация (идеология) – в пространстве, причем быстрее и проворнее первой. В ситуации, когда «луженая глотка коммуникации» уверенно сшивает разнесенные в пространстве миры легко принимаемыми «идеями», медиолог задается диахроническим и «вертикальным», как сказал бы Валери, вопросом о том, что является носителем этих идей, кто/что и позволяет им *передаваться*. На сайте “Mediologie”, наследующем одноименному журналу, эта оптика уточнена следующим образом:

Всякий раз, когда мы обнаруживаем нечто, что «заставляет нас поверить» (*faire-croire*), «дает понять» (*faire-savoir*) или «подталкивает

¹⁹ См.: Emmanuel Macron: “Nous sommes en guerre” contre le coronavirus – covid-19 [Электронный ресурс]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=5wYyJckGrdc&ab_channel=FRANCE24 (дата обращения 7 января 2022).

²⁰ См.: Coronavirus: chronique d'une polycrise. De L'intérieur – Edgar Morin [Электронный ресурс]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=lp-T26hnttV8&ab_channel=LeProjetImagine (дата обращения 7 января 2022).

²¹ См.: *Debray R. Introduction à la médiologie*. PUF, Collection Premier Cycle, 2000; *Дебре Р. Введение в медиологию* / Пер. с фр. Б.М. Скуратова. М.: Праксис, 2010. 368 с.

к действию» (*faire-marcher*)... медиология прежде всего обращает внимание на это «делать так, чтобы» (*“faire”*)²².

Участником медиологии был и остается Эдгар Морен.

Дебре, как и Морен, «перед угрозой пандемии» не меняет ни оптики, ни словаря. Статья в «*Marianne*» от 13 апреля 2020 – о том же «*faire*», выступающем частью устойчивых выражений – так и озаглавлена: «Слово и дело» («*Le dire et le faire*»)²³. Дебре уверен, что коммуникативный вирус, позволяющий слову и мнению пролиферировать во всех направлениях в условиях отсутствия решимости того, кто должен действовать, – весьма характерный и небезобидный признак такого рода «кризисных» моментов. Дебре указывает на провал, внезапно обнаружившийся между «сделать» и «сказать», предполагая, что

...уже завтра историкам придется констатировать полное размывание публичного политического высказывания за последние полвека: оно свелось к пустопорожним официальным выступлениям. Чем меньше они могут, тем больше рассуждают²⁴.

Искомая решимость действия (*le faire*) свелась к решению «предусмотреть, чтобы» (*faire en sorte que*):

...сказать сегодня вовсе не значит сделать, и слово никак не связано с действием, нам как бы сообщают о том, что нечто будет сделано чуть позже и непонятно кем именно и когда. Это скорее некое благое пожелание²⁵.

Собственно, если мы все «на войне», подхватывает президентское сравнение Дебре, то почему бы не найти главнокомандующего – того, кто сможет кратким словом-делом прервать короно-кризис, подобно другим аналогичным. За этим голлистско-тетчеристским пафосом Дебре, известного идеолога геваризма, отчетливо различим штиль, пауза перед лицом мизологичности террора: то, что не удастся прервать действующим словом, нет смысла продолжать повсюду обсуждать.

На фоне и «под прикрытием» пандемии ушел из жизни «последний французский философ», Жан-Люк Нанси. Странное чувство:

²² См.: сайт «Медиология» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mediologie.org/mediologie-1> (дата обращения 1 июня 2022).

²³ *Debray R. Le dire et le faire/ Marianne, 13.04.2020* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.marianne.net/agora/les-mediologues/le-dire-et-le-faire-par-regis-debray> (дата обращения: 07 января 2022). Здесь и далее перевод мой. – Я. Я.

²⁴ Ibid.

²⁵ Ibid.

«продленная» жизнь Нанси словно давно уже переживалась как то, что вот-вот оборвется. Роль «последнего классика», продолжавшего жить «после всех» – Деррида, Лиотара, Бланшо – сделала его уход в августе 2021 г. чем-то неслучившимся в лучшем смысле слова. Нанси больше нет, но его завершившееся отступление оказалось как будто бы завуалированным обстоятельством. 24 марта 2020 г. вышла статья Нанси в “*Libération*” с вполне «ожиданным» названием: «Коммуновирус»²⁶ [Nancy 2020]. Нанси сообщает, что обязан каламбуром своему другу из Индии, чье имя он, однако, не упоминает. Впрочем, выражения типа «*covidité desœuvrée*», цинично обыгрывающие название великой книги Нанси «*La Communauté désœuvrée*»²⁷ в ситуации, когда сообщество стало синонимом контактичности, а дистанция – «социальной», носилось, что называется, в воздухе. Статья Нанси сама по себе выглядит как напоминание о протяженной дискуссии 1980-х о сообществе, ключевую роль в которой сыграли его работы, в связи с новыми печальными обстоятельствами. Мысль Нанси проста и утешительна: история коронавируса – печальный опыт, но! – это все-таки опыт сообщества, его проба на прочность. Самоизоляция как опыт «неставшего» и «непроизводимого» сообщества, опыт некоей интимной *communauté*, основанный на уникальности каждого способа существования, это, как пишет Нанси, своего рода новый этап вызревания (Марксова?) индивидуализированного коммунизма²⁸. Не менее «утешительной» оказывается и последняя книга Нанси «Слишком человеческий вирус», увидевшая свет в октябре 2020 г.²⁹ Ей предшествовали онлайн-чтения глав книги: Нанси в режиме видеотрансляции читал готовящийся текст аудитории канала “*Philosopheur au présent*”³⁰. После Второй мировой Европа непрерывно эманировала в ее колонии, – пишет и говорит Нанси. Теперь приходит время «получить обратно» бумерангом и интегрировать не только беженцев, мигрантов с их культурами, но вот и... вирусы. Именно в силу *открытости* как самой важной из европейских добродетелей, вирус в ней сеет смуту большую, нежели там, где он возник. Впрочем, и *просто победить вирус* здесь будет недостаточно. Всякое «слишком человеческое», которое в мысли Нанси идет скорее от Паскаля, чем

²⁶ Nancy J.-L. *Un trop humain virus*. Paris: Bayard Editions, 2020. 100 p.

²⁷ См.: Nancy J.-L. *La Communauté désœuvrée*. Paris: Christian Bourgois, 1986.

²⁸ См.: Nancy J.-L. *Un trop humain virus*...

²⁹ Ibid.

³⁰ См.: *Philosopheur en temps*, intervention № 75 [Электронный ресурс]. URL: <https://m.youtube.com/watch?v=cthb0n7CtQY> (дата обращения 7 января 2022).

от Ницше, – предпосылка для последующих эпидемий, чем бы они ни обернулись. Человек – всегда большее, чем человек, – вторит Нанси Паскалю. И все же: когда он становится бóльшим чрезмерно, не став притом богом, он больше уже не способен себя превзойти, оставаясь наедине со «слишком уж человеческим». Издательство “Bayard Editions” отрекомендовало книгу Нанси как мощную спасительную рефлексию от самого великого философа Франции³¹. Верно, однако, и то, что «спасительность» и «утешительность» здесь превалируют. Это терапия, но не критика.

В марте 2021 г. вышла в свет книга Брюно Латура «Где это я? Инструкция по самоизоляции для землян» [Latour 2021]. Ее можно представить как био-антропо-поэтический памфлет с элементами пародии на экологизм как стиль мышления. О словутой пандемии и «коронавирусе» он здесь почти не пишет, хотя ему как автору книги о революции Пастера³², казалось бы, «сам бог велел» мобилизовать на потребу дня прежние достижения. Латур как ни в чем не бывало продолжает серию книг, предыдущая из которых, «Где приземлиться?», уже знакома российскому читателю [Латур 2019]. «Где это я?..» – не размышление о ковиде-пандемии-изоляции, это письмо болезнью, изоляцией и избавлением. Лирический герой книги Латура находится в процессе, в превращении. Точнее, он внезапно обнаруживает себя («Где я?») персонажем другой книги:

Просьпаясь, я обнаруживаю, что мучим тем же, чем и герой повести Кафки «Превращение». Пока он спал, он превратился в таракана. Вот он сначала чувствует, что, кажется, не сможет больше встать, чтобы идти работать; прячется под кровать; слышит оттуда, как стучат в закрытую им на ключ дверь его сестра, родители, начальник. Подняться он уже не может; спина буквально одеревенела; повсюду движутся конечности и усики, со всем этим теперь ведь нужно как-то разобраться; он постепенно замечает, что вот уже никто больше не понимает, что он говорит; да и размером его тело изменилось; он стал «ужасным насекомым». Вот и со мной случилось то же самое [Latour 2021, p. 13]. (Перевод мой. – Я. Я.)

До «превращения», вспоминает Замза-Латур, «до этого момента», мы могли двигаться так, как хотим – идти по улице, лететь на

³¹ См.: Издательский анонс [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bayard-editions.com/religions-et-sciences-humaines/sciences-humaines/societe/un-trop-humain-virus> (дата обращения 7 января 2022).

³² См.: Латур Б. Пастер: Война и мир микробов, с приложением «Несводимого» / [Пер. с фр. А.В. Дьякова]. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2015. 316 с.

самолете. Теперь уже не полетишь, действия ограничены, работа ограничена компьютером. Новоявленному инсекту постоянно напоминают, что он выделяет микрокапельки, теоретически способные свести в могилу каждого, кто с ним соседствует. Впрочем, мутацию претерпевает в тексте Латура не только Грегор Замза, герой Кафки, но и само значение понятия «кафкианский» с закрепившейся за ним мрачной репутацией. Перефразируя Камю («Миф о Сизифе»), Латур нам предлагает «представлять себе Грегора Замзу счастливым»: Грегор должен чувствовать себя гораздо менее одиноким с тех пор, как он обзавелся телом насекомого [Latour 2021, p. 15]. А поскольку «насекомое» – устойчивая метафора «человеческого», то «Превращение» оказывается повестью о воплощении-рождении в человеческий мир, снаружи которого остаются звери-ангелы-демоны-боги-машины-вирусы: отец, сестра, семья, начальник. Онтологическое следствие карантина, запертости, переворачивания, ограничения передвижения Латур маркирует «делезианским» термином *devenir*, обозначая его как «*Devenir-termite*» («становление-термитом»), и усматривает в нем весьма «оптимистичную» перспективу. Масса новоприобретенных органов-приспособлений, собственно, и позволяют стать впервые человеческим существом. Между тем как «семья», стучащая в дверь комнаты «ужасного инсекта», отождествляется Латуром с «*inhumain*», нечеловеческим: климатический кризис и пандемия сделали их монстрами. Кафкианский сюжет по Латуру сегодня читается наоборот. Грегор Замза – в выигрыше, он может научить нас выжить в изоляции, выйти из изоляции. Учиться жить самодостаточно, подобно капитану Немо, «не всплывая на поверхность», Латур предлагает также и у термитов – не у всяких, а у гриборазводящих (*Termitomyces*) [Latour 2021, p. 14]. Инсектаризация жизни учит иначе смотреть вдаль и «в стену», соотносить территорию, Глобальное и Земное, минув поднадоевшие версусы, из которых выстроены тупики экологизма. Подобно *zad*-истам, заявляющим «мы не защищаем природу, мы и есть природа, которая защищается» [Латур 2019, с. 113], Латур – не тот, кто пишет о «коронавирусе», но сам носитель вируса, сделавший этот опыт письмом³³. Ониризм поэтики здесь соответствует режиму «пандемии»: «Где ж это я? – вопрос. Ответ – где-то там, в ином обществе и в ином времени. Как же мне там быть? Да как всегда:

³³ В одной из видеобесед Латур рассказывает, что в период «первой изоляции» он писал, заболевая, еще не зная, чем, собственно, болен. См.: Latour B. I imaginar el mundodespués de Covid-19 [Электронный ресурс]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=TOP7HRPl5gM&ab_channel=C%3%A1tedraAlfonsoReyes (дата обращения 7 января 2022).

наощупь...» [Latour 2021, p. 14]. Собственно, «танцевать» приходится не от «эпохи пандемии», но всегда от себя, и превращение в инсекта, вторит Кафке Латур, это хороший пунктум для соотносения с собой: нужно поставить точку в прежней жизни, так сказать.

На выходе из карантина после ночи превращения герой Латура – некогда интеллигент, теперь инсект – мыслит гораздо более ясно и авторизованно. Парадоксальным образом в нем можно усмотреть и новый образ интеллектуала. Будет ли это некий интеллектуал эпохи пандемии, или же пандемия продолжится на фоне повального вымирания интеллектуалов? Вопрос остается.

Заключение

Мы попытались описать не столько рефлексивные ходы эпохи пандемии, сколько рефлексии интеллектуализации этого опыта, продолжающиеся спустя сорок лет после начала повального кризиса и смерти интеллектуала. Почему в «массовой ситуации» остается потребность в авторизованном понимании, пусть даже повторяющем в очередной раз то, что уже много раз было озвучено, как это мы могли увидеть на примере публичных текстов Э. Морена, Р. Дебре, Ж.-Л. Нанси? Можем ли мы говорить о новом типе интеллектуальной литературы на примере серии манифестов Б. Латура? Предпринятый обзор «реакций интеллектуалов» несколько уточняет изначальное сомнение в самой возможности такого рода реагирования: пандемия стала сценой для повторения, популяризации, гиперсимуляции прежних идей. Подобный редуктивный опыт чтения указывает на границы и условия высказывания более определенно: не умея предложить «выхода из кризиса», интеллектуал и после своей символической смерти воспроизводит себя. В том числе и в отказе от реагирования, в переживании «штиля».

Источники

- Барт Р.* Мифологии. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2000. 320 с.
Пруст М. Под сенью дев, увенчанных цветами / Пер. Е. Баевской. М.: Иностранка; Азбука, 2016. 576 с.
Merleau-Ponty M. Humanisme et terreur. Essai sur le problème communiste. Paris: Gallimard, 1948. 212 p.
Sartre J.-P. La fin de la guerre, Situations III. Paris: Gallimard, 1949. 230 p.

Литература

- Дашевский 2015 – *Дашевский Г.* «Благоволительницы» Джонатана Литтелла // Дашевский Г. Избр. статьи. М.: Новое издательство, 2015. С. 12–16.
- Дебре 2010 – *Дебре Р.* Введение в медиологию / Пер. с фр. Б.М. Скуратова. М.: Праксис, 2010. 386 с.
- Латур 2019 – *Латур Б.* Где приземлиться? Опыт политической ориентации / Пер. с фр. А. Шестакова; Науч. ред. О. Бычкова. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2019. 202 с.
- Лиотар 2015 – *Лиотар Ж.-Ф.* За подписью Мальро / Пер. с фр. А.В. Шестакова. СПб.: Владимир Даль, 2015. 479 с.
- Мамардашвили 2019 – *Мамардашвили М.К.* Вильнюсские лекции по социальной философии (опыт физической метафизики). СПб.: Азбука, 2019. 352 с.
- Полан 2000 – *Полан Ж.* Тарбские цветы, или Террор в изящной словесности / Пер. с фр. А. Шестакова. СПб.: Наука, 2000. 336 с.
- Хапаева 2005 – *Хапаева Д.Р.* Герцоги республики в эпоху переводов: Гуманитарные науки и революция понятий. М.: Новое лит. обозрение, 2005. 162 с.
- Dosse 2018 – *Dosse F.* La saga des intellectuels français. T. I. Paris: Gallimard, 2018. 462 p.
- Latour 2021 – *Latour B.* Où suis-je? Leçons du confinement à l'usage des terrestres. Paris: Éditions La Découverte, 2021. 131 p.
- Léon 2013 – *Léon J.* Historiographie du structuralisme généralisé. Etude comparative // Les structuralismes linguistiques : problèmes d'historiographie comparée. 2013. № 3. P. 1–23.
- Lyotard 1988 – *Lyotard J.-F.* L'inhumain: causeries sur le temps. Paris: Galilée, 1988. 219 p.
- Mongin 2000 – *Mongin O.* “Fin de partie?” // Esprit. 2000. Mars-avril. No. 262 (3/4). P. 7–11.

References

- Dashevskii, G. (2015), «The Benefactresses» by Jonathan Littell, *Dashevskii G. Izbr. stat'i*, Novoe izdatel'stvo, Moscow, Russia, pp. 12–16.
- Debray, R. (2010), *Vvedenie v mediologiyu* [Introduction to Mediology], Skuratov, B.M. (transl.), Praksis, Moscow, Russia.
- Dosse, F. (2018), *La saga des intellectuels français* [The saga of French intellectuals], vol. I, Gallimard, Paris, France.
- Khapaeva, D.R. (2005), *Gertsogi respubliki v epokhu perevodov: Gumanitarnye nauki i revolyutsiya ponyatii* [Dukes of the Republic in the Age of Translation. Humanities and the concept revolution], Novoe lit. obozrenie, Moscow, Russia.
- Latour, B. (2019), *Gde prizemlit'sya? Opyt politicheskoi orientatsii* [Where to land? Experience of political orientation], Shestakov, A. (transl.), Bychkova, O. (ed.), Izd-vo Evropeiskogo un-ta v Sankt-Peterburge, Saint Petersburg, Russia.
- Latour, B. (2021), *Où suis-je? Leçons du confinement à l'usage des terrestres*, Éditions La Découverte, Paris, France.

- Léon, J. (2013), “Historiographie du structuralisme généralisé. Etude comparative”, *Les structuralismes linguistiques : problèmes d'historiographie comparée*, no 3, pp. 1–23.
- Mongin, O. (2000), “Fin de partie?”, *Espirit*, Mars-avril, no. 262 (3/4), pp. 7–11.
- Lyotard, J.-F. (2015), *Za podpis'yu Mal'ro* [Signed by Malraux], Shestakov, A. (transl.), Vladimir Dal', Saint Petersburg, Russia.
- Lyotard, J.-F. (1988), *L'inhumain: causeries sur le temps*, Galilée, Paris, France.
- Mamardashvili, M.K. (2019), *Vil'nyusskie leksii po sotsial'noi filosofii (opyt fizicheskoi metafiziki)* [Vilnius Lectures on Social Philosophy (Essay of Physical Metaphysics)], Azbuka, Saint Petersburg, Russia.
- Paulhan, J. (2000), *Tarbskie tsvety ili Terror v izyashchmoi slovesnosti* [Tarbes Flowers or Terror in Fine Language], Shestakov, A. (transl.), Nauka, Saint Petersburg, Russia.

Информация об авторе

Яна Г. Янпольская, кандидат философских наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; iana.ianpolskaia@gmail.com

Information about the author

Yana G. Yanpol'skaya, Cand. of Sci. (Philosophy), Russian State University for Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; iana.ianpolskaia@gmail.com

Влияние государства на развитие советской философии: к 75-летию философской дискуссии 1947 г.

Павел В. Владимиров

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, pvladimirov@mail.ru
ORCID 0000-0003-1431-4011*

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о влиянии государства на развитие советской философии на примере материалов дискуссии 1947 г. по книге Г.Ф. Александрова «История западноевропейской философии». Рассматриваются основные обозначенные в дискуссии аспекты принципа партийности философии как главной линии выражения государственного влияния. Обозначаются особенности практического выражения принципа партийности, а также специфичные условия философской деятельности в СССР, связанные с государственным влиянием, нашедшие свое отражение в материалах дискуссии. Разбирается проблематика восприятия философии как идеологического оружия, используемого в государственных целях, а также как средства для решения актуальных задач, стоящих перед обществом. Рассматривается вопрос об осмыслении роли историко-философской науки в ее связи с государственными задачами. На примере состоявшихся споров о философии Гегеля показывается практика обращения к классикам марксизма-ленинизма для защиты противоречащих друг другу мнений, а также возможность изменения ранее принятых установок при получении новых указаний со стороны государственных руководителей. Затрагивается вопрос использования государственного влияния в целях внутренней борьбы философских групп в СССР.

Ключевые слова: Гегель, диалектический материализм, советская философия, сталинизм, марксизм, государство и философия

Для цитирования: Владимиров П.В. Влияние государства на развитие советской философии: к 75-летию философской дискуссии 1947 г. // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2022. № 2. С. 40–58. DOI: 10.28995/2073-6401-2022-3-40-58

Influence of the state on the development
of Soviet philosophy.
75th anniversary
of the philosophical discussion of 1947

Pavel V. Vladimirov

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, pvladimirov@mail.ru
ORCID 0000-0003-1431-4011*

Abstract. The article considers the question of the state influencing the development of Soviet philosophy, using the materials of the 1947 discussion over G.F. Alexandrov's book "History of West-European Philosophy" as an example. It focuses on the main aspects of the party principle in philosophy as the main line of expression of the state influence. The paper outlines the peculiarities of the practical expression of the party principle, as well as the specific conditions of philosophical activity in the USSR associated with the state influence, which are reflected in the materials of the discussion. The issues of perception in philosophy as an ideological weapon used for governmental purposes, as well as a means for solution of urgent tasks facing the society are reviewed. The article also considers a question of understanding the role of historical and philosophical studies in their relation to the tasks of the state. Using the example of debates on Hegel's philosophy the author demonstrates the practice of referring to the classics of Marxism-Leninism in defense of contradictory opinions, as well as the possibility of revising earlier adopted attitudes if new instructions come from the state leaders. Furthermore he touches upon the question of the use of state influence for the internal struggle of philosophical groups in the USSR.

Keywords: Hegel, dialectical materialism, Soviet philosophy, Stalinism, Marxism, state and philosophy

For citation: Vladimirov, P.V. (2022), "Influence of the state on the development of soviet philosophy. 75th anniversary of the philosophical discussion of 1947", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 1, pp. 40–58, DOI: 10.28995/2073-6401-2022-3-40-58

Введение

Уровень влияния государства на развитие отечественной философии на различных этапах нашей истории был разным, но вряд ли возможно выделить сколько-нибудь продолжительные периоды, когда философия развивалась вне этого, прямого или опосредованного, влияния. В советский период связь между философией и государством была наиболее открытой и полной: диалектический материализм был возведен в ранг официальной государственной философской доктрины, развивающейся в рамках так называемого

принципа «партийности науки». С одной стороны, это являлось определенным стимулом развития философии: существовал постоянный «государственный заказ» на некоторые направления философских исследований, у философии был высокий статус в качестве важнейшей составляющей государственной идеологии, произведения «допускаемых» философов издавались многотысячными тиражами. С другой стороны, это же и существенно ограничивало развитие отечественной философии: какая-либо работа вне диалектического материализма была крайне затруднительна, многие философские произведения были фактически под запретом, существовала необходимость постоянной сверки позиций с «партийной линией», а также с работами классиков марксизма-ленинизма.

Некоторые особенности развития советской философии с точки зрения государственного влияния на нее, а также представления об условиях, в которых приходилось действовать философским работникам СССР, могут быть определены на основании анализа дискуссии по книге Г.Ф. Александрова «История западноевропейской философии», состоявшейся по решению ЦК ВКП(б) в июне 1947 г. Изучение материалов данной дискуссии дает возможность лучше понять проблемы и специфику деятельности философского сообщества советского периода. Дискуссия 1947 г. уже не раз становилась объектом историко-философского рассмотрения, но и сегодня, в канун ее 75-летия, она представляет для исследователей определенный интерес.

Принцип партийности философии как главная линия выражения государственного влияния

Наиболее значимым выражением влияния государства на развитие философии может служить так называемый принцип «партийности философии», ставший одной из центральных тем всей дискуссии. Опубликованная в первом номере журнала «Вопросы философии» стенограмма дискуссии содержит 84 доклада, и практически в каждом из них в той или иной степени затрагивается вопрос партийности философии – как по отношению к оценке книги Г.Ф. Александрова, так и по отношению к состоянию дел на «философском фронте» вообще. Упоминая принцип партийности и выражая его безусловную поддержку, многие докладчики представляют свои разъяснения относительно того, что этот принцип означает. При этом данные разъяснения иногда довольно сильно отличаются друг от друга и зачастую носят фрагментарный характер, а какой-либо единой, комплексной, четко выраженной позиции по

поводу значения принципа партийности в целом не прослеживается. Более того, попытки представить такое целостное видение встречают определенную критику. Так, например, когда М.Б. Митин дает относительно развернутый ответ на поставленный им же вопрос «Что же значит партийность в философии?»¹, он получает саркастический упрёк от П.А. Шария:

Очень много здесь говорилось об этом [о партийности в философии], а вчера т. Митин за счет регламента 10–15 минут посвятил популярной лекции о партийности. Я уверен, что т. Александров не хуже других знает те элементарные положения ленинизма о партийности, которые здесь излагали².

В докладах содержатся и другие критические замечания относительно попыток некоторых руководящих философских работников присвоить себе право решать, что такое истинный марксизм-ленинизм или истинная партийность³. В то же время редкие попытки защищать Александра от обвинений в недостаточном внимании к принципу партийности встречают сопротивление. В частности, позиция М.В. Серебрякова относительно того, что Александров прекрасно понимает этот принцип, а фразы о партийности нет необходимости повторять, поскольку они всем и так давно известны⁴, критикуется С.В. Морочником («Я начну с заявления т. Серебрякова о том, что нам, видите ли, “навязли в зубах” слова о партийности и классовости науки»⁵) и другими выступающими, которые отмечают, что одно дело – знать принцип партийности, а другое – применять его на практике. По отдельным аспектам трактовки принципа партийности встречаются разногласия. Например, тезис М.А. Леонова о том, что критерием оценки научной деятельности является служение большевистской политике⁶, вызывает возражение со стороны В.С. Пауковой («...не политика должна служить критерием партийности, а наоборот, подлинная и последовательная научность должна служить критерием партийности и политики, и философии»⁷), что вызывает оживление в зале, отмеченное в стенограмме.

¹ Вопросы философии. Т. 1. М.: Ин-т философии (АН СССР), 1947. С. 121–122 (Доклад М.Б. Митина).

² Там же. С. 164 (Доклад П.А. Шария).

³ Там же. С. 404 (Доклад Я.А. Мильнера).

⁴ Там же. С. 98 (Доклад М.В. Серебрякова).

⁵ Там же. С. 114 (Доклад С.В. Морочника).

⁶ Там же. С. 151 (Доклад М.А. Леонова).

⁷ Там же. С. 225 (Доклад В.С. Пауковой).

В целом оценка влияния государства на развитие советской философии в части выражения принципа партийности может быть охарактеризована тем, что, с одной стороны, данный принцип принимался и разделялся философским сообществом в общих, декларативных чертах, но, с другой стороны, его конкретное, детализированное понимание и практическое применение могло быть различным.

Ниже приведено краткое описание наиболее часто встречающихся в выступлениях интерпретаций отдельных аспектов принципа партийности в философии.

1. Неприемлемость академизма и объективизма. Во многих выступлениях книга Александрова, а также иные работы советских философов критикуются за так называемый «объективизм», т. е. за позицию якобы объективного и беспристрастного изложения тех или иных философских вопросов вне связи с их политической и идеологической оценкой. Объективизм при этом зачастую обозначается как буржуазный подход к науке⁸, за которым под внешней формой научной объективности скрываются буржуазные классовые интересы. Так, например, И.И. Новинский развивает идею о «глубоко лживом и опасном тезисе “объективности” науки, защищаемом буржуазной “теорией” науки»⁹. Открыто поддерживается так называемая большевистская тенденциозность науки, которая, однако, не является при этом предвзятой или искажающей факты («...партийность философии марксизма отнюдь не означает какой-то “классовый субъективизм”, как утверждают критики и враги марксизма»¹⁰) и носит характер подлинной объективности («...наша тенденциозность, наша партийность целиком совпадает с объективным ходом истории»¹¹). Также критикуется и академизм как «узкий, книжный, профессорский подход к делу»¹², как катедер-социализм, т. е. «марксизм выхолащенный, небоевой, догматический, профессорский, вяло и бесстрастно проповедуемый с университетских кафедр»¹³ и т. д. Впрочем, встречаются и единичные попытки защитить академизм путем отделения истинного, марксистского академизма (как большого, серьезного, строго научного подхода к исследованиям) от ложного¹⁴.

⁸ Там же. С. 16, 285, 302 (Доклады М.Д. Каммари, П.Ф. Юдина, Т. Александяна).

⁹ Там же. С. 204 (Доклад И.И. Новинского).

¹⁰ Там же. С. 16 (Доклад М.Д. Каммари).

¹¹ Там же. С. 86 (Доклад М.М. Розенталя).

¹² Там же. С. 123 (Доклад М.Б. Митина).

¹³ Там же. С. 227 (Доклад П.Е. Вышинского).

¹⁴ Там же. С. 381 (Доклад З.А. Каменского).

2. *Философия как оружие*. В рамках дискуссии зачастую встает вопрос и о роли как философии вообще, так и историко-философской науки в частности. В этой связи характерно обозначение философии в качестве идеологического оружия в борьбе против различных реакционных, буржуазных, антимарксистских течений. Утверждается, например, что история философии не сводится к вопросам «просветительства» и «культурничества», а имеет политическое значение, и поэтому она должна быть боевой, «разоблачать и разить врага»¹⁵. Работа Александрова критикуется и за неоправдавшиеся ожидания того, что она станет сильным идеологическим оружием в борьбе против буржуазной идеологии¹⁶. Отмечается, что учебник по истории философии «должен иметь определенный прицел, стрелять по врагу»¹⁷. Распространены и сравнения философии с фронтом (185 упоминаний), на котором постоянно ведутся боевые действия. Причем фронтовые метафоры используются с разными целями: так, например, если А.А. Жданов, призывая философских работников активнее наступать на враждебную идеологию, утверждает, что советский философский фронт в настоящее время скорее напоминает «тихую заводь или бивуак где-то далеко от поля сражения»¹⁸, а О.С. Войтинская сравнивает с дезертирством отставание философов в происходящий всемирно-исторической битве с врагами советского народа¹⁹, то З.А. Каменский, осторожно отстаивая позицию о праве философов заниматься не только задачами исторического материализма (признаваемыми при этом Каменским самыми важными и актуальными), ставит вопрос о том, насколько все же оправданным является снятие всех войск с второстепенных участков фронта для переброски на один основной²⁰.

Принцип философии как оружия вызывает замечания и по поводу стиля написания книги Александрова – звучат обвинения в том, что она «написана недостаточно боевым партийным языком»²¹, что в ней «не чувствуется кипения страстей»²², что ее недостатком является «величаво-спокойный, повествовательный тон, почти эпический язык учебника»²³. Выступающие неоднократно

¹⁵ Там же. С. 138 (Доклад И.П. Трайнина).

¹⁶ Там же. С. 238 (Доклад А.А. Уйбо).

¹⁷ Там же. С. 338 (Доклад О.С. Войтинской).

¹⁸ Там же. С. 268 (Доклад А.А. Жданова).

¹⁹ Там же. С. 337 (Доклад О.С. Войтинской).

²⁰ Там же. С. 382 (Доклад З.А. Каменского).

²¹ Там же. С. 32 (Доклад Г.Н. Гусейнова).

²² Там же. С. 86 (Доклад М.М. Розенталя).

²³ Там же. С. 463 (Доклад Э.Г. Фишера).

отмечают необходимость учиться боевому, воинствующему стилю изложения философских вопросов у классиков марксизма-ленинизма. Так, А.А. Жданов за образец предлагает взять книгу «Материализм и эмпириокритицизм», где «...каждое слово Ленина представляет из себя разящий меч, уничтожающий противника»²⁴.

В качестве развития тезиса о необходимости восприятия философии как оружия в борьбе против идеологических врагов от ряда выступающих звучат фактические просьбы о возможности больше времени и внимания уделять изучению современных буржуазных философских течений («Чтобы бороться с врагом, нужно его ненавидеть. Но этого мало. Нужно его знать»²⁵). В частности, этой теме посвящена большая часть выступления В.Ф. Асмуса. Подчас в завуалированном виде высказываются пожелания иметь возможность свободнее получать книги ограниченного доступа (например, в выступлении Н.М. Мирошхиной, обосновывающей важность критики книги «История западной философии» Б. Рассела, которую она, по собственному признанию, не читала).

3. Философия как средство государственного идеологического воспитания. В ряде выступлений обозначается важная роль философии (или истории философии) как средства идеологического воспитания, как способа формирования в советских людях правильного мировоззрения. Так, например, С.П. Дудель утверждает, что «изучение истории философии в наших вузах не самоцель, а средство воспитания марксистско-ленинского мировоззрения у советских людей»²⁶; В.М. Каганов подчеркивает, что философия и, в частности, история философии должна «воспитывать и обучать советскую молодежь в духе большевистской идейности»²⁷ и т. д. Изучению философии придается государственно-ориентированный смысл, перед ней ставится задача «внести свою лепту в дело патристического воспитания наших советских людей»²⁸. Негативно оцениваются взгляды на философию как на нечто самодовлеющее, подобное «искусству для искусства»²⁹. Так, например, П.И. Черкашин в этой связи критикует книгу Александра за «какое-то копание в фактах гносеологии, метода и т. д.», что приводит к формированию

²⁴ Там же. С. 261 (Доклад А.А. Жданова).

²⁵ Там же. С. 460 (Доклад Б.А. Фингерта).

²⁶ Там же. С. 354 (Доклад С.П. Дудель).

²⁷ Там же. С. 370 (Доклад В.М. Каганова).

²⁸ Там же. С. 214 (Доклад М.Т. Иовчука).

²⁹ Там же. С. 177 (Доклад О.В. Трахтенберг).

«философии для философии» и игнорированию ее действительной общественной функции³⁰.

4. *Общественно-исторический, классовый взгляд на философию.* Одним из наиболее часто обозначаемых аспектов принципа партийности является необходимость классового, социально-политического подхода к историко-философским вопросам. В большинстве выступлений содержатся соответствующие утверждения – например, что за самыми абстрактными вопросами философии всегда необходимо вскрывать интересы тех или иных классов³¹, что в борьбе философских направлений нужно ясно видеть классовую борьбу³², что «история философии прежде всего есть история мировоззрений определенных классов, история борьбы мировоззрений, отражающая историю борьбы различных классов и партий»³³ и т. п. Книга Александрова неоднократно критикуется за недостаточное внимание к классовой проблематике при освещении различных философских учений. Высказываются различные предложения, связанные с методологией проработки классового вопроса при анализе философских систем, например, о соотношении национальной и классовой проблематики³⁴, о необходимости анализа биографий и классового происхождения тех или иных философов³⁵, о возможности или невозможности создания реакционным классом прогрессивной философии³⁶, о важности оценки философских учений прошлого не только с точки зрения их исторического значения в классовой борьбе, но и исходя из практики их современного использования различными классами³⁷. Кроме того, звучат тезисы о важности всестороннего анализа социально-экономических и исторических условий, в рамках которых происходило формирование тех или иных философских систем, производных от соответствующих факторов. Необходимость взгляда на философские вопросы сквозь призму историко-социальной, общественно-экономической, классовой проблематики является одной из наиболее характерных черт государственного влияния на развитие советской философии, выраженного в принципе ее партийности.

³⁰ Там же. С. 485 (Доклад П.И. Черкашина).

³¹ Там же. С. 6 (Доклад М.В. Эмдина).

³² Там же. С. 81 (Доклад В.Н. Жуковой).

³³ Там же. С. 284 (Доклад П.Ф. Юдина).

³⁴ Там же. С. 42 (Доклад Б.М. Кедрова).

³⁵ Там же. С. 59 (Доклад В.И. Светлова).

³⁶ Там же. С. 22 (Доклад Г.М. Гака).

³⁷ Там же. С. 460 (Доклад Б.А. Фингерта).

5. *Связь философии с практикой и актуальными задачами современности.* Одним из часто декларируемых аспектов принципа партийности в философии является также необходимость связи философии (и истории философии) с практической, материальной деятельностью людей, с общественными и государственными задачами сегодняшнего дня. Критикуется отрыв теории от практики, характерный для ряда философских работ (в этой связи, например, З.Я. Белецкий проводит параллели между подходом Г.Ф. Александра и «меньшевистствующим идеализмом»³⁸). Утверждается, что философы должны идти в ногу с жизнью³⁹, что они не могут «закрыться в четырех стенах институтских кабинетов» и следует «больше привлекать их к практической работе по социалистическому строительству»⁴⁰, что надо «исследовать прошлое так, чтобы это помогало исправлению настоящего»⁴¹ и т. д. Обсуждается вопрос о необходимости более полной и практической связи философии с другими науками – так, например, А.К. Тимирязев жалуется, что современные философы, не обладая требуемыми компетенциями в области естествознания, предпочитают уклоняться от соответствующих вопросов, а физический факультет Московского университета не смог добиться участия философов в работе кружка по изучению философии физики⁴²; А.В. Мишулин утверждает, что «философская наука у нас недостаточно руководит и влияет на направление и развитие общественных наук, не вызывает подъема теоретической мысли в различных областях общественного знания»⁴³ и т. п. Критикуется свойственное многим философским работникам «бегство в прошлое». Например, М.Т. Иовчук утверждает, что советские философы «как правило, уходят в давно прошедшие времена и занимаются сугубо историко-философскими темами, не имеющими большой актуальности»⁴⁴; Ц.А. Степанян отмечает, что «мы еще не добились решительного поворота к актуальным темам современности» и что «многие теоретические работники рвутся к историческим темам и бегут от современных тем», а «на истории далеко не уедешь»⁴⁵; Д.И. Чесноков критикует чрезмерное увлечение диссертантов историко-философской тематикой⁴⁶; Л.Ф. Бердник

³⁸ Там же. С. 315 (Доклад З.Я. Белецкого).

³⁹ Там же. С. 89 (Доклад М.М. Розенталя).

⁴⁰ Там же. С. 183 (Доклад Д.И. Заславского).

⁴¹ Там же. С. 96 (Доклад В.Ю. Захидова).

⁴² Там же. С. 441 (Доклад А.К. Тимирязева).

⁴³ Там же. С. 408 (Доклад А.В. Мишулина).

⁴⁴ Там же. С. 219 (Доклад М.Т. Иовчука).

⁴⁵ Там же. С. 440 (Доклад Ц.А. Степаняна).

⁴⁶ Там же. С. 243 (Доклад Д.И. Чеснокова).

отмечает, что за последние годы на актуальные современные проблемы «не было написано и не защищалось ни одной докторской или кандидатской диссертации»⁴⁷. Впрочем, отмечаются и единичные, осторожные возражения против такой позиции. Так, скажем, В.И. Светлов утверждает:

В последнее время на товарищей, которые занимаются историей философии, смотрят отчасти как на изгоев. Я понимаю, что прежде всего нужно заняться марксистско-ленинской философией, но некоторое, пусть скромное, место за философским столом нужно давать и историкам философии, в том числе даже специалистам по античной философии, учитывая, что современные буржуазные философы возвращают эту философию, а мы им ничего не противопоставляем⁴⁸.

6. *Философия и связь с народом.* Следующий аспект принципа партийности, нередко отмечаемый в выступлениях, связан с необходимостью более тесной связи философской деятельности с широкими народными массами. Причем этот аспект имеет два измерения – как в части производства, так и в части потребления «философской продукции». Отличительной чертой марксистской философии называется то, что она преодолевает взгляд на философскую деятельность как на результат умственного труда одиночек, оторванных от народа и пишущих свои произведения только для узкого круга читателей. В этой связи выдвигаются требования по более широкому вовлечению коллективов философских работников, в т. ч. с периферии, в написание и обсуждение философских произведений. Многие выступающие отмечают в качестве недостатка, что философское руководство фактически монополизировало в своем узком кругу право на выпуск работ по философии. Так, например, И.А. Кривелев ставит такие вопросы:

Как это может быть, чтобы в социалистической стране с двухсот-миллионным талантливейшим народом, с 6 миллионами членов большевистской партии, с сотнями высших учебных заведений, в которых работают тысячи профессоров и преподавателей, только 10–15 человек могли писать и печататься по вопросам философии? К лицу ли нам камерный, келейный, артельский масштаб философского творчества?⁴⁹

С подобной критикой соглашается и сам Г.Ф. Александров, утверждающий необходимость понимания того, что

⁴⁷ Там же. С. 335 (Доклад Л.Ф. Бердника).

⁴⁸ Там же. С. 65 (Доклад В.И. Светлова).

⁴⁹ Там же. С. 395–396 (Доклад И.А. Кривелева).

...нельзя направлять живое дело развития марксистско-ленинской философии замкнуто, келейно, без нашей широкой научной общности, без участия всех нас в этом живом деле⁵⁰.

Неоднократно высказываются пожелания о расширении практики проведения философских дискуссий, съездов, конференций.

Что касается вопроса об аудитории, на которую должны быть направлены философские произведения, то, с одной стороны, отмечается, что именно советская философская наука помогла «широким слоям советских людей приобщиться к сокровищнице марксизма-ленинизма»⁵¹. В некоторых выступлениях в этой связи утверждается, что философские работы должны писаться в живом, ярком, публицистическом стиле, чтобы делать философию более доступной и понятной для масс. Так, например, Д.И. Заславский призывает к возрождению

...таких литературных жанров, как философская сатира, философский памфлет, и – я хочу совершить величайшее кощунство на этой высокой кафедре! – философский фельетон⁵².

С другой стороны, некоторые выступающие жалуются на невозможность публикации узкоспециализированных, строго научных философских работ в таких популярных изданиях как «Большевик» и отстаивают необходимость создания как минимум одного сугубо философского журнала (с преодолением тех недостатков, которые привели в свое время к исчезновению журнала «Под Знаменем Марксизма»). Подобные мнения звучат, в частности, в докладах Б.М. Кедрова, В.И. Светлова, Н.М. Мирошхиной, Б.А. Чагина, М.Т. Иовчука, П.Е. Вышинского, З.А. Каменского, Я.А. Мильнера, П.П. Черкашина. Интересна в этой связи позиция председательствующего на дискуссии А.А. Жданова, который высказывал определенные сомнения в целесообразности организации подобного журнала. Тем не менее именно по результатам дискуссии такой журнал («Вопросы философии») был создан.

7. Критика и самокритика. Следующая часто отмечаемая в выступлениях особенность принципа партийности в философии заключается в необходимости смелой, открытой, откровенной критики по отношению как к своим товарищам по «философскому фронту», так и к самим себе. В большинстве докладов содержится

⁵⁰ Там же. С. 299 (Доклад Г.Ф. Александрова).

⁵¹ Там же. С. 156 (Доклад М.А. Леонова).

⁵² Там же. С. 185–186 (Доклад Д.И. Заславского).

открытая критика в адрес Г.Ф. Александрова и других представителей советской философии, но многие выступающие дополняют ее и самокритикой. Так, например, Б.М. Кедров говорит, что «мы краснеем за книгу т. Александрова, ибо видим в ней ошибки и недостатки, свойственные всем нашим работам»⁵³; В.И. Светлов утверждает, что «многие ошибки, имеющиеся в книге т. Александрова, делаем и мы сами»⁵⁴; М.М. Розенталь отмечает, что «мы все, в том числе и я, виновны, что этой критики не было, что книгу серьезно не обсуждали»⁵⁵ и т. д. Отмечаются, как не в полной мере выполненные, ранее полученные указания партии о необходимости открытой, большевистской критики и самокритики в области философской деятельности. Неоднократно подчеркивается плодотворная роль партийного руководства в этом отношении. Например, П.А. Шария отмечает важность того обстоятельства, что именно Центральный Комитет партии непосредственно руководит дискуссией 1947 г., в результате которой «...будут вскрыты корни отставания на философском фронте», и что он «уверен, что т. Александров после указания товарища Сталина еще раз, уже более вдумчиво, прочитал свою книгу и сам заметил значительную часть ошибок»⁵⁶.

Критикуется практика хвалебных рецензий в отношении произведений руководящих философских работников (в т. ч. в части факта выхода многих положительных отзывов на книгу «История западноевропейской философии»). Ставятся вопросы о том, почему у советского философского сообщества до момента получения партийных указаний не хватило то ли понимания, то ли мужества для того, чтобы открыто заявить о недостатках книги Г.Ф. Александрова. Отмечаются разные подходы к уровню разрешаемой критики в зависимости от личности как критикующего, так и критикуемого, а также факты редактирования отзывов перед опубликованием, что может менять их смысл на прямо противоположный (внимание на это обращается, например, в выступлении З.А. Каменского). Приводятся и рассуждения о том, что общая критика, направленная на всех сразу, является фактическим способом ухода от критики, поскольку исключает индивидуальную ответственность. Так, например, П.А. Чувилов не соглашается с позицией Б.М. Кедрова, который «постарался распределить недостатки на всех философов, чтобы каждому досталось поменьше

⁵³ Там же. С. 53 (Доклад Б.М. Кедрова).

⁵⁴ Там же. С. 63 (Доклад В.И. Светлова).

⁵⁵ Там же. С. 91 (Доклад М.М. Розенталя).

⁵⁶ Там же. С. 164–165 (Доклад П.А. Шария).

недостатков», называя в этой связи выступление Кедрова речью плохого адвоката⁵⁷.

В то же время звучат и отдельные призывы к сдержанности в вопросе критики выпускаемых философских работ. К примеру, М.В. Серебряков говорит, что Александров

...имел несчастье опубликовать свою книгу и потому сделался козлом отпущения, а другие товарищи от этой неприятности избавлены только потому, что не написали даже такой книги⁵⁸.

П.Е. Вышинский, называя М.П. Баскина (раскритиковавшего в ходе дискуссии книгу Александрова, несмотря на написание им же положительной рецензии до этого) плохим советчиком и плохим критиком, шарахающимся из стороны в сторону, заявляет: «...вы превращаете марксизм в ярлык, в этикетку, с легким сердцем наклеивая ее направо и налево на товарищей, создающих книги»⁵⁹. Г.Г. Асланян говорит, что «за последнее время расплодился особый сорт критиков», которые сами, не изучая философию и не создавая философских произведений, «критикуют чрезвычайно легко, они как бы сидят в засаде и ожидают появления какой-либо статьи в газете, журнале» и начинают «критиковать», «отрицать всю»⁶⁰. В этой связи интересно отметить также, что, когда М.П. Баскин в своем выступлении заявляет о том, что «большим пороком в нашей работе является недостаточно критический подход к выпускаемым произведениям», в зале раздается общий смех, отмеченный в стенограмме⁶¹.

Отдельные аспекты практического выражения государственного влияния

Некоторые моменты, связанные с выражением государственного влияния на развитие советской философии, отмечаемые в дискуссии 1947 г., относятся, скорее, не к теоретическому обоснованию этого влияния в виде принципа партийности, а к практическим результатам воплощения этого принципа, выразившимся в особенностях философской деятельности в СССР. Ниже приведено краткое описание таких аспектов.

⁵⁷ Там же. С. 490 (Доклад П.А. Чувикова).

⁵⁸ Там же. С. 98 (Доклад М.В. Серебрякова).

⁵⁹ Там же. С. 231 (Доклад П.Е. Вышинского).

⁶⁰ Там же. С. 311 (Доклад Г.Г. Асланяна).

⁶¹ Там же. С. 159 (Доклад М.П. Баскина).

1. *Марксизм-ленинизм как исключительное, единственно верное учение.* Постоянно повторяющимся «рефреном» многих выступлений служат утверждения об исключительном значении философии марксизма-ленинизма как единственно верного, подлинно научного, передового учения, которое сыграло поворотную роль во всей истории человечества и превосходит все, что было создано до него. Так, например, М.З. Селектор, называя Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина «создателями принципиально нового, единственно научного и правильного мировоззрения», утверждает, что

...марксизм-ленинизм представляет собой подлинную вершину философской мысли, в сравнении с которой все другие, даже наиболее передовые, учения прошлого и настоящего представляют собой низшую ступень⁶².

Такая установка влияет в т. ч. и на порядок оценки иных философских систем, которые априори воспринимаются как уступающие марксизму во всем, и на ход обсуждения вопросов об исторической преемственности между домарксистской и марксистской философией, и на подход к проблематике обновления и развития диалектического материализма, во многом приводя его к опасностям догматизации и застоя.

2. *Необходимость ориентации на произведения классиков.* Тенденция по включению цитат из классиков марксизма-ленинизма в любые научные произведения советского периода уже давно стала притчей во языцех. И в дискуссии 1947 г. практически в каждом выступлении можно увидеть цитаты из Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, употребляемые для обоснования различных, в том числе противоположных, позиций докладчиков. Необходимость постоянного обращения к «классикам» приводила советских философов к развитию навыков использования и истолкования соответствующих цитат в своих целях. Это видно, например, в характере спора о философии Гегеля, ставшего одной из центральных тем всей дискуссии. Позиции по отношению к Гегелю с самого начала возникновения диалектического материализма отличались двойственностью и противоречивостью, и выступавшие на дискуссии также обращались в поддержку своих мнений к различным, противоречащим друг другу цитатам из Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, интерпретируя их по-своему. При этом некоторые высказывания «классиков» могли, потеряв свою актуальность, совершенно игнорироваться. Так, например, если в ранней работе И.В. Сталина

⁶² Там же. С. 436 (Доклад М.З. Селектора).

«Анархизм или социализм?» (1907) черным по белому было написано, что «диалектический метод Гегеля, отрицающий всякую неизменную идею, является от начала до конца научным и революционным»⁶³, то в условиях 1940-х гг., когда подобное отношение было совершенно недопустимым, указанная цитата в произведениях и выступлениях по гегелевской тематике никак не опровергалась, не объяснялась, а попросту отсутствовала, а диалектика Гегеля вполне могла называться антинаучной и реакционной.

С другой стороны, новые указания могли кардинально менять устоявшиеся позиции. Это может быть видно на примере высказывания И.В. Сталина о философии Гегеля как об аристократической реакции на французскую революцию и французский материализм XVIII в. Данное высказывание, не будучи задокументированным, прозвучало на встрече И.В. Сталина с Г.Ф. Александровым и несколькими другими участниками в конце 1946 г., в рамках обсуждения замечаний по книге «История западноевропейской философии» (о чем напрямую говорится, например, в выступлении В.С. Молодцова на июньской дискуссии 1947 г.). И если на январской дискуссии 1947 г. данное указание, озвученное В.С. Кружковым, было настолько неожиданным для всех участников, что, по словам Б.М. Кедрова, «когда товарищи услышали эту формулировку, некоторые из них бросились к своим работам и стали зачеркивать то, что было ими написано ранее, стали заменять одну формулировку другой», меняя слова «Гегель – представитель немецкой буржуазии» на «Гегель – представитель немецкой аристократии»⁶⁴, то на дискуссию в июне того же, 1947 г., советские философы пришли уже подготовленными. Соответствующий тезис звучит сразу в 24-х докладах, а высказывание Сталина обозначается как имеющее «существеннейшее методологическое значение» и поднявшее «на огромную высоту вопросы истории философии»⁶⁵, как замечательная формулировка, служащая «указанием к тому, как надо вести разработку марксистской истории философии»⁶⁶, как огромный творческий вклад в марксистско-ленинскую историю философии, открывающий «очень интересную перспективу дальнейшей исследовательской работы»⁶⁷ и т. д. Причем идея об

⁶³ *Сталин И.В.* Анархизм или социализм? // Сталин И.В. Соч. Т. 1. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1954. С. 305.

⁶⁴ Вопросы философии. Т. 1. М: Ин-т философии (АН СССР), 1947. С. 47 (Доклад Б.М. Кедрова).

⁶⁵ Там же. С. 20–24 (Доклад Г.М. Гака).

⁶⁶ Там же. С. 47 (Доклад Б.М. Кедрова).

⁶⁷ Там же. С. 72 (Доклад М.Д. Цебенко).

аристократической реакции во многих выступлениях уже предстает в развернутом, проработанном виде – не как отменяющая, а как диалектически дополняющая ранее принятые установки (например, в качестве реакции аристократии в международном масштабе наряду с германским буржуазным характером гегелевской философии и т. п.).

Также возможно отметить, что какие-то неудобные места из текстов «классиков» могли отчасти ставиться под сомнение. Так, например, Б.М. Кедров развивает мысль о том, что «привести некоторые цитаты из работ классиков марксизма – это не означает действительно применить марксистский метод»⁶⁸. Звучат и утверждения о необходимости нового взгляда на отдельные устаревшие положения в работах Маркса и Энгельса (наиболее часто в этой связи упоминается «Диалектика природы»).

3. Особенности организации философской деятельности. Некоторые аспекты влияния государства могут быть отнесены к повседневным, практическим особенностям организации и реализации философской деятельности в СССР. В этой связи возможно отметить следующее:

3.1. Констатация сложностей в проработке новых, оригинальных тем. В этом отношении, например, Б.А. Чагин говорит о проблемах теоретической робости советских философов, о превращении философской деятельности в цитатологию⁶⁹ и т. д.

3.2. Необходимость «подстраивания» под мнения руководства. Характерный момент в этой связи – после того, как на седьмой день дискуссии свой доклад произносит А.А. Жданов, выступающий после него П.Ф. Юдин (видимо, чтобы разрядить обстановку, так как Жданов уходит) шутит, что теперь докладчикам, с одной стороны, легче, поскольку ясно, о чем говорить, а с другой стороны – сложнее, «так как перестроиться, что называется, в три минуты, не каждому удается»⁷⁰.

3.3. Осторожность и двойственность мнений. Также возможно отметить и распространенность двойственности высказываемых в дискуссии мнений, когда даже самая явная позиция по тому или иному вопросу сопровождается оговорками, отступлениями и т. п. Так, например, В.И. Светлов, занимая наиболее критическую позицию по отношению к Гегелю, все же говорит о «рациональном зерне» в его философии; И.П. Трайнин, рапортуя о выполнении партийного поручения о создании философских учебников, говорит

⁶⁸ Там же. С. 38 (Доклад Б.М. Кедрова).

⁶⁹ Там же. С. 200 (Доклад Б.А. Чагина).

⁷⁰ Там же. С. 279 (Доклад П.Ф. Юдина).

затем, вызывая смех в зале, что «я с этой трибуны перед лицом т. Жданова должен отметить, что, конечно, мы не уверены в том, что качество такое, как бы мы желали»⁷¹ и т. п.

3.4. «Групповщина» в философии. На дискуссии звучат высказывания о том, что в советской философии процветает «групповщина», что ведущие философские работники замкнулись в своем узком кругу, не дают дорогу молодым и ученым с периферии и т. п. (например, в выступлениях В.И. Светлова, В.А. Фомина, П.А. Чувикова).

3.5. Закрытость в коммуникациях и распространении информации. В этой связи возможно, например, отметить жалобу Н.М. Мирошкиной на то, что результаты январской дискуссии 1947 г. так и не были доведены до работников периферии, которые о прозвучавших замечаниях могли только догадываться, а ответственный руководитель на просьбу об информировании заявил: «Я не уполномочен это делать. Будет статья в “Большевике”, и из нее вы все узнаете». Мирошкина резюмирует: «Статья в “Большевике” не появилась, и мы ничего не узнали»⁷².

3.6. Цензура, сложности в публикации работ. В ряде выступлений критикуется такое положение дел, когда многие статьи не печатаются, а ответов от редакций надо ждать месяцами и годами. Это связывается с избеганием ответственности со стороны редакторов и рецензентов, с их страхом перед возможными ошибками. В этой связи, например, З.А. Каменский говорит о существовании целой второй, неизвестной широкой публике, философской науки, поскольку «у многих рядовых научных работников неопубликованных работ гораздо больше, чем напечатанных»⁷³.

3.7. Производственный подход к философской деятельности. В некоторых докладах звучат призывы к налаживанию философской деятельности по принципам социалистического производства с единым отраслевым планом, с четким распределением задач и участков работы, с прикреплением научных подразделений к различным цехам и т. п.

3.8. Внутренние, «корпоративные» интриги. В дискуссии видны и следы того, как государственное управление философской деятельностью могло использоваться во внутренней борьбе различных групп советских философов. Так, например, атака на философское руководство могла проводиться под предлогом необходимости освобождения наиболее способных и талантливых

⁷¹ Там же. С. 141 (Доклад И.П. Трайнина).

⁷² Там же. С. 148 (Доклад Н.М. Мирошкиной).

⁷³ Там же. С. 375 (Доклад З.А. Каменского).

философов от административной, руководящей нагрузки («надо пощадить их силы»⁷⁴). В некоторых выступлениях звучат обвинения на грани доноса. В частности, З.Я. Белецкий утверждает, что книга Александрова принесла несомненный вред, усугубленный ее большим тиражом⁷⁵. М.Б. Митин значительную часть своего выступления посвящает критике книги своего конкурента Б.М. Кедрова, заканчивая ее словами: «Давно уже у нас, после разоблачения меньшевистствующего идеализма, не появлялось такой “гегельянской” книги, как книга г. Кедрова»⁷⁶, что, с учетом опыта репрессий против представителей соответствующего направления и той роли, которую в них сыграл Митин, могло звучать довольно зловеще.

Заключение

Стенограмма дискуссии 1947 г. отличается от большинства материалов, оставшихся от советского этапа развития отечественной философии, тем, что она позволяет заглянуть *внутрь* реальных процессов, происходивших в это время, а также увидеть то, что могло быть скрыто за выверенными официальными статьями и книгами по диалектическому материализму. Дискуссия показывает, что даже в сложных и ограниченных условиях работы советских философов в сталинский период отечественная философская мысль не останавливалась в своем движении, вызывая живые споры, показывая внутреннюю потребность к постоянному развитию. Это движение происходило с учетом сильнейшего государственного влияния на философию, которое не всегда оказывало на нее положительный эффект.

Вопрос о целевой роли государства по вопросам организации и развития философской деятельности, пожалуй, не имеет на сегодняшний день однозначного решения. С одной стороны, вряд ли будет правильным говорить о возможности полноценного развития философии без определенного уровня государственного участия – например, в отношении организации образовательной и научной деятельности в области философии, поддержки отдельных исследований, координации востребованных направлений философского развития. С другой стороны, избыточное влияние государства, прямое и монопольное управление философской наукой может приводить к ряду нежелательных последствий, характерных для

⁷⁴ Там же. С. 287 (Доклад П.Ф. Юдина).

⁷⁵ Там же. С. 324–325 (Доклад З.Я. Белецкого).

⁷⁶ Там же. С. 127 (Доклад М.Б. Митина).

советского периода развития отечественной философии. Опыт изучения особенностей развития философии в СССР может быть использован для выработки возможных решений по данному вопросу.

Источники

Вопросы философии. Т. 1. М.: Институт философии (АН СССР), 1947. 500 с.

Сталин И.В. Анархизм или социализм? // Сталин И.В. Соч. Т. 1. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1954. С. 294–372.

Информация об авторе

Павел В. Владимиров, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; pvladimirov@mail.ru

Information about the author

Pavel V. Vladimirov, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; pvladimirov@mail.ru

Социология: теоретические и эмпирические исследования

УДК 316.334.3

DOI: 10.28995/2073-6401-2022-3-59-71

Общественная легитимация политической власти в контексте трансформации гражданского общества в современной России

Наталия М. Великая

*Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН
Москва, Россия, natalivelikaya@gmail.com*

Аннотация. Проблемы легитимации политического режима приобретают особую значимость в условиях переходных обществ, когда сохранение тренда устойчивого развития становится важнейшим условием и основанием сохранения национальной безопасности. Предметом данной статьи стала легитимизация политической власти, обусловленная уровнем доверия и лояльности населения России к ряду общественно-политических институтов на современном этапе. Анализ данных мониторинговых исследований, проводимых в ИСПИ ФНИСЦ РАН, позволил автору констатировать, что в обществе сохраняется существенный разрыв между доверием к институту президентской и парламентской власти, что при низком уровне доверия воспроизводится высокая дистанцированность от властных институтов и умеренная лояльность, связанная с потребностью в сохранении формального «порядка». Учитывая, что публичная легитимность российской политической системы базируется на сохраняющим высокий потенциал рейтингах президента, можно предположить сохранение в ближайшем времени модели псевдо-альтернативных выборов. Вместе с тем динамика уровня доверия и симпатии к ряду политических институтов позволяет говорить о пределе возможностей для роста в существующих условиях системы с ограниченной ролью партий, что как снижает пространство свободного политического дискурса, так и ограничивает возможность выбора для граждан, что будет угрожать легитимности политического режима.

Ключевые слова: общественная легитимация, легитимность, политический режим, политические партии, гражданское общество, общественное мнение

Для цитирования: Великая Н.М. Общественная легитимация политической власти в контексте трансформации гражданского общества в современной России // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2022. № 2. С. 59–71. DOI: 10.28995/2073-6401-2022-3-59-71

© Великая Н.М., 2022

Public legitimation of political power in the context of civil society transforming in modern Russia

Nataliya M. Velikaya

Institute of Socio-Political Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, natalivelikaya@gmail.com

Abstract. The issues of legitimizing the political regime are of particular importance in the conditions of transitional societies, when the preservation of the sustainable development trend becomes the most important condition and basis for the preservation of national security. The subject of the article is the legitimization of political power due to the level of trust and loyalty of the Russian population to a number of socio-political institutions at the present stage. The analysis of the data of monitoring studies conducted at the ISPR of the Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences allowed the author to state

That in society there remains a significant gap between trust in the institution of presidential and parliamentary power, and that a high level of distancing from government institutions and moderate loyalty associated with the need to maintain formal “order” are reproduced at a low level of trust. Given that the public legitimacy of the Russian political system is based on the president’s ratings, which retain a high potential, it can be assumed that the pseudo-alternative election model will be preserved in the near future. At the same time, the dynamics of the level of trust and sympathy for a number of political institutions suggests the limit of opportunities for growth in the existing conditions of a system with a limited role of parties, what both reduces the space of free political discourse and limits the possibility of choice for citizens, which will threaten the legitimacy of the political regime.

Keywords: public legitimization, legitimacy, political regime, political parties, civil society, public opinion

For citation: Velikaya, N.M. (2022), “Public legitimation of political power in the context of civil society transforming in modern Russia”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 2, pp. 59–71, DOI: 10.28995/2073-6401-2022-3-59-71

Задачи повышения устойчивости социально-экономического и социально-политического развития современных обществ неизбежно ставят вопрос о легитимности государственной и политической власти как одного из субъектов принятия политических решений. Мы исходим из того, что в современном демократическом обществе легитимность власти во многом зависит от уровня и качества взаимодействий государства и гражданского общества,

которое, соответственно, может и должно быть источником принятых властью политических решений. При этом обеспечить равноправный диалог с властью может только зрелое и дееспособное гражданское общество, где есть возможность для артикуляции и защиты своих социальных и политических прав. В этой связи социологический подход к рассмотрению и анализу публичной легитимности предполагает анализ ряда индикаторов, включая доверие к власти и уровень популярности различных общественных институтов и политических акторов общественных институтов. Эмпирической базой стали данные мониторинга «Как живешь, Россия?», который проводится Центром стратегических социально-политических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН под руководством В.К. Левашова.

Учитывая, что легитимация – развернутый во времени процесс, а легитимность зависит от состояния актуальной политической системы, необходимо вкратце обозначить, что при анализе сущности современного политического режима в России некоторые исследователи идентифицируют его как гибридный или неоавторитарный [Нисневич, Рябов 2016; Wiatr 2017]. Действительно, институциональные рамки функционирования политического режима задали определенные тренды политическому процессу в виде сужения поля публичной политики, укрепления президентской власти в ущерб парламентским институтам, наступления на институты гражданского общества и ограничение ряда политических прав и свобод граждан.

Изменения законодательства в отношении некоммерческого сектора привели к тому, что количество общественных организаций в стране только за четыре года с 2016 до 2020 г. сократилось на 6%. Всего же по данным Министерства юстиции в конце 2020 г. было зарегистрировано 160 441 организация, из которых только 67% предоставили требуемую по законодательству отчетность¹. Если в 2010, 2011, 2012 гг. в стране регистрировалось ежегодно более 28 тыс. новых организаций, то в 2020 г. Министерство юстиции зарегистрировало только 8400 организаций. Важно подчеркнуть, что изменилась и структура сектора НКО, главным образом за счет сокращения общественно-политических и правозащитных организаций и увеличения количества социально-ориентированных (СОНКО).

¹ Доклад об осуществлении Министерством юстиции Российской Федерации государственного контроля (надзора) в сфере деятельности некоммерческих организаций и об эффективности такого контроля (надзора) в 2020 г. С. 90 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства юстиции РФ. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/pages/doklady-ob-osushestvleni/> (дата обращения 22 февраля 2022).

Помимо ужесточения законодательства, регулирующего деятельность некоммерческого сектора, налицо многочисленные факты возбуждения уголовного преследования людей, участвующих в протестной активности, принятие и последующая реализация положений законов об иностранных агентах, о суверенном рунете, о просветительской деятельности и др. Страх наказания за несогласие с действиями властей, помноженные на низкую политическую и гражданскую компетентность, порождают у населения пассивность и полный отказ от каких-либо политических или гражданских действий [Воробьева 2018, с. 93], что является существенным ограничением для формирования авторитетных организаций гражданского сектора. Около 75% опрошенных не принимает какого-нибудь участия в деятельности общественных организаций, объединений и сообществ. Главным образом общественный активизм сосредотачивается в сообществах соседей по благоустройству окружающей территории и товариществах собственников жилья (7%), в деятельности профсоюзов 6,4 %, в интернет-сообществах по интересам (5,4%), благотворительным организациям (5%). Недееспособность общественных организаций подтверждается тем фактом, что их деятельность признают полезной лишь 38% россиян, а 49% вообще ничего не знают об их деятельности. При этом три четверти наших соотечественников полагают, что контроль граждан и их объединений за выполнением органами власти своих обязанностей надо усилить².

Между тем многообразие публичной жизни, само пространство публичной дискуссии, обеспечивающей легитимность политической власти, формируется именно на основе институтов гражданского общества, среди которых общественные, гражданские и политические объединения, включая политические партии.

Специфика отечественной партийной системы, свойствами которой стали монополизация политического пространства одной партией, слабость и декоративность системной оппозиции, позволяют рассматривать политические партии как институты, призванные легитимировать политический режим путем участия в политическом процессе.

На начало 2022 г., по данным Минюста, было зарегистрировано 32 политические партии, причем последние 20 лет количество

² Страна неравнодушных. Аналитический обзор ВЦИОМ. Инициативный всероссийский опрос «ВЦИОМ-Спутник» от 2 мая 2021 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/strana-neravnodushnykh> (дата обращения 22 февраля 2022).

и зарегистрированных партий, и участвующих в выборах в каждом электоральном цикле было другим, что связано с частыми изменениями и поправками в законы о политических партиях и выборах, которые по факту и меняли институциональные рамки функционирования политических партий, что в известном смысле затрудняло партогенез и развитие партийной системы [Великая 2019]. Если выборы на рубеже веков оценивались как остро конкурентные, то выборы второй декады XXI в. признаются низкоконкурентными [Травин, Гельман 2017]. В парламент на протяжении последних 4-х электоральных циклов проходили только четыре политические партии. Лишь в 2021 г. еще одна партия – «Новые люди» – смогла преодолеть проходной барьер и сформировать фракцию в Государственной Думе в составе 15 человек. При этом совокупное политическое представительство парламентской оппозиции в парламенте не превышало никогда 47 %, что дает основания называть такую систему «псевдопартийной» [Коргунюк 2018]. Закономерно, что в таких условиях снижался интерес к выборам и со стороны самих партий. Число кандидатов в сравнении с выборами–2016 сократилось почти на четверть, а число самовыдвиженцев – уже на 75%. Большинство партий существенно сократили и число выдвинутых одномандатников [Колесников, Макаренко 2021]. Депутатский корпус восьмого созыва обновился почти наполовину, однако в целом в стране (речь и о региональных парламентах) воспроизводится тенденция, когда от 50 до 70% депутатов избираются повторно. Очевидно, что обновление кадров не сильно меняет уровень симпатий к ним. Специфика политического ландшафта и роль, которую играют партии в политическом процессе России, повлияли на устойчивое недоверие и к политическим партиям, и к парламенту [Куда идешь, Россия? 2021, с. 16], что демонстрируют традиционно низкие показатели доверия к этим политическим институтам по данным мониторинговых исследований на протяжении десятилетий (см. табл. 1).

Таблица 1

Динамика отношений респондентов к парламенту, политическим партиям и общественным организациям (вариант ответа «не доверяю»), *РФ*, % от числа опрошенных

Дата проведения опроса	Государственная Дума	Совет Федерации	Политические партии
2012, XII	55	43	52
2013, XII	50	37	50
2014, XII	44	31	51

2015, XII	43	27	52
2016, XII	47	34	46
2017, VI	44	32	47
2018, XII	47	37	46
2019, VI	50	41	47
2020, IX	34	29	42
2021, VI	59	49	59

Источник: Центр социальных и социально-политических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН

Тем не менее, по мнению ряда исследователей, с 2018 г. в стране можно говорить о начале активной фазы внедрения системы механизмов партисипаторной демократии, демократии участия, где гражданское общество, точнее, некоторые его сегменты, все больше рассматривается как «партнеры» власти [Дахин 2019]. Можно отметить увеличение числа и расширение сферы деятельности социально-ориентированных некоммерческих организаций [Милованова 2020, с. 80], наметившуюся сетевизацию политических отношений, а также повышение ресурсного потенциала и возможностей общественного сектора. Помимо этого, с разной степенью эффективности функционируют различные публичные институты для осуществления гражданского диалога с органами власти: Совет при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека, Экспертный совет при Открытом правительстве РФ, Общественная палата РФ, государственный электронный портал «Российская общественная инициатива», информационные порталы «Активный гражданин», гражданские форумы в регионах и т. д.

Это давало основания предположить сохранение высокого уровня лояльности к действующей власти и высокого уровня доверия к политической системе. Отчасти согласимся с мнением, что готовность граждан страны соблюдать вводимые государством ограничения выступает признаком стабильного уровня доверия общества к федеральной власти, продемонстрировавшей решительность и надежность в условиях крайней неопределенности, связанной с недостатком информации об особенностях вируса [Ильичева и др. 2021, с. 165].

Несмотря на ряд позитивных сдвигов, наши данные показывают, что респонденты все более критично оценивают функционирование гражданского общества, в том числе по таким показателям, как свобода политического выбора, свобода слова, терпимость к чу-

жому мнению (см. табл. 2), что, безусловно, отражает особенности политического процесса, который характеризуется сокращением пространства свободной дискуссии и конкурентности системы.

Таблица 2

Мнение респондентов об обеспечении государством основных норм жизни демократического общества в нашей стране (вариант ответа «обеспечиваются»), РФ, % от числа опрошенных

Дата проведения опроса	Равенство всех граждан перед законом	Личная безопасность	Соблюдение прав человека	Социальные гарантии	Свобода политического выбора	Терпимость к чуждому мнению	Свобода слова
2011, VI	15	19	20	27	53	39	50
2012, XII	19	24	26	38	48	36	46
2013, XII	24	31	34	43	57	43	55
2014, XII	25	34	38	47	60	50	59
2015, XII	20	28	40	42	61	51	60
2016, XII	18	29	32	42	61	45	60
2017, VI	18	27	27	43	63	47	59
2018, XII	19	32	33	43	62	50	54
2019, VI	22	33	33	44	58	46	50
2020, IX	26	35	34	56	58	43	50
2021, VI	25	46	38	46	47	40	42

Источник: Центр социальных и социально-политических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН

По результатам последней волны мониторинга, проведенной в июле–августе 2021 г., российские граждане продолжают весьма критично оценивать состояние современной политической системы. Более того, существенно (с 18% до 34%) увеличилось количество россиян, считающих необходимым изменение политической системы радикальным образом (табл. 3). В то же время в три раза снизилась доля тех, кто полностью доволен политической системой нашего общества (с 33% до 10% в 2020 г.) [Как живешь, Россия? 2021].

Таблица 3

Отношение респондентов к политической системе общества, РФ, % от числа опрошенных

Дата проведения опроса	Меня полностью устраивает политическая система нашего общества	Политическую систему необходимо изменить радикальным образом	Много недостатков, но их можно устранить реформами	Загруднились ответить
2010, XII	11	27	50	12
2011, XI	12	34	41	13
2012, XII	16	29	43	12
2013, XII	14	25	46	15
2014, XII	23	18	48	11
2015, XII	24	18	44	14
2016, XII	19	23	45	13
2017, VI	20	26	44	10
2018, XII	19	26	45	10
2019, VI	20	27	39	14
2020, IX	33	18	34	15
2021, VI	9	34	47	10

Источник: Центр стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН

Как подчеркивают ряд экспертов, «в ситуации ухудшения социально-экономического положения заметно растут консервативные настроения и иллюзии государственного патернализма»³, что, с одной стороны, ведет к росту доли россиян, стремящихся к кар-

³ Политическое участие и отношения с государством в России. Пресс-выпуск от 16.03.2021 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Левада-Центр. URL: <https://www.levada.ru/2021/03/16/politicheskoe-uchastie-v-otnosheniya-s-gosudarstvom-v-rossii/> (дата обращения 22 февраля 2022).

динальным переменам отечественной политической системы, а с другой – воспроизводит надежды на сильного лидера, способного решить все проблемы.

В 2021 г., как и в рамках других волн мониторинга, россияне высоко оценили деятельность президента В.В. Путина, чей рейтинг почти на балл был выше, чем у главы правительства М.В. Мишустина (6,09 против 5,2 баллов). Показательно, что растет доля респондентов, чье мнение о В.В. Путине изменилось в худшую сторону по сравнению с 2018 г. (с 16% до 36%). В 2021 г. процент негативно настроенных граждан оказался беспрецедентно высок, что коррелирует с сокращением почти вдвое количества людей, заявивших об улучшении своего отношения к Путину с 39% в 2018 до 19% в 2021 г. (рис. 1).

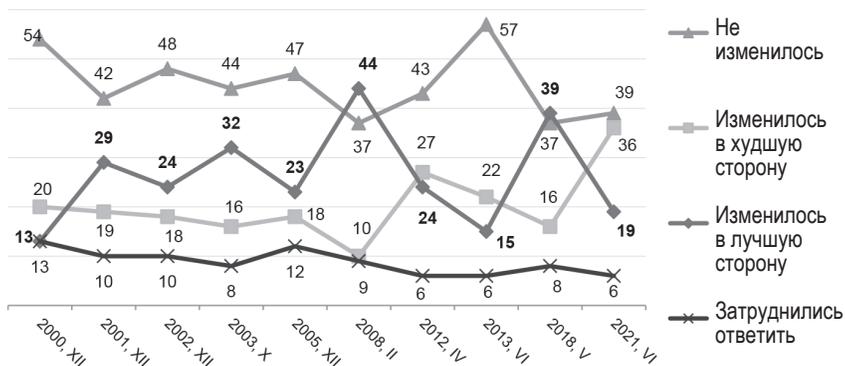

Рис. 1. Динамика отношения респондентов к В.В. Путину, РФ, % от числа опрошенных

Источник: Центр социальных и социально-политических исследований ИСПИ ФНИСЦ РАН

На фоне имеющегося электорального потенциала действующего президента, с учетом предложенных федеральной властью стратегических планов, можно предположить, что высокий уровень доверия к президентской власти будет сохраняться. Более того, анализ стратегических документов нового президентского цикла 2018–2024 гг. позволяет говорить, что вопросы отношений «государство – гражданское общество» связываются не столько с развитием партийной системы, сколько с совершенствованием других институтов гражданского общества и с развитием территорий. В частности, стратегия пространственного развития России до 2025 г.

тесно увязывается с повышением качества жизни, где вопросы развития мест проживания, работы, отдыха граждан рассматриваются как предметы, которыми необходимо заниматься и власти, и гражданскому обществу.

Несмотря на признание других политических деятелей в качестве лидеров, они не всегда рассматриваются в качестве будущего президента [Как живешь, Россия? 2021]. Несмотря на высокий уровень симпатий к действующему президенту и признание его в качестве эффективного лидера (31%), как потенциального президента его рассматривают лишь 23,5% избирателей. Перспективы остальных политиков выглядят еще менее убедительно: 6,2% хотели бы видеть на этом посту Шойгу, 5,7% – Навального. Остальные возможные претенденты на пост президента пока могут рассчитывать на поддержку не более 4% избирателей.

Все это позволяет интерпретировать сложившуюся модель рекрутирования политической элиты как малоальтернативную, имеющую застойный характер, где практически не происходит эффективного включения в список селектората новых людей. Несменяемость власти, имеющая место не только на федеральном, но и на региональном и местном уровнях, в политических партиях снижает конкурентность политического процесса и не способствует легитимности органов власти.

Таким образом, анализ общественных настроений и проявлений лояльности к власти особенно актуализирован в периоды трансформации политической системы и кризисные периоды в развитии общества, обусловленных как экономическими, так и политическими факторами.

Отношение респондентов к политической системе, уровень доверия политическим институтам являются важнейшими показателями консенсуальности в обществе, критериями уровня эффективности взаимодействия государства и гражданского общества. Высокий уровень доверия к президенту на фоне низких рейтингов представительной власти показывает имеющиеся противоречия в сложившейся системе легитимации политической системы. Учитывая высокий уровень персонализации государственной власти в России, можно предположить, что отношение к решениям глав РФ оказывает влияние на уровень доверия россиян ко всему государственному аппарату в целом.

Сохранение низких рейтингов доверия к законодательной ветви власти и к политическим партиям дает основания предположить, что партийная система некогерентна общественному запросу, а деятельность политических партий не решает задачи агрегации и артикуляции социальных интересов отдельных групп российского

общества. Сложившийся партийный ландшафт, который вот уже несколько циклов воспроизводит имеющийся набор фракций в Государственной Думе, вызывает неудовлетворенность в обществе, когда почти половина граждан страны (46%) не поддерживают ни одну из существующих политических партий, может самым негативным образом сказаться на легитимизации как законодательного процесса и законодательной ветви власти, так и политической системы в целом. Другие общественные и политические организации, представляющие гражданское общество, если и начинают выступать социальной базой выдвижения новых лидеров, то в очень ограниченном формате.

Литература

- Великая 2019 – *Великая Н.М.* Партийная система России: институциональные рамки и общественная легитимация // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2019. № 1 (15). С. 108–119.
- Воробьева 2018 – *Воробьева И.В.* Влияние неформальной занятости на политические установки россиян // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2018. № 4 (14). С. 87–97. DOI: 10.28995/2073- 6401-2018-4-87-97.
- Дахин 2019 – *Дахин А.В.* Политический транзит в России: представительная совещательная и партисипаторная системы публичной политики // Вестник Нижегородского института управления РАНХиГС. 2019. Вып. 3 [Электронный ресурс]. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_41160504_46700875.pdf (дата обращения 22 февраля 2022).
- Ильичева и др. 2021 – *Ильичева Л.Е., Кондрашов А.О., Латин А.В.* Доверие как мост над пропастью неуверенности между властью и обществом [Электронный ресурс] // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 2. С. 162–185. URL: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1917> (дата обращения 22 февраля 2022).
- Как живешь, Россия? Экспресс-информация. 51 этап социологического мониторинга, июнь 2021 года: [бюллетень] / В.К. Левашов, Н.М. Великая, И.С. Шушпанова [и др.]; Отв. ред. В.К. Левашов; М.: ФНИСЦ РАН, 2021. 68 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fnisc.ru/publ.html?id=9956> DOI: 10.19181/topogr.978-5-89697-368-3.2021 (дата обращения 22 февраля 2022).
- Колесников, Макаренко 2021 – *Колесников А., Макаренко Б.* Дума-2021: четыре интриги выборов // Московский центр Карнеги. Официальный сайт. 31.05.2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://carnegie.ru/2021/05/31/ru-pub-84618> (дата обращения 15 августа 2021).
- Коргунок 2018 – *Коргунок Ю.Г.* Партийная система современной России: основной вектор развития // Актуальные проблемы Европы. 2018. № 2. С. 202–224.
- Куда идешь, Россия? 2021 – Куда идешь, Россия? Экспресс-информация / В.К. Левашов, Н.М. Великая, И.С. Шушпанова [и др.]; Отв. ред. В.К. Левашов. М.: ФНИСЦ РАН, 2021. 47 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://испи.рф/wp>

- content/uploads/2021/02/куда-идешь-россия-экспресс.pdf (дата обращения 22 февраля 2022).
- Левашов, Великая 2021 – *Левашов В.К., Великая Н.М.* Публичная легитимность российского государства в условиях пандемии и выборов в Государственную Думу // Социальное пространство. 2021. Т. 7. № 4. С. 1–14. DOI: 10.15838/sa.2021.4.31.4
- Милованова 2020 – *Милованова М.Ю.* Социально ориентированные некоммерческие организации как агент социальных изменений и нового социального дизайна современной России // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2020. № 1. С. 74–84. DOI: 10.28995/2073-6401-2020-1-74-84
- Нисневич, Рябов 2016 – *Нисневич Ю.А., Рябов А.В.* Современный авторитаризм и политическая идеология // ПОЛИС. Политические исследования. 2016. № 4. С. 162–181. DOI: 10.17976/jpps/2016.04.13
- Травин, Гельман, Заостровцев (2017) – *Травин Д., Гельман В., Заостровцев А.* Российский путь: Идеи, Интересы, Институты, Иллюзии. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2017. 302 с.
- Wiatr 2017 – *Wiatr Jerzy J.* New and Old Authoritarianism in a Comparative Perspective // STUDIA SOCJOLOGICZNO – POLITYCZNE. Seria Nowa. 2017. № 2 (07). P. 123–138. DOI: 10.26343/0585556X20707

References

- Dakhin, A.V. (2019), “Political transit in Russia: Representative deliberative and participative system of public policy”, *Vestnik Nizhegorodskogo instituta upravleniya*, no 3, available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_41160504_46700875.pdf (Accessed 22 February 2022).
- Il'icheva, L.E., Kondrashov, A.O. and Lapin, A.V. (2021), “Trust as a Bridge Over the Uncertainty Gap Between the Government and Society”, *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, no. 2, pp. 162–185, available at: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1917> (Accessed 22 February 2022).
- Kolesnikov, A. and Makarenko, B. (2021), “Duma 2021: Four intrigues of elections”, *Carnegie Moscow Center*, available at: <https://carnegie.ru/2021/05/31/ru-pub-84618> (Accessed 15 August 2021).
- Korgunyuk, Yu.G. (2018) “Party system of modern Russia: Main trend of development”. *Current problems of Europe*, no 2, pp. 202-224.
- Levashov, V.K. (ed.) (2021), *Kuda idesh', Rossiya? Ekspress-informatsiya* [What is your image of future, Russia? Express information], Levashov, V.K., Velikaya, N.M., Shushpanova, I.S. [et al.], FNISTS RAN, Moscow, Russia, available at: <http://исп.рф/wp-content/uploads/2021/02/куда-идешь-россия-экспресс.pdf> (Accessed 22 February 2022).
- Levashov, V.K. (ed.) (2021), *Kak zhivesh', Rossiya? Ekspress-informatsiya* [How are you, Russia? Express information. 51th stage of the sociological monitoring, June 2021] / Levashov, V.K., Velikaya, N.M., Shushpanova, I.S. [et al.], FNISTS RAN, Moscow, Russia, available at: <https://www.fnisc.ru/publ.html?id=9956> DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-368-3.2021 (Accessed 22 February 2022).

- Levashov, V.K. and Velikaya, N.M. (2021), "Russia's Public Legitimacy in the Pandemic and the State Duma elections", *Social Area*, vol. 7, no 4. pp. 1–14. DOI: 10.15838/sa.2021.4.31.4
- Milovanova, M.Yu. (2020), "Socially oriented non-profit organizations as an agent of social changes and new social design in modern Russia", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 1, pp. 74–84. DOI: 10.28995/2073-6401-2020-1-74-84.
- Nisnevich, Yu.S. and Ryabov, A.V. (2016), "Modern Authoritarianism and Political Ideology", *POLIS. Political studies*, no 4. pp. 162–181. DOI: 10.17976/jpps/2016.04.13
- Travin, D., Gelman, V. and Zaostrovsev, A. (2019), *Rossiskii Put': Idei, Interesy, Instituty, Illjusii* [Russian Way: Ideas, Interests, Institutes, Illusions], Izdatel'stvo Europeiskogo Universiteta, Saint Petersburg, Russia.
- Velikaya, N.M. (2019), "Party system of modern Russia: Institutional frames and public legitimation", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*; no 1, pp. 108–119, DOI: 10.28995/2073-6401-2019-1-108-119
- Vorob'eva, I.V. (2018), "Influence of informal employment on political attitudes of Russians", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 4 (14). pp. 87–97, DOI: 10.28995/2073-6401-2018-4-87-97
- Wiatr, J.J. (2017), "New and Old Authoritarianism in a Comparative Perspective", *STUDIA SOCJOLOGICZNO – POLITYCZNE. Seria Nowa*, no. 2 (07), pp. 123–138, DOI: 10.26343/0585556X20707

Информация об авторе

Наталья М. Великая, доктор политических наук, профессор, Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия; 119333, Россия, Москва, ул. Фотиевой, д. 6, стр. 1; natalivelikaya@gmail.com

Information about the author

Nataliya M. Velikaya, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Institute of Socio-Political Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; bld. 6 (1), Fotievoi Street, Moscow, Russia, 119333; natalivelikaya@gmail.com

Мотивация труда российских работников

Ирина О. Шевченко

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, sheviren@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматривается отношение к работе и трудовая мотивация российских работников. Работа занимает четвертое место в ценностных ориентациях человека после семьи, здоровья и материального достатка. Представления о мотивах труда в России являются противоречивыми, но пока в России преобладает «культура труда». Выявлены тенденции изменений в понимании мотивов и необходимости работы в молодых возрастах и среди людей с высшим образованием. Среди всех мотивов оплата труда занимает первое место, она важна для всех российских работников независимо от сферы занятости. В группах интеллигенции (работники науки, преподаватели вузов, врачи) мощным мотивом является интерес к работе, у медиков и преподавателей вузов далее идет полезность работы для общества. У всех остальных групп работников преобладают мотивы: условия труда и близость работы к месту жительства.

Образование оказывает существенное влияние на мотивацию труда. Для работников с высшим и незаконченным высшим образованием важны содержательные и статусные мотивы, у работников с начальным и средним образованием в мотивации преобладают материальные мотивы и условия труда.

На частных предприятиях работники чаще указывают на мотив оплаты труда. Работники государственных предприятий больше ориентированы на интерес к работе. Врачи государственных учреждений подчеркнули полезность своей работы для общества.

Ключевые слова: труд, работа, мотив, мотивация труда, работники, ценностные ориентации, трудовые ориентации

Для цитирования: Шевченко И.О. Мотивация труда российских работников // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2022. № 2. С. 72–85. DOI: 10.28995/2073-6401-2022-3-72-85

Russian employees motivation

Irina O. Shevchenko

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, sheviren@yandex.ru*

Abstract. The article considers the attitude to work and the Russian employees labour motivation. Work ranks fourth in the list of value orientations after family, health and material prosperity. The ideas about the motives of work in Russia are contradictory, but the “culture of work” still prevails in Russia. The trends of changes in the motivation and necessity of work among young people and among people with higher education are revealed. Remuneration takes the first place among all the motives, it is important for all Russian employees, regardless of the employment field. In groups of intellectuals (scientists, university professors, doctors), interest in work is a powerful motive. Among doctors and university teachers, then comes the usefulness of work for society. For all other groups of workers working conditions and proximity of work to the place of residence prevail.

Education has a significant impact on work motivation. For people with higher and incomplete higher education, the meaningful and status motives are important. Material motives and working conditions dominate the motivation of workers with primary and secondary education.

In private enterprises, employees are more likely to indicate a motive for remuneration. State-owned enterprises employees are more focused on the interest in work. State clinics doctors emphasized the usefulness of their work for society.

Keywords: labor, work, motive, labor motivation, employees, value orientations, labor orientations

For citation: Shevchenko, I.O. (2021), “Russian employees motivation”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 2, pp. 72–85, DOI: 10.28995/2073-6401-2022-3-72-85

Введение

Теоретические подходы к исследованию мотивации труда

Проблемы мотивации труда, отношения к работе и трудового поведения являются важными как в научном плане, так и практическом, поскольку влияют на желание человека работать и его производительность. Вместе с тем эти проблемы сложны для эмпирического изучения, поскольку не существует общепризнанной модели мотивации и социологического инструмента ее изучения. Мотивацию труда можно понимать как совокупность смыслообразующих мотивов, внутреннее побуждение к активной трудовой деятельности, основанное на удовлетворении важных для человека

потребностей (базовых, а также потребностей в признании, само-реализации, принадлежности и т. д.). Менеджеры обычно понимают под мотивацией «процесс побуждения себя и других к деятельности для достижения личных целей или целей организации» [Мескон и др. 1992, с. 360]. Соответственно, теории мотивации делятся на процессуальные и содержательные. Содержательные отражают представления исследователей о структуре внутренних побуждений (потребностей, отражающихся в мотивах) тех или иных групп работников, из них наиболее известны: классическая теория (Ф.У. Тейлор); иерархия потребностей (А. Маслоу); трехфакторная модель (Д. МакКлелланд); двухфакторная модель (Ф. Герцберг); диспозиционная модель (А.Г. Здравомыслов, В.А. Ядов). В процессуальных моделях рассматриваются различные аспекты восприятия и познания работниками трудовой ситуации: это теория ожиданий (В. Врум); теория справедливости (Д. Кюн, Дж. Слокум, Р. Чейз, М. Роджерс, Дж.С. Адамс); модель Л. Портера – Э. Лоулера.

В России исследованиями мотивации труда стали заниматься еще в 1960-е гг., в наиболее масштабном социологическом исследовании отношения к работе была сформулирована диспозиционная модель мотивации [Здравомыслов, Ядов 2003]. В 1990–2000-е гг., учитывая изменившуюся социально-экономическую ситуацию, была создана типологическая модель мотивации и трудового поведения [Герчиков 2005а; Герчиков 2005b]. Были и другие исследования мотивации, но методы и методики ее изучения являются дискуссионными.

Место работы в ценностных ориентациях работников

Работа занимает четвертое место в ценностных ориентациях человека после семьи, здоровья и материального достатка¹. Семья (своя собственная или большая, родственная) является базовой ценностью, которая особенно выделяется в эпохи потрясений и перемен. Здоровье означает витальную ценность, неизменную во все времена. Материальный достаток, который отмечают как ценность наши респонденты, на наш взгляд, говорит о невысоком благосостоянии российского общества (табл. 1).

¹ Социологическое исследование «Прекариат: новое явление в социально-экономической структуре общества». 1-й этап: всероссийский опрос трудоспособного населения, июнь-июль 2018 г. (n=1200); 2-й этап: всероссийский опрос трудоспособного населения, май-июнь 2019 г. (n=900, работники строительства, транспорта, торговли и сферы услуг); 3-й этап: всероссийский опрос трудоспособного населения, сентябрь-октябрь 2020 г.

Таблица 1

Что является наиболее важным для Вас в Вашей жизни,
в % от числа опрошенных

	Очень важно	Не очень важно	Не важно	Затруднились ответить
1. Семья	94,8	3,8	0,6	0,9
2. Работа	79,3	16,8	2,4	1,5
3. Политика	13,1	41,5	40,4	5,0
4. Друзья	63,4	31,5	3,6	1,5
5. Отдых	60,3	31,8	4,6	3,3
6. Религия	24,3	40,5	26,5	8,7
7. Здоровье	91,3	7,2	0,7	0,8
8. Уважение в обществе	61,8	29,6	4,0	4,7
9. Материальный достаток	86,4	10,9	0,8	1,8
10. Что еще? (мир во всем мире – 2, любовь, верность, мирное небо над головой, безопасность, культура, справедливость и порядок, наличие работы у детей, жилье, самореализация, экология)				

Источник: Прекариат – 2018

Отношение к работе в целом

Отношение к работе в России всегда было двойственным, о чем говорят многочисленные пословицы, поговорки и присказки. С одной стороны, «без работы день годом кажется», «уменье и труд все перетрут», с другой – «работа не волк, в лес не убежит», «не откладывая на завтра то, что можно сделать послезавтра» и т. п.

По данным «Жизненного мира»², 63,8% россиян поддержали точку зрения «без работы человек становится лентяем, нахлебни-

(n=900, работники промышленности, сельского хозяйства и науки); 4-й этап: всероссийский опрос трудоспособного населения, июнь-июль 2021 г. (n=800, преподаватели вузов и работники организаций здравоохранения). Исследования проведены коллективом РГГУ под рук. Ж.Т. Тощенко методом формализованного интервью, выборка репрезентативна по возрасту, полу, месту жительства, социально-профессиональным группам. Далее по годам: Прекариат – 2018 и т. п.

² «Жизненный мир россиян и эволюция форм их участия в реализации государственных и общественных преобразований (1990–

ком», что означает превалирование представления о внутренней необходимости труда (табл. 2). Но потихоньку набирает силу альтернативная точка зрения: «Если люди не хотят работать, пусть не работают» (24,9%), к такой «свободе от труда» стремится прежде всего молодежь. 36,3% населения отметили суждение «работа есть обязанность перед обществом», что говорит о том, что идея должностования относительно трудовой деятельности еще присутствует в российском обществе.

Таблица 2

Согласны ли Вы со следующими утверждениями,
в % от числа опрошенных, один ответ в каждой строке

Суждения	Полностью согласны	Не совсем согласны	Не согласны	Затруднились ответить
1. Работа есть обязанность перед обществом	36,3	43,3	19,8	0,6
2. Работа должна занимать первое место в жизни человека	18,5	54,9	26,4	0,3
3. Способности человека могут проявиться только в работе	18,5	50,1	31,0	0,3
4. Любые деньги, полученные не за работу, преступные	18,2	44,0	37,1	0,7
5. Без работы человек становится лентяем, нахлебником	63,8	27,2	8,6	0,4
6. Если люди не хотят работать, пусть не работают	24,9	36,9	37,6	0,6

Источник: Жизненный мир

2010-е гг.)» – социологическое исследование, проведенное исследовательским коллективом социологического факультета РГГУ под рук. Ж.Т. Тошченко. Опрошено 1750 человек в 18-ти регионах страны (21 населенном пункте) 25–30 октября 2014 г. Выборка всероссийская, пропорции по территориально-экономическим районам; репрезентативна по полу, образованию, семейному положению, месту жительства, формам собственности и трудовому стажу.

В исследовании ФОМ 2020 г.³ задавался вопрос: «Одни считают, что все трудоспособные люди должны работать. Другие считают, что если трудоспособный человек не работает, то в этом нет ничего предосудительного. Какая точка зрения вам ближе?» Среди населения в целом 64% поддержали первую точку зрения (среди людей с высшим образованием таких 58%, среди молодых людей – 45%), 31% – вторую (среди людей с высшим образованием таких 38%, среди молодых людей – 51%). Итак, *налицо тенденции изменений в понимании мотивов и необходимости работы в молодых возрастах и среди людей с высшим образованием.*

Отвечая на вопрос: «А если бы вы имели достаточно денег, чтобы вообще не работать, вы бросили бы работу или нет?» – 37% ответили, что не бросили бы, а 17% оставили бы работу⁴. ФОМ спрашивал также: «Вы бы хотели или не хотели жить в обществе, где в труде не будет необходимости и любой человек сможет сам решать, работать ему или нет?», и большинство россиян (56% среди всего населения) ответили, что не хотели бы⁵.

Таким образом, представления о мотивах труда в России являются противоречивыми, но пока в России преобладает «культура труда».

Мотивы трудовой деятельности

«Что наиболее важно для вас в вашей работе?» – вопрос о мотивации и смыслах, которые вкладывает человек в свою работу. Какие здесь наблюдаются *закономерности*?

1. Важность работы связана с профессией или сферой занятости, мотивация труда в разных сферах занятости отличается (табл. 3).

³ Отношение к своей работе // ФОМ. «ФОМнибус». 12 октября 2020 г. Еженедельный всероссийский телефонный опрос граждан РФ 18 лет и старше 25–27 сентября 2020 г. 1000 респондентов. Статистическая погрешность не превышает 3,8%. 53 субъекта РФ, 104 населенных пункта. URL: <https://fom.ru/Rabota-i-dom/14472#> (дата обращения 2 марта 2022).

⁴ Там же.

⁵ Работа в будущем // ФОМ. «ФОМнибус». 09 февраля 2021 г. Еженедельный всероссийский телефонный опрос граждан РФ 18 лет и старше 3–4 октября 2020 г. 1000 респондентов. Статистическая погрешность не превышает 3,8%. URL: <https://fom.ru/Rabota-i-dom/14537> (дата обращения 2 марта 2022).

Таблица 3

Что для Вас наиболее важно в работе, которой Вы заняты,
в % от числа опрошенных

Мотивы	2020	2021	Врачи	Медсестры, фельдшеры	Преподаватели	Промышленность	Сельское хозяйство	Наука
Оплата труда	76,6	69,3	68,3	77,3	67,8	82,0	79,3	68,3
Чтобы работа была интересной по своему содержанию	31,8	46,9	39,3	30,9	56,8	24,0	20,7	50,7
Условия труда	50,4	47,3	49,7	54,5	43,5	58,0	49,0	44,3
Полезность работы для общества		33,3	36,2	32,7	31,3			
Организация труда	27,2	23,3	27,2	24,5	20,0	29,7	25,3	26,7
Близость работы к месту жительства	29,7	18,3	19,0	26,4	15,5	31,7	36,7	20,7
Возможность быть в коллективе	12,4	8,9	10,0	8,2	8,3	8,3	11,0	18,0
Возможность занимать опреде- ленное положение в обществе	7,9	10,0	10,3	6,4	10,8	6,3	6,0	11,3
В работе все важно для меня	17,3	15,3	16,2	10,0	16,0	15,0	16,3	20,7

Источник: Прекариат – 2020, 2021

Среди всех мотивов оплата труда занимает первое место, то есть важна для всех российских работников независимо от сферы занятости. В группах интеллигенции (работники науки и преподаватели вузов) мощным мотивом является интерес к работе, у медиков и преподавателей вузов далее идет полезность работы для общества.

У всех остальных групп работников мотивы интереса и общественной полезности вытеснены мотивами оплаты труда, условиями труда и близостью работы к месту жительства. Из общества,

в котором одним из важнейших мотивов была польза работы для общества, мы превратились в общество «выживающих», поскольку зарплаты невелики, а пока не закрыты насущные материальные потребности, человек не в состоянии реализовывать потребности высшего уровня.

2. Образование оказывает существенное влияние на мотивацию труда (табл. 4, 5). В сфере промышленности интерес к работе у работников с высшим и незаконченным высшим образованием выражен в два с лишним раза ярче, чем у работников с начальным, средним и средним специальным образованием. Возможность занимать определенное положение в обществе отметили в 3 раза больше работников с высшим и незаконченным высшим образованием. Примерно такая же картина у работников сельского хозяйства: работники с высшим образованием демонстрируют больший интерес к работе и к своему социальному положению, в два раза больше таких работников указали, что для них значима возможность быть в коллективе. Таким образом, для работников с высшим и незаконченным высшим образованием важны содержательные и статусные мотивы, работники с начальным и средним образованием в мотивации отмечают материальные мотивы и «условия труда». Возможно, частично это объясняется более высокими заработными платами у работников с высшим образованием, но не только: сам факт получения образования свидетельствует об интересе к профессии; кроме того, профессионалы обладают и более высоким социальным статусом.

Таблица 4

Мнение работников промышленности с разным образованием о том, что наиболее важно в работе, которой они заняты, в % от числа опрошенных

Что наиболее важно в работе, которой заняты	Образование		
	начальное, неполное среднее	среднее и среднее специальное	неоконченное высшее и высшее
Оплата труда	66,7	86,2	75,5
Чтобы работа была интересной по своему содержанию	16,7	17,0	36,8
Условия труда	50,0	61,2	52,8
Организация труда	50,0	29,3	29,2

Близость работы к месту жительства	16,7	30,3	34,9
Возможность быть в коллективе	16,7	6,9	10,4
Возможность занимать определенное положение в обществе	0,0	3,7	11,3
Другое	0,0	1,6	1,9
В работе все важно для меня	16,7	12,2	19,8
Затруднились ответить	0,0	0,5	0,0

Источник: Прекариат – 2020

Таблица 5

Мнение работников сельского хозяйства с разным образованием о том, что наиболее важно в работе, которой они заняты, в % от числа опрошенных

Что наиболее важно в работе, которой заняты	Образование		
	начальное, неполное среднее	среднее и среднее специальное	неоконченное высшее и высшее
Оплата труда	100,0	83,1	53,7
Чтобы работа была интересной по своему содержанию	0,0	19,6	35,2
Условия труда	55,6	51,6	35,2
Организация труда	29,6	24,2	27,8
Близость работы к месту жительства	55,6	37,9	22,2
Возможность быть в коллективе	3,7	9,6	20,4
Возможность занимать определенное положение в обществе	0,0	5,0	13,0
Другое	0,0	1,8	0,0
В работе все важно для меня	0,0	13,2	37,0
Затруднились ответить	0,0	0,9	0,0

Источник: Прекариат – 2020

Мотивация труда на государственном и частном предприятии отличается (табл. 6–8). Проиллюстрируем это на примерах работ-

ников промышленности, сельского хозяйства и врачей. На частных предприятиях работники чаще указывают на мотив оплаты труда, хотя в целом он значим для всех работников. У врачей ситуация обратная (при этом оплата все равно остается на первом месте), но, возможно, это связано с проведением опроса в период пандемии. Работники государственных предприятий чаще ориентированы на интерес к работе.

Таблица 6

Мнение работников промышленности на государственных и на частных предприятиях о том, что наиболее важно в работе, которой они заняты, в % от числа опрошенных

Что наиболее важно в работе, которой заняты	К какой группе работников себя относят	
	Работник (специалист, служащий, рабочий) на государственном предприятии, организации	Работник (специалист, служащий, рабочий) на частном предприятии, организации
Оплата труда	78,1	83,8
Чтобы работа была интересной по своему содержанию	26,0	23,0
Условия труда	50,0	61,8
Организация труда	31,3	28,9
Близость работы к месту жительства	34,4	30,4
Возможность быть в коллективе	12,5	6,4
Возможность занимать определенное положение в обществе	7,3	5,9
Другое	2,1	1,5
В работе все важно для меня	20,8	12,3
Затруднились ответить	0,0	0,5

Источник: Прекариат – 2020

Работники частных предприятий сферы промышленности отметили как второй по значимости мотив условия труда, на организацию труда и близость работы к месту жительства указывают те

и другие, для работников государственных предприятий важна возможность быть в коллективе.

Таблица 7

Мнение работников сельского хозяйства на государственных и на частных предприятиях о том, что наиболее важно в работе, которой заняты, в % от числа опрошенных

Что наиболее важно в работе, которой заняты	К какой группе работников себя относят		
	Работник (специалист, служащий, рабочий) на государственном предприятии, организации	Работник (специалист, служащий, рабочий) на частном предприятии, организации	Другое
Оплата труда	73,6	81,9	44,4
Чтобы работа была интересной по своему содержанию	30,2	17,2	55,6
Условия труда	47,2	49,6	44,4
Организация труда	22,6	26,1	22,2
Близость работы к месту жительства	30,2	38,2	33,3
Возможность быть в коллективе	13,2	10,9	0,0
Возможность занимать определенное положение в обществе	3,8	5,5	33,3
Другое	1,9	0,8	11,1
В работе все важно для меня	18,9	15,5	22,2
Затруднились ответить	0,0	0,8	0,0

Источник: Прекариат – 2020

Врачи государственных учреждений подчеркнули полезность своей работы для общества, для них также значима близость работы к месту жительства. «Возможность занимать определенное положение в обществе» почти в 2 раза чаще отмечают врачи негосударственных медицинских организаций, что неудивительно: пока еще статус врача частной клиники у нас воспринимается как более высокий, хотя ситуация не так однозначна.

Таблица 8

Мнение врачей о том, что наиболее важно в работе, которой заняты, в зависимости от формы собственности учреждения, в % от числа опрошенных

Что наиболее важно в работе	Форма собственности организации	
	Государственная организация (учреждение)	Негосударственная организация
Оплата труда	70,8	56,0
Чтобы работа была интересной по своему содержанию	42,5	24,0
Условия труда	52,5	36,0
Полезность работы для общества	40,8	14,0
Организация труда	28,3	22,0
Близость работы к месту жительства	20,8	10,0
Возможность быть в коллективе	10,4	8,0
Возможность занимать определенное положение в обществе	9,2	16,0
Другое	0,0	0,0
В работе все важно	12,5	34,0
Затруднились ответить	0,8	2,0

Источник: Прекариат – 2021

Краткие выводы

Отношение к работе и представления о мотивах труда в России являются противоречивыми, в значительной степени детерминированы возрастом или образованием. Но пока большинство населения нашей страны считает труд внутренней необходимостью, т. е. в России преобладает «культура труда». Директивное суждение «работа есть обязанность перед обществом» разделяет больше трети россиян, в значительной степени это наследие советского времени, и чаще его поддерживают респонденты старшего возраста.

Оплата труда важна для всех российских работников – это ведущий мотив трудовой деятельности. В группах интеллигенции (наука, преподаватели вузов, медики) мощным мотивом является интерес к работе (второй мотив по значимости), у медиков и преподавателей вузов четвертым мотивом идет полезность работы для

общества – то есть мотивы содержания труда преобладают. Но условия труда важны и для представителей сфер интеллектуального труда – у них это третий мотив, это легко объясняется интенсификацией трудовой деятельности в этих профессиях. У всех остальных групп работников мотивы интереса и общественной полезности вытеснены мотивами оплаты труда, условий труда и близости работы к месту жительства. Из общества, в котором одним из важнейших мотивов труда была польза работы для общества, мы превратились в общество «выживающих» работников.

Благодарности

Выполнено в рамках Государственного задания № 1021091313151-0-5.4.1 «Социальные факторы производительности труда: состояние, проблемы, пути решения (FSZG-2022-0001)».

Acknowledgements

Completed within the framework of State Assignment № 1021091313151-0-5.4.1 “Social factors of labor productivity: state, issues, solutions (FSZG-2022-0001)”.

Литература

- Герчиков 2005а – Герчиков В.И. Типологическая концепция трудовой мотивации. Часть 1 // Мотивация и оплата труда. 2005. № 2. С. 53–62.
- Герчиков 2005б – Герчиков В.И. Типологическая концепция трудовой мотивации. Часть 2 // Мотивация и оплата труда. 2005. № 3. С. 2–6.
- Здравомыслов, Ядов 2003 – Здравомыслов А.Г., Ядов В.А. Человек и его работа в СССР и после. 2-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2003. 485 с.
- Мескон и др. 2004 – Мескон Н., Альберт М., Хедуори Ф. Основы менеджмента: Пер. с англ. М.: Дело, 2004. 800 с.

References

- Gerchikov, V.I. (2005a), “Typological concept of labor motivation”, Part 1, *Motivatsiya i oplata truda* [Motivation and remuneration], no. 2, pp. 53–62.
- Gerchikov V.I. (2005b) “*Typological concept of labor motivation*”, Part 2, *Motivatsiya i oplata truda* [Motivation and remuneration], no. 3, pp. 2–6.
- Mescon, M., Albert, M. and Khedouri, F. (2004), *Osnovy menedzhmenta* [Fundamentals of Management], transl. from English, Delo, Moscow, Russia.
- Zdravomyslov, A.G. and Yadov, V.A. (2003), *Chelovek i ego rabota v SSSR i posle* [Man and his work in the USSR and afterwards], 2nd ed., Aspect Press, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Ирина О. Шевченко, доктор социологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Москва, Миусская пл., д. 6; sheviren@yandex.ru

Information about the author

Irina O. Shevchenko, Dr. of Sci. (Sociology), professor, Russian State University for the Humanities; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; sheviren@yandex.ru

Влияние последствий пандемии коронавируса на участие российской молодежи в деятельности молодежных общественных организаций

Валерий В. Костенко

*Академия Федеральной службы охраны Российской Федерации,
Орел, Россия, veldinc@gmail.com*

Аннотация. Продолжающийся процесс мировой глобализации оказывает возрастающее воздействие на Россию. Ведущие страны мира Запада стараются навязать нашей стране свои политические и экономические взгляды, морально-нравственные ценности, что отрицательно влияет в первую очередь на молодежь и ее участие в деятельности молодежных организаций. Негатива добавило распространение пандемии коронавируса, которое оказало серьезное воздействие на различные стороны социально-политической ситуации в России и деятельность как властных, так и общественных структур.

В статье рассмотрены вопросы влияния последствий пандемии коронавируса на участие молодежи в деятельности молодежных общественных организаций, учитывая особенности ценностных ориентаций современной молодежи. Проанализированные «карантинные» формы протестной деятельности, их воздействие на социально-политическую ситуацию в стране. Определены направления деятельности органов власти для недопущения развития деструктивных проявлений в протестной деятельности молодежных общественных организаций.

Ключевые слова: пандемия коронавируса, молодежь, молодежные общественные организации, деятельность, протестная деятельность, ценностные ориентации

Для цитирования: Костенко В.В. Влияние последствий пандемии коронавируса на участие российской молодежи в деятельности молодежных общественных организаций // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2022. № 2. С. 86–95. DOI: 10.28995/2073-6401-2022-3-86-95

Impact of the coronavirus pandemic on the participation of Russian youth in the activities of youth social organizations

Valerii V. Kostenko

*Russian Federation Security Guard Service Federal Academy,
Orel, Russia, veldinc@gmail.com*

Abstract. The ongoing process of the world globalization is having an increasing impact on Russia. The leading countries of the West world are trying to impose their political and economic views, moral and moral values, which negatively affects primarily youth and their participation in the activities of youth organizations. The spread of the coronavirus pandemic, which has an increasing impact on various aspects of the socio-political situation in Russia and the activities of both government and public structures, adds to the negative.

The article considers issues of influence of consequences of pandemic of coronavirus on participation of young people in activities of youth social organizations, taking into account peculiarities of the value orientations of modern youth. It analyzes “quarantine” forms of protest activity, their impact on the socio-political situation in the country. There are definitions for directions of the authorities efforts preventing the development of destructive manifestations in the protest activities of youth public organizations.

Keywords: coronavirus pandemic, youth, youth public organizations, activity, protest activity, value orientations

For citation: Kostenko, V.V. (2022), “The impact of the consequences of the coronavirus pandemic on the participation of Russian youth in the activities of youth public organizations”, *RSUH / RGGU Bulletin. of the “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 2, pp. 86–95, DOI: 10.28995/2073-6401-2022-3-86-95

В современном российском обществе, где на развитие демократических институтов и гражданского общества накладываются процессы глобализации и ограничения, вызванные пандемией коронавируса, все больше усиливается роль молодежи.

Молодежь участвует в деятельности различных молодежных общественных организаций (далее МОО), отличающихся в первую очередь конструктивной направленностью. Это патриотическое и поисковое движение, направленное на сохранение памяти о событиях и героях Великой Отечественной войны, различные образовательные, профессиональные и творческие форумы, организованные

МОО при поддержке государственных органов, волонтерское движение помощи престарелым, инвалидам, многодетным семьям, а также защита животных¹. Согласно исследованиям, за последние пять лет 69% молодых людей участвовали в тех или иных видах конструктивной деятельности, в первую очередь связанных с благотворительностью, причем количество участвующих стабильно растет (с 40% в 2007 г. до 69% в 2019 г.). Постоянно участвуют в различных благотворительных мероприятиях около 20%, а наибольшую популярность среди молодежи имеют такие направления, как участие в волонтерской работе в кризисных центрах, больницах, домах престарелых, в социальных службах (35%), участие в организации благотворительных акций (29%)².

В то же время глобализация, являющаяся процессом взаимопроникновения и расширения взаимосвязи мировых субъектов [Гринин 2005, с. 11] и социальных явлений, несет в себе новые риски, которые вызывают обострение конкуренции между государствами. Считающиеся более развитыми в политическом, социально-экономическом, военном направлениях страны позволяют себе диктовать условия более слабым и менее развитым, навязывая политические и социальные традиции, экономические отношения, морально-нравственные установки, распространяя собственное мировоззрение. На этом фоне постоянно усиливаются противоречия между западным сообществом, лидером которого являются США, и Россией. Конфликты в политической, экономической, военной сферах выражаются в развертывании санкционного противостояния, которое оказывает негативное воздействие на экономическую жизнь, способствуя дальнейшему расслоению общества, увеличению социально-классового неравенства. Подобные негативные процессы напрямую влияют на социальное здоровье молодежи, усугубляя проблемы в воспитании молодежного правосознания, усиливают социальную напряженность [Баранова 2009], вызывают рост протестных настроений, всплески национализма, отчуждения, нетерпимости. Все это способствует активизации вовлечения молодежи в деструктивную протестную деятельность различных МОО, в том числе связанную с насильственными действиями [Самыгин и др. 2016, с. 4].

¹ ТОП-20 главных событий 2020 года в сфере молодежной политики [Электронный ресурс]. URL: <http://nasha-molodezh.ru/society/top-20-glavnyih-sobyitiy-2020-goda-v-sfere-molodezhnoy-politiki.html> (дата обращения 24 октября 2021).

² Опрос ВЦИОМ [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/molodyozh-20> (дата обращения 22 октября 2021).

Подобные схемы были использованы организаторами протестных событий в России в 2011–2013 гг., получивших собирательное обозначение как «белоленточное» движение. Наиболее активно участвовавшие в них молодежные организации «Левый фронт» и «Другая Россия», которые позиционировали себя как оппозиция действующей власти, призывали молодежь к гражданским беспорядкам [Костенко 2018]. Закономерной реакцией на эти события стало принятие списка запрещенных организаций³ и закона о некоммерческих организациях – иностранных агентах⁴, которые призваны снизить возможности международного влияния на социально-политическую ситуацию в стране.

Основательно повлияло на социально-политическую и экономическую ситуацию начавшееся в 2020 г. распространение пандемии коронавируса. Вынужденные карантинные меры, в первую очередь массовое приостановление деятельности предприятий строительства, торговли, общепита, бытового обслуживания, туризма, привели к снижению реальных доходов граждан и росту количества безработных. 40% опрошенных заявили о сокращении заработной платы, почти 20% лишились дополнительных премий, многие работники (16%) вынуждены работать больше, чем в допандемийный период. Сильнее всего снижение доходов коснулось тех отраслей, где задействовано много молодежи: строительство, торговля, сфера обслуживания (65–75% случаев), самозанятость (75%), средние и крупные предприятия (48%). После введения режима самоизоляции почти 10% потеряли работу, а 40% опасаются, что могут

³ Единый федеральный список организаций, признанных террористическими Верховным Судом Российской Федерации [Электронный ресурс] // Национальный антитеррористический комитет. URL: <http://nac.gov.ru/document/832/edinyi-federalnyi-spisok-organizatsii-priznannykh-terroristicheskimi-verkhovnym-sudom-r.html> (дата обращения 21 мая 2021). Перечень некоммерческих организаций, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности по основаниям, предусмотренным ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» [Электронный ресурс] // Национальный антитеррористический комитет. URL: <http://nac.gov.ru/document/1500/perechen-nekommercheskikh-organizatsii-v-otnoshenii-kotorykh-sudom-prinyato-vstupivshe.html> (дата обращения 21 октября 2021).

⁴ Федеральный закон от 20 июля 2012 г. № 121-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента» [Электронный ресурс]. URL: <https://lawlinks.ru/zakon-ob-inostrannykh-agentax/> (дата обращения 20 октября 2021).

потерять ее в ближайшее время из-за банкротства бизнеса или закрытия предприятия (больше всего это коснулось торговли и сферы услуг – более 50%). При этом найти новое место работы сразу рассчитывают только 25%, а 75% заявили, что поиск будет длиться очень долго [Гимпельсон, Капельюшников 2020]. Падение доходов и потеря работы затронуло молодежь. За период пандемии коронавируса количество граждан, доход которых опустился ниже 15 тыс. руб. в месяц, вырос до 44,6%, при этом у каждого пятого доходы упали значительно, а у каждого десятого произошла полная потеря дохода. Все больше средств приходится тратить на питание, лекарства и другие медицинские товары⁵.

Потеря работы и дохода, самоизоляция, переход на дистанционные формы взаимодействия, ограничения в деятельности образовательных, культурных и спортивных организаций создали негативные последствия, которые могут оказать серьезное влияние как на молодежь в долгосрочной перспективе, так и на деятельность МОО.

В первую очередь это касается безработицы: молодежь, у которой были длительные нерабочие периоды, является аутсайдером рынка труда, часто сталкивается с предложением низкой заработной платы, имеет существенно меньшие возможности по развитию карьеры и, соответственно, перспективу более низкой пенсии. Пандемия усугубляет нестабильное положение молодежи на рынке труда, молодые люди чаще других устраиваются на временную и неполную занятость, а значит, первыми и теряют работу. При этом, с одной стороны, недовольная безработицей молодежь служит питательной средой для возникновения деструктивных протестных движений, с другой – может участвовать в протестных действиях ради получения финансовой выгоды, не заботясь о последствиях⁶.

Во-вторых, исследования, осуществляемые в пострадавших от пандемии странах, показывают понижение уровня доступности образования. Только половина обучающихся смогли получить доступ ко всем учебным материалам, несмотря на развитие возможностей дистанционного образования, а эксперты считают, что всего один год такого неравномерного обучения связан с потерей в будущем

⁵ Каждый пятый в России заявил о значительном падении дохода из-за пандемии [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/economics/07/07/2020/5eff14959a794725e351de43> (дата обращения 23 октября 2021).

⁶ Schooling disrupted, schooling rethought, how the covid-19 is changing education [Электронный ресурс]. URL: https://read.oecd-ilibrary.org/view/?ref=133_133390-1rtuknc0hi&title=Schooling-disrupted-schooling-rethought-How-the-Covid-19-pandemic-is-changing-education (дата обращения 25 октября 2021).

от 7% до 10% жизненного дохода. Более того, молодежь, имеющая уровень образования ниже среднего, имеет в несколько раз больше шансов пожизненно оказаться в группе НЕЕТ-молодежи [Костенко 2019], что еще более негативно скажется на жизненных перспективах и может являться потенциальной причиной участия в различных деструктивных протестных действиях⁷.

В-третьих, введенные карантинные меры привели к закрытию учебных заведений, внедрению социального дистанцирования, серьезно ограничили свободу передвижения, что также сказалось на молодежи, в первую очередь на ее психологическом и ментальном здоровье, участились случаи протестных выступлений, вызванных семейными конфликтами и домашним насилием⁸.

Большое значение в этих условиях принимают морально-нравственные и ценностные ориентации современной российской молодежи, учитывая тот факт, что за последние тридцать лет они претерпели кардинальную модификацию. Для современной молодежи свойственна двойственность ценностных ориентаций. С одной стороны, это традиционные нравственные установки, семейные и религиозные ценности. С другой – агрессивно навязываемое превосходство материального над духовным, отсутствие сострадания, крайний индивидуализм, желание обогащения любой ценой. В этом случае отношение к государству и обществу носит устойчиво корыстный, коммерческий характер и ставится выше взаимопонимания, взаимоподдержки и взаимопомощи. Именно на это могут сделать ставку инициаторы деструктивных протестных действий.

В-четвертых, значительную роль в воздействии на молодежь играет информационный фактор. Используя в качестве основного источника новостей ресурсы сети Интернет и социальные сети молодые люди столкнулись с тем, что вовремя не смогли получить честную информацию о ситуации с распространением коронавируса. Исследования показали, что 88% информации о COVID-19 в Интернете оказались либо лживой, либо прямой дезинформацией⁹.

⁷ OECD Policy Responses to Coronavirus. Youth and Covid-19: Response, Recovery and Resilience [Электронный ресурс]. URL: https://read.oecd-ilibrary.org/view/?ref=134_134356-ud5kox3g26&title=Youth-and-COVID-19-Response-Recovery-and-Resilience (дата обращения 21 июня 2021).

⁸ United Nations. Special issue on Covid-19 and youth [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org/development/desa/dspd/wp-content/uploads/sites/22/2020/04/YOUTH-FLASH-Special-issue-on-COVID-19-1.pdf> (дата обращения 22 июня 2021).

⁹ Types, sources, and claims of COVID-19 misinformation youth [Электронный ресурс]. URL: <https://reutersinstitute.politics.ox.ac.uk/types-sources-and-claims-covid-19-misinformation> (дата обращения 28 октября 2021).

Подобная ситуация привела к снижению среди молодежи уровня доверия к власти и принимаемым государством мерам по уменьшению распространения пандемии, осуществляемым медико-санитарным мероприятиям, действиям местных и федеральных властей по поддержке пострадавших¹⁰.

Во многом это стало поводом для участия молодежи в организованных оппозицией деструктивных протестных действиях. Перенеся протестную деятельность в виртуальные формы, МОО используют возможности мировой сети Интернет и возникших «карантинных» форм протестной деятельности в виде онлайн-митингов и пикетов, множества анонимных видеообращений и призывов. Используя возможности социальных сетей, оппозиционные МОО продвигали негативную информацию, касающуюся распространения пандемии коронавируса в России, спекулировали на количестве зараженных, в негативном свете представляли действия врачей, структур власти всех уровней и призывали молодежь (даже школьного возраста) к осуществлению массовых несанкционированных действий. МОО «Другая Россия» и «Открытая Россия» через виртуальные группы социальных сетей организовывали несанкционированный митинг 22 марта 2020 г. в Москве, направленный против внесения поправок в Конституцию, который был отменен из-за введения карантинных ограничений¹¹.

Серьезно осуществлялась подготовка несанкционированных мероприятий 23 января 2021 г. Посредством пользующихся популярностью у молодежи сервисов (TikTok) представители некоторых молодежных организаций призывали несмотря на карантинные меры массово собираться в общественных местах, запастись средствами защиты (перцовые баллончики), обучали способам противостояния правоохранительным органам. Декларируемой целью протестных акций была поддержка осужденного А. Навального. Открытую поддержку в организации несанкционированных протестов оказывали в посольстве США в Москве, публикуя на сайте точные адреса, время, маршруты протестных акций. Результа-

¹⁰ OECD Policy Responses to Coronavirus. Youth and Covid-19: Response, Recovery and Resilience [Электронный ресурс]. URL: https://read.oecd-ilibrary.org/view/?ref=134_134356-ud5kox3g26&title=Youth-and-COVID-19-Response-Recovery-and-Resilience (дата обращения 27 октября 2021).

¹¹ Митинг 22 марта в Москве против обнуления президентских сроков отложили из-за коронавируса [Электронный ресурс]. URL: <https://daily.afisha.ru/news/35333-kampaniyu-net-protiv-obnuleniya-prezidentskih-srokov-v-moskve-otlozhili-izza-koronavirusa/> (дата обращения 20 октября 2021).

том были конфликты с полицией, возбуждение уголовных дел в отношении самых агрессивных участников¹².

Учитывая негативное воздействие пандемии и направленность ценностных ориентаций отдельных представителей молодежи на получение материальной выгоды любой ценой, их вовлеченность в виртуальные и реальные протестные выступления МОО часто носит сугубо материальную направленность. Размещая на своих страницах в информационных ресурсах красочные, колоритные, шокирующие фото и видеоматериалы с протестных мероприятий, они собирают большое количество подписчиков и привлекают потенциальных рекламодателей, получая возможность извлекать финансовую выгоду, не обращая внимания на правовую и морально-нравственную составляющую подобных действий.

Таким образом, молодежь – одна из самых значимых групп современного общества, подверженная негативному воздействию последствий пандемии коронавируса, оказывающих прямое влияние на участие молодежи в протестной деятельности МОО. Экономические, социальные, психологические факторы пандемии совместно с агрессивным проникновением в современное российское общество ценностей западного общества потребления, крайнего прагматизма, жесткого индивидуализма, ориентации на материальную выгоду усиливают риски социально-политической структуры нашей страны. Поступающая с Запада через социальные сети негативная (лживая) информация, которая зомбирующе воздействует особенно на молодых, не успевших сформироваться личностей, в дальнейшем имеет определяющее значение при выборе направлений деятельности политического и гражданского участия.

Для обеспечения национальной и общественной безопасности, стабильного развития гражданского общества необходимо обратить самое пристальное внимание на минимизацию последствий пандемии коронавируса и развитие ценностных ориентаций современной молодежи. Доверие к власти на всех уровнях со стороны молодежи формируется в том числе и благодаря политике доступной и открытой информации, проводимой государственными органами¹³, мерам

¹² Несанкционированная акция в центре столицы 23 января 2021 года: что происходит в Москве [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kp.ru/daily/27230.5/4356710/https://www.kp.ru/daily/27230.5/4356710/> (дата обращения 25 мая 2021).

¹³ Левада-Центр. Одобрение институтов власти и доверие политикам [Электронный ресурс]. URL: <https://www.levada.ru/2020/05/06/odobrenie-institutov-vlasti-i-doverie-politikam/> (дата обращения 25 октября 2021).

по поддержке молодых граждан, привлечению молодежи и МОО к решению вопросов в кризисной ситуации¹⁴.

Распространение пандемии коронавируса показало, что молодежь активно участвует в различных волонтерских и благотворительных программах. «Мораль крепнет в борьбе с разрушающими ее силами, в постоянной полемике с оголтелой “целесообразностью”, с отвержением бескомпромиссности и попытками установления рационального однообразия» [Тощенко 2008, с. 327]. И главной целью органов власти должно стать развитие конструктивной гражданской активности молодых людей и МОО, основанной на традиционных ценностных ориентациях, способствующей стабильности и внутренней безопасности государства.

Литература

- Баранова 2009 – *Баранова Г.В.* Социальная напряженность: особенности методологии и методики ее анализа и прогнозирования в регионах Российской Федерации: Автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2009.
- Гимпельсон, Капелюшников 2020 – *Гимпельсон В.Е., Капелюшников Р.И.* Рынок труда под натиском коронавируса // Центр трудовых исследований ВШЭ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/369698959.pdf> (дата обращения 23 октября 2021).
- Гринин 2005 – *Гринин Л.Е.* На грани веков: новые процессы // История и современность. 2005. № 1. С. 6–31.
- Костенко 2018 – *Костенко В.В.* Особенности протестной деятельности молодежных общественных организаций в регионах Центрального Федерального округа России на современном этапе процесса общественного развития // Вестник ВГУ. 2018. № 4. С. 151–161.
- Костенко 2019 – *Костенко В.В., Буланова М.Б., Костенко В.В.* НЕЕТ-молодежь: протестный потенциал и реальность // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2019. № 1. С. 120–129.
- Самыгин, Исаков, Печкуров 2016 – *Самыгин П.С., Исакова Ю.И., Печкуров И.В.* Правовая социализация современной российской молодежи: монография / Под ред. С.И. Самыгина. М.: РУСАЙНС, 2016. 169 с.
- Тощенко 2008 – *Тощенко Ж.Т.* Парадоксальный человек. М.: Юнити-Дана, 2008. 543 с.

¹⁴ Как в России поддерживают граждан в период COVID-19 [Электронный ресурс]. URL: <http://duma.gov.ru/news/48314/> (дата обращения 25 октября 2021).

References

- Baranova, G.V. (2009), *Social tension. Peculiarities of methodology and methodology of its analysis and forecasting in the regions of the Russian Federation*, Abstract of PhD dissertation, Moscow, Russia.
- Gimpel'son, V.E. and Kapelyushnikov, R.I. (2020), *Rynok truda pod natiskom koronavirusa* [The labor market under the coronavirus pressure], available at: <https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/369698959.pdf> (Accessed 23 October 2021).
- Greenin, L.E. (2005), "On the verge of centuries. New processes", *History and Present*, no. 1, pp. 6–31.
- Kostenko, V.V. (2018), "Features of the protest activities of the youth public organizations in the regions of the Central Federal District of Russia at the modern stage of the process of public development", *Vestnik of VEGU: Scientific journal on socio-economic and social sciences and humanities*, no. 4, pp. 151-161.
- Bulanova, M.B. and Kostenko, V.V. (2019), "NEET-youth: protest potential and reality", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 1, pp. 120–129.
- Samygin, P.S., Isakova, Yu.I. and Pechkurov, I.V. (2016), *Pravovaya sotsializatsiya sovremennoi rossiiskoi molodezhi: monografiya* [Legal socialization of modern Russian youth. Monograph], Samygin, S.I. (ed.), Rusains, Moscow, Russia.
- Toshchenko, Zh.T. (2008), *Parodoksal'nyi chelovek* [Paradoxical man], UNITY-DANA, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Валерий В. Костенко, кандидат социологических наук, Академия Федеральной службы охраны Российской Федерации, Орел, Россия; 302015, Россия, Орел, ул. Приборостроительная, д. 35; veldinc@gmail.com

Information about the author

Valerii V. Kostenko, Cand. of Sci. (Sociology), Russian Federation Security Guard Service Federal Academy, Orel, Russia; bld. 35, Priborostroitel'naya Street, Orel, Russia, 302015; veldinc@gmail.com

Структура российских кинофестивалей в период пандемии

Александра И. Рысева

Bojole Research, Москва, Россия, arysyova@gmail.com

Аннотация. Статья дает представление об актуальной ситуации в мире российских кинофестивалей. Автором разработана типология кинофестивалей, которая способствовала выработке критериев для сбора актуальной информации о кинофестивалях и созданию свежей базы.

В работе описан социальный профиль российского фестивального движения – приведено количество живых кинофестивалей разных категорий и динамика изменения их числа с 2019 по 2021 г. Дано подробное описание типов и подтипов кинофестивалей, их значение для разных представителей фестивального движения, принцип работы и функционирования.

Автор раскрывает структуру российского кинофестивального движения и динамику ее изменения в последние три года пандемии, описывает стратегии адаптации. В завершении проводится анализ мнений кинематографистов о роли и значении кинофестивалей как в зрительской, так и в профессиональной среде.

Ключевые слова: кинофестивали, фестивальное движение, кинематограф, киноиндустрия, социология кино

Для цитирования: Рысева А.И. Структура российских кинофестивалей в период пандемии // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2022. № 2. С. 96–104. DOI: 10.28995/2073-6401-2022-3-96-104

The structure of Russian film festivals during the pandemic

Aleksandra I. Ryseva

Bojole Research, Moscow, Russia, arsyova@gmail.com

Abstract. The article covers the current situation with Russian film festivals. The author has developed a typology of film festivals, which contributed to the development of criteria for collecting up-to-date information about such festivals and creating a fresh database. It describes the social profile of the Russian film festival movement indicating the number of active festivals divided by different types along with the dynamics of their growth / decrease from 2019 to 2021. The author provides with a detailed description of the types and subtypes of movie festivals and categorizes them by the level of importance for filmmakers from various spheres as well as by the principles of their business operation and functioning.

Another focus of the article is on the structure of the Russian festival movement and the dynamics of its change over the last three years together with certain adaptation strategies. In the last part of the article the author shows the analysis of the prominent filmmakers' opinions about the role of film festivals for the audience and for the industry.

Keywords: film festivals, festival movement, cinematography, film industry, sociology of cinema

For citation: Ryseva, A.I. (2022), "The structure of Russian film festivals during the pandemic", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 2, pp. 96–104, DOI: 10.28995/2073-6401-2022-3-96-104

В течение последних двух лет пандемии кинофестивали были вынуждены подстроиться под изменившуюся реальность. Беспрецедентные обстоятельства потребовали от руководителей кинофестивалей немалых усилий для адаптации в новых условиях и сохранения своих проектов. Кинофестивали как в России, так и по всему миру отменяли, переносили в онлайн свои показы и церемонии награждения или же проводили фестивали офлайн с соблюдением всех необходимых мер и требований от проверяющих и контролирующих служб, или прибегали к гибриднему режиму организации смотров [Рождественская 2021].

¹ ПрофиСинема 2022. Кинофестивали и премии в эпоху пандемии: смотры опять двигаются в онлайн. 12 янв. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.proficinema.ru/mainnews/festival/detail.php?ID=311278> (дата обращения 12 января 2022).

Общих данных о количестве проведенных фестивалей в России не существует, поэтому мы собрали свою базу с российскими фестивалями за последние три года. Источниками послужили два каталога фестивалей, информация с сайтов российских кинофестивалей и страничек из их социальных сетей. Была использована серия глубинных интервью с кинематографистами, проведенная автором в 2014, 2016, 2019–2020 гг.

Под кинофестивалем мы будем понимать ежегодное кинособытие, одной из целей которого является демонстрация фильмов зрительской или профессиональной аудитории кинематографистов. Классические кинофестивали отличаются наличием конкурсных программ, жюри, денежных или просто памятных призов в виде статуэток. У кинофестивалей есть миссия и стратегия проведения, один или несколько человек кураторов, руководителей фестиваля, которые отвечают за качество проведения смотра перед партнерами, спонсорами и зрителями.

В последний допандемийный 2019 год в России прошло 205 кинофестивалей. В 2020 г. фестивали, обычно проходившие с конца марта по начало сентября, были вынуждены сдвигать даты проведения, сокращать количество гостей. Решение о проведении каждого фестиваля (формате и всех прочих условиях) принималось в зависимости от постоянно меняющейся эпидемиологической обстановки конкретного региона. Вследствие этих обстоятельств в 2020 г. в России прошло 125 кинофестивалей, что на 80 фестивалей меньше, чем в предыдущий год. Коронавирус и последующие ограничения стали главной, но не единственной причиной в отмене этих смотров. Большое количество фестивалей по всему миру рождается и умирает каждый год. Считается, что самые сложные первые три года проведения молодого смотра [Разлогов 2017]. Коронавирус скорее стал серьезным испытанием, позволившим остаться на плаву сильнейшим. В 2020 г. в России появилось 12 новых кинофестивалей.

Подготовка фестиваля непростая задача для небольшой группы людей. Делать фестиваль всегда сложно вне зависимости от того, есть пандемия коронавируса или нет, по следующим причинам: каждый год необходимо заново придумать концепцию фестиваля, подстроив ее под разного рода актуальные обстоятельства постоянно меняющейся действительности, найти достаточное количество денег на проведение фестиваля, выступить связующей единицей,

² Festagent [Электронный ресурс]. URL: <https://festagent.com/ru/festivals>; Мир фестивалей [Электронный ресурс]. URL: <https://mirfest.com/festivals.html> (дата обращения 14 марта 2022).

договорившись с людьми, которые часто представляют разные сферы интересов и виды деятельности, а главное – снова собрать и замотивировать команду для проведения самого фестиваля [Блумер 2017, с. 119–140]. Оправившись от первого года пандемии, в 2021 г. кинематографисты провели на 46 фестивалей больше, чем в 2020 г. В 2021 г. в России прошел 171 кинофестиваль.

Важно следить и за качеством новых и существующих смотров. Должна существовать масса или большое количество довольно проходных фестивалей или фильмов среднего качества, для того чтобы появилось несколько важных экземпляров. Существование кинофестивалей самого разного свойства и качества (даже самого низкого) очень важно, поскольку оказывает прямое влияние на то, что в конце концов и зритель, и индустрия действительно получают хотя бы пару десятков постоянно функционирующих, кондиционных смотров.

Многие процессы, происходящие в жизни всего российского общества, проникают и в мир кинофестивалей, особенно если учесть тот факт, что их география довольно обширна. 44 кинофестиваля прошли в Москве в 2021 г., 25 – в Санкт-Петербурге, 6 – в Москве и других городах. По три фестиваля в 2021 г. прошло в Екатеринбурге, Казани, Новосибирске, Севастополе, Сочи и Челябинске. По два фестиваля прошло в одиннадцати географических точках России от Калининграда до Владивостока. По одному смотру в 2021 году прошло в *пятидесяти трех* городах РФ. Количество фестивалей в определенной географической точке говорит о степени сосредоточенности экономической, политической, культурной и общественной жизни на ее территории. Сильная централизация является традиционной особенностью жизни в России на протяжении многих лет [Зубаревич 2017]. Москва занимает привилегированное положение за счет распределения налогов между регионами, регулируемое центром, сосредоточения органов власти, укрепляющих вертикаль, и объема зарегистрированных в Москве крупных бизнес-компаний, а значит, большого оборота денег. Концентрация существенного объема именно культурной жизни, ее полноты ожидаемо фиксируется в Москве и Санкт-Петербурге.

Трудно не согласиться, что между двадцатью пятью и тремя кинофестивалями, проводящимися в одном городе, зияет большая культурная пропасть. Однако именно это и отражает нашу ситуацию [Великая и др. 2013]. Фестивалей в том или ином городе проводится ровно столько, сколько нужно местным жителям, организаторам культурных событий, а также губернаторам регионов

³ Фестивали, которые одновременно проходят в нескольких городах.

и главам городов. В России инициатива о создании кинофестиваля часто носит административный характер [Алиева и др. 2016]. В том числе об этом говорит и сильно превалирующее число государственных фестивалей над инициативными. Проведение кинофестиваля помогает создать позитивный имидж региона. Приезд знаменитых российских кинематографистов становится событием, пробуждающим жизнь в нестоличных городах. Кроме первоначальных целей фестиваля, дополнительно решаются и другие, так культурная жизнь региона либо более ярко появляется, либо становится более разнообразной. Несмотря на сверхцентрализацию, даже самые отдаленные от Москвы регионы продолжают демонстрировать потенциал к развитию культурной жизни. Не стоит забывать, что у значимой части фестивалей (~15–20%) есть эхо, которое дополнительно помогает распространить их влияние, увеличив зрительскую аудиторию.

Для анализа базы кинофестивалей использовалась следующая авторская типология: (1) государственные и негосударственные; (2) профессиональные и зрительские; (3) международные и национальные фестивали; (4) игровой, документальный, анимационный, научно-популярный; (5) фестивали полнометражных, короткометражных, VR и др. фильмов.

За последние тридцать лет в ряд нормы вошло деление фестивалей на *независимые* и *государственные*. Данное разведение смотров производится по источнику финансирования и ведению организаторами хотя бы частично, но умеренно лояльной политики в соответствии с официальным политическим курсом государства в сфере культуры. К государственным кинофестивалям отнесены все фестивали, которые получают хоть какую-то финансовую или административную поддержку, что в свою очередь не означает, что эти фестивали полностью поддерживают государственный курс и риторику власти. В 2019 г. число государственных фестивалей (112) превышало количество независимых (79). К 2021 г. этот разрыв сокращается (85/73). В 2020 г. резко снизилось количество фестивалей всех трех выделенных категорий (73 – государственных, 43 – негосударственных, 9 – фестивалей смешанного типа). Дискурс представителей органов власти, отвечающих за построение государственной культурной политики, в последние десять лет сосредоточен вокруг «патриотизма», православия и военной тематики (побед нашей страны и государства в прошлом). Под всеми тремя понятиями (темами) понимаются вполне определенные вещи, соответствующие духу времени, учитывающие исключительно точку зрения представителей государства. Руководители культуры и просто некоторые известные люди, придерживающиеся офици-

ального курса власти, открыто выражающие ей преданность и солидарность, время от времени выступают в публичном пространстве с идеями о том, как именно они понимают культуру и какой именно она должна быть, а какой быть не должна. Данные заявления, конечно, касаются понимания культуры не только в узком, но и в широком смысле слова. Несмотря на существующие условия, кинофестивальные менеджеры, в том числе и фестивалей, поддержанных государством, продолжают придерживаться принципов культурного разнообразия, предлагая своим зрителям программы с фильмами из более широкого и разнообразного спектра тем.

Кинофестивали можно также относить к *индустриальным* или *зрительским*. В 2019 г. в России прошло 10 индустриальных, 138 зрительских и 7 кинофестивалей смешанного типа. В 2020 – 6/85/8, в 2021 – 14/107/8. Помимо этого существуют студенческие, фестивали дебютного кино, православные кинофестивали, детские фестивали и фестивали с фильмами, сделанным детьми, экологические, спортивные и туристические, инклюзивные, военные и патриотические. Студенческие и дебютные фестивали из перечня дополнительных категорий мы относим к числу индустриальных кинофестивалей, все остальные – к зрительским. Индустриальные фестивали служат профессиональным целям кинематографистов: налаживанию связей внутри сообщества, обсуждению межцеховых проблем, отбору лучших картин и пр. Премии и награды индустриальных фестивалей помогают поддерживать себя в тонусе членам профессионального сообщества кинематографистов, способствуют здоровой конкуренции или же просто дают возможность порадоваться за коллег и друзей. На фестивалях вообще и зрительских в частности показывают фильмы, которые обычно не идут в широком прокате. На международных зрительских фестивалях в большом количестве показывают зарубежные фильмы с оригинальной озвучкой и русскими субтитрами. Просмотр фильмов на фестивалях позволяет услышать настоящую речь актеров – ближе воспринять культуру другой страны, познакомиться с ней в ее неизменном русском дубляжом виде.

В первую очередь в зависимости от стран-производителей фильмов кинофестивали подразделяются на *международные* и *национальные/региональные*. В 2019 г. прошло 140 международных и 65 национальных, региональных фестивалей. В 2020 – 90/35. В 2021 – 122/49. Сегодня, если фестиваль относится к категории международных, он обязан пройти целую процедуру для того, чтобы состояться вне зависимости от того, собирается он подавать заявку на получение финансирования или нет. По сравнению с международными кинофестивалами в России гораздо меньше национальных

и региональных фестивалей. Национальные проводят конкурс новых отечественных фильмов и относятся к категории индустриальных. Региональные повышают культуру киносмотрения своей аудитории, относятся к числу зрительских. Международные фестивали в России отвечают за знакомство нашего зрителя с редкими иностранными картинами и встречу зарубежных кинематографистов с городами России и нашей культурой. Целый ряд существующих национальных фестивалей сильно разгружают «Кинотавр».

В последние годы в кино происходит смешение видов и разделение на *игровые*, *документальные* и *анимационные* не очень важны. Однако узкоспециализированные фестивали по-прежнему существуют, оставаясь более стабильными (проходят каждый год). В 2019 г. прошло 12 игровых, 22 документальных, девять анимационных, один научно-популярный и 161 кинофестиваль смешанного типа. В 2020 – 10/17/9/1/88. В 2021 – 9/19/8/1/132. В программах международных кинофестивалей часто существуют секции всех трех видов кино.

Фестивалей *короткометражного* кино значительно больше, чем фестивалей, существующих только для *полнометражных* работ. Существование короткометражных фестивалей национального кино говорит об активной фазе жизни национальной кинематографии. В 2019 г. прошло 11 фестивалей полнометражного кино, 56 – короткометражного, 136 фестивалей смешанного типа и два кинофестиваля для сериалов. В 2020 – 7/28/89/1. В 2021 – 10/46/113/2. Знакомство представителей индустрии с новым, молодым, а значит, будущим полнометражным кино происходит именно на кинофестивалях короткометражных фильмов. Молодые режиссеры получают возможность заявить о себе, попав на фестиваль, а продюсеры – найти новый талант для запуска полного метра.

Кинофестивали – важная составляющая системы отечественной и мировой киноиндустрии, хоть на первый взгляд они и могут выглядеть обособленными и самостоятельными. Фестивали важны по целому ряду причин, ценность которых за время пандемии стала еще очевиднее. *Кинофестивали* знакомят мир и представителей кинематографа с новыми произведениями нежанрового кино, каждый год отбирая и называя лучшие из них (по мнению критиков и жюри). Фестивали создают институт профессиональных репутаций в кино. *Фильмы*, представленные на кинофестивалях, часто поднимают сложные социальные темы и вопросы, которые обычно не принято обсуждать в обществе. Люди, посмотревшие эти картины, рожают дискуссию [Жабский 2020, с. 305–320]. Фестивали нужны для осмысления проблем современных обществ. Кинофестивали – путь в жизнь для молодых режиссеров, поскольку

фестивали дают возможность стать признанными внутри своего профессионального сообщества (среди своих), заработать репутацию, чтобы в дальнейшем приобрести свою зрительскую аудиторию. Фестивали – удобная и живая, постоянно бурлящая площадка для новых профессиональных (и личных) знакомств, заключения новых сделок и контрактов. Кинофестивали – фабрика генерации мыслей, идей и связей. Фестивали обогащают культурную жизнь городов и регионов, в которых они проводятся, тем самым принося разнообразные эмоции (большую радость или грусть и раздражение) их местным жителям. Зрительские кинофестивали – являются важным местом редких встреч создателей и зрителей фильмов. Во время живого представления фильма и офлайн-обсуждения живое взаимодействие помогает «синефилам» и «синеделам» (авторам кино) узнать и понять друг друга, на время стать ближе. Встречая своего зрителя, режиссеры лучше понимают, зачем и для кого они работают, а зрители начинают глубже разбираться в том, что они смотрят. И наконец, фестивальное кино – творческая лаборатория для создания произведений массового кино.

Как количество, так и смысл проведения фестивалей постоянно меняются, ведь кинофестивали подстраиваются под голос и тенденции времени, стараясь его прочесть и рассказать зрителям. Пандемия показала, насколько важно личное непосредственное общение между людьми – частичный переход в онлайн стал вынужденной мерой, от которой организаторы отказываются при первой возможности. В России существует как минимум 89 по-настоящему стойких кинофестивалей, прошедшие в последние три года (2019, 2020, 2021 гг.).

Литература

- Алиева и др. 2016 – *Алиева С., Дондурей Д.* Принципы и технологии актуальной фестивальной политики [Электронный ресурс] // Искусство кино. 2016. № 3. Марг. URL: <http://old.kinoart.ru/archive/2016/03/sitora-alieva-panatseya> (дата обращения 17 декабря 2021).
- Блумер 2017 – *Блумер Г.* Символический интеракционизм. М.: Элементарные формы, 2017. 344 с.
- Великая и др. 2013 – *Великая Н.М., Голосеева А.А.* Актуальное искусство в культурном пространстве современной России: Социологическое измерение // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2013. № 1. С. 29–44.
- Жабский 2020 – *Жабский М.И.* Социология кино. М.: КАНОН-ПЛЮС, 2020. 511 с.
- Зубаревич 2017 – *Зубаревич Н.В.* Развитие российского пространства: барьеры и возможности региональной политики [Электронный ресурс] // Мир новой экономики. 2017. № 2. С. 46–57. URL: <https://wne.fa.ru/jour/article/view/125/126> (дата обращения 5 января 2022).

- Разлогов 2017 – *Разлогов К.Э.* Кирилл Разлогов о прошлом, настоящем и будущем кинофестивального движения в России [Электронный ресурс] // Festagent. 2017. 20 июня. URL: <https://festagent.com/ru/articles/kirill-razlogov-mmkf> (дата обращения 15 декабря 2021).
- Рождественская 2021 – *Рождественская К.* Беспощадность и неистовство. Почему необходимы кинофестивали и как они будут меняться [Электронный ресурс] // Republic. 2021. 6 ноября. URL: <https://republic.ru/posts/102203> (дата обращения 6 декабря 2021).

References

- Alieva, S. and Dondurei, D. (2016), “Principles and technologies of current festival policy”, *Iskusstvo kino*, no 3, available at: <http://old.kinoart.ru/archive/2016/03/sitora-alieva-panatseya> (Accessed 17 December 2021).
- Blumer, H. (2017), *Simvolicheskiĭ interaktsionizm* [Symbolic Interactionism], Elementarnye formy, Moscow, Russia.
- Razlogov, K.E. (2017), *Kirill Razlogov o proshlom, nastoyashchem i budushchem kinofestival'nogo dvizheniya v Rossii* [Kirill Razlogov about the past, present and future of the film festival movement in Russia], available at: <https://festagent.com/ru/articles/kirill-razlogov-mmkf> (Accessed 15 December 2021).
- Rozhdestvenskaya, K. (2021), *Besposhchadnost' i neistovstvo. Pochemu neobkhodimy kinofestivali i kak oni budut menyat'sya* [Ruthlessness and fury. Why film festivals are necessary and how they will be changing], available at: <https://republic.ru/posts/102203> (Accessed 6 December 2021).
- Velikaya, N. and Goloseeva, A. (2013), “Contemporary Art in the Cultural Space of Modern Russia. Sociological Dimension”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 1, pp. 29–44.
- Zhabskii, M. (2020), *Sotsiologiya kino* [Sociology of cinema], KANON-PLYuS, Moscow, Russia.
- Zubarevich, N. (2017), “Development of the Russian Space. Barriers and Opportunities for Regional Policy”, *Mir novoi ekonomiki*, no 2, pp. 46–57, available at: <https://wne.fa.ru/jour/article/view/125/126> (Accessed 5 January 2022).

Информация об авторе

Александра И. Рысева, VojoLe Research, Москва, Россия; 115184, Россия, Москва, Озерковская наб, 22/24, строение 1; arysyova@gmail.com

Information about the author

Aleksandra I. Ryseva, VojoLe Research, Moscow, Russia; bldg. 1, bld. 22/24, Ozerkovskaya Embankment, Moscow, Russia, 115184; arysyova@gmail.com

Рецензия на научную монографию
«Прекарная занятость:
истоки, критерии, особенности»
под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: Весь мир, 2021. 400 с.

Сергей В. Козин

*Южный федеральный университет,
Ростов-на-Дону, Россия mister.svk92@yandex.ru*

Аннотация. Статья представляет собой рецензию на коллективную монографию «Прекарная занятость: истоки, критерии, особенности», подготовленную сотрудниками социологического факультета Российского государственного гуманитарного университета. В рамках монографии освещены критерии прекарной занятости и особенности прекарности в сферах промышленности, строительства, транспорта, культуры, образования, здравоохранения, науки и сельского хозяйства. В отдельных главах характеризуются отдельные аспекты прекарности: скрытые формы оплаты труда, проявления прекарности в производственной организации и пр.

Ключевые слова: прекариат, прекарная занятость, социально опасный класс, социально-экономическое развитие

Для цитирования: Козин С.В. [Рец.] Прекарная занятость: истоки, критерии, особенности / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: Весь мир, 2021. 400 с. // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2022. № 2. С. 105–109. DOI: 10.28995/2073-6401-2022-3-105-109

Book Rev.: Toshchenko, Zh.T. (ed.) (2021),
Precarious employment. Origins, criteria, features,
Ves' Mir, Moscow, Russia

Sergei V. Kozin

*Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia
mister.svk92@yandex.ru*

Abstract. This article is a review of the collective monograph “Precarious employment. Origins, criteria, features” prepared by staff-fellows of the

Sociology Faculty of the Russian State University for the Humanities. The monograph covers the criteria of precarious employment and the specifics of precariousness in the fields of industry, construction, transport, culture, education, health care, science, and agriculture. Some chapters describe certain aspects of precariousness: hidden forms of remuneration, manifestations of precariousness in the production organization, etc.

Keywords: Zh.T. Toshchenko, precariat, precarious employment, socially dangerous class, socio-economic development

For citation: Kozin, S.V. (2022), "Book Rev.: Toshchenko, Zh.T. (ed.) (2021), *Precarious employment. Origins, criteria, features*, Ves' Mir, Moscow, Russia", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 2, pp. 105–110. DOI: 10.28995/2073-6401-2022-3-105-109

Рецензируемая монография продолжает развивать такие предшествующие отечественные научные работы, как «Прекариат: от протокласса к новому классу» [Тощенко 2018] и «Прекариат: становление нового класса» [Прекариат 2020].

Монография написана коллективом, объединяющим более десяти авторов, как именитых, так и молодых ученых. Структурно книга состоит из предисловия, введения, пятнадцати глав, заключения и двух приложений, в которых в табличной форме представлены результаты проведенных эмпирических исследований 2018–2020 гг., осуществленных социологическим коллективом РГГУ. Книга написана конструктивно и «плотно», она фактически лишена «воды», которая нередко присутствует в подобных работах, ее лучше читать полностью и весьма внимательно, чтобы не упустить из виду важные моменты. Книга актуальна, данная тематика является трендовой в социологии.

Первые разделы книги посвящены анализу терминологии и генезису прекарной занятости. Авторы дают научные трактовки понятию «занятость», раскрывают отличительные черты «формальной» и «неформальной» занятости, «типичных» и «нетипичных трудовых отношений» (с. 29–30), «неустойчивой занятости» (с. 30). Итак, *прекарная занятость* – это

...специфический вид трудовой деятельности в условиях неопределенности социально-экономического положения работника, выражающейся в полной или частичной неоформленности трудовых отношений, в нестабильной оплате труда... в неустойчивости жизненных ориентаций и неуверенности в своем будущем (с. 35).

В процессе чтения книги создалось впечатление, что общество в будущем будет разделено на класс «прекариат» и класс, именуемый «сливки общества»; говоря о последних, отметим, что в период коронавирусной пандемии (далее – COVID-19) общее денежное состояние российских долларовых миллиардеров увеличилось с 392 – 454 млрд долл. только за весну 2020 г.¹ Очевидно, что «любое государство, в котором начинает преобладать прекариат, само по себе подвержено слабости» [Козин, Закиева, Жидяева 2021, с. 208].

Интересной в монографии представляется гл. 3 «Прекаризация трудовых отношений в промышленности», поскольку в ней, помимо прочего, рассматривается влияние COVID-19 на прекаризацию сотрудников отечественной промышленности. Автор данного раздела Р.И. Анисимов, на наш взгляд, упустил из виду ряд важных моментов. Например, работники производства (как и других отраслей) были вынуждены осуществлять свою профессиональную трудовую деятельность в масках (получивших в народе название «намордник»). Часть сотрудников предприятий попала в сложную ситуацию из-за нежелания прививаться: работодатели блокировали им пропуск, и сотрудники не могли попасть на свое рабочее место. Работодатели зачастую принуждали идти прививаться от COVID-19, используя при этом приемы давления: лишение премии, сокращение заработной платы, отстранение от работы сотрудника без денежного содержания и даже его увольнение.

Из результатов опроса ($N = 900$ чел., в возрасте от 18 лет и старше, 22 субъекта РФ, сентябрь–октябрь 2020 г.: «Прекариат–2020») видно, что COVID-19 оставил свой отпечаток: респонденты отметили ухудшение материального положения работников предприятий (на увольнение или сокращение заработной платы указали 31% работающих) (с. 73).

Заслуживает должного внимания гл. 15 «Протестный потенциал россиян и особенности его проявления в трудовой сфере», в которой И.В. Воробьева отмечает увеличение «протестного потенциала в российском обществе» (с. 301). Ключевым фактором протестов остается «невыплата заработной платы (полная или частичная) – на нее приходится 57% всех акций». Далее идет: неудовлетворенность политикой руководства – 29%, маленькая зарплата – 21%, сокращения и увольнения – 20% (с. 306).

¹ Ляликowa Л. Российские миллиардеры разбогатели за время пандемии на \$62 млрд [Электронный ресурс] // Forbes. 2020. 26 мая. URL: <https://www.forbes.ru/milliardery/401395-rossiyskie-milliardery-razbogatel-i-za-vremya-pandemii-na-62-mlrd> (дата обращения 3 января 2022).

В качестве отдельных категорий населения, наиболее подверженных рискам прекаризации, указываются трудовые мигранты, НЕЕТ-молодежь. Лица старшей возрастной группы тоже входят в прекариат (с. 288). Данные опроса пенсионеров показывают, что основной причиной работы на пенсии является малый размер пенсии (таких 50%). 15% работают для того, чтобы материально помочь своим детям, внукам [Тощенко 2018, с. 331].

Пограничные группы, так называемые «кандидаты» в прекариат, составляют: фрилансеры, выпускники вузов и колледжей, участники заемного труда (с. 32, 221, 234, 238, 292,), российские ученые (с. 199–215), преподаватели вузов (с. 161–182). Можно поддержать выводы авторов монографии относительно того, что COVID-19 стал дополнительным фактором прекаризации. Помимо этого отметим, что

...прекариат не имеет явственного видения своего будущего как в кратковременной, так и долгосрочной перспективе, уверенности в обеспеченности своей личной жизни и гарантированности спокойной старости по завершению трудовой деятельности [Козин 2021, с. 202].

Мы не могли обойти стороной тезис, согласно которому прекариат является новым «социально опасным классом». Возникает встречный вопрос: а кому будет опасен прекариат? Может быть, власти? Численность прекариата в настоящий момент колеблется в диапазоне 45–55% трудоспособного населения [Тощенко 2021, с. 24], учитывая тенденцию, в ближайшем будущем данные цифры будут еще превышены, следовательно, фактически все работающее население станет прекариатом.

Есть темы, которые бы хотелось увидеть в работе, – это изучение сельского прекариата, роль социальной защиты и трудового законодательства.

Обобщая результаты, отметим, что многие описанные явления свидетельствуют о серьезности проблемы не только в сфере промышленности, строительства, транспорта, но и в науке и высшем образовании.

Данная книга будет полезна социологам, историкам, социальным работникам, экономистам, политологам, всем специалистам, аспирантам и докторантам, интерес которых обращен к тенденциям рынка труда и образа жизни.

Литература

Козин 2021 – *Козин С.В.* Прекариат: от протокласса к новому классу. Рецензия на монографию Ж.Т. Тощенко // Вестник Московского государственного уни-

- верситета. Сер. 18: Социология и политология. 2021. Т. 27. № 2. С. 202–208 [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2021-27-2-218-224> (дата обращения 20 января 2022).
- Козин, Закиева, Жидяева 2021 – *Козин С.В., Закиева Р.Р., Жидяева Т.П.* Прекариат – новый угнетенный класс XXI века? // *Философия хозяйства*. 2021. № 3 (135). С. 199–213.
- Прекариат 2020 – Прекариат: становление нового класса: колл. монография / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: ЦСП и М, 2020. 400 с.
- Тощенко 2018 – *Тощенко Ж.Т.* Прекариат: от протокласса к новому классу. М.: Наука, 2018. 346 с.
- Тощенко 2021 – *Тощенко Ж.Т.* Публичный и приватный жизненный мир прекариата: основные черты и ориентиры // *Социологические исследования*. 2021. № 11. С. 24–36 [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.31857/S013216250016200-3> (дата обращения 20 января 2022).

References

- Kozin, S.V. (2021), “Precariat: from a proto-class to a new class. Review of the monograph of Zh.T. Toshchenko”, *Moscow State University Bulletin. Ser. 18: Sociology and Political Science*, vol. 27, no. 2, pp. 202–208, available at: <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2021-27-2-218-224> (Accessed 20 January 2022).
- Kozin, S.V., Zakieva, R.R. and Zhidyayeva, T.P. (2021), “Precariat – the new oppressed class of the 21st century?” *Filosofiya khozyaistva*, no. 3 (135), pp. 199–213.
- Toshchenko, Zh.T. (ed.) (2020), *Prekariat: stanovlenie novogo klassa: koll. monografiya* [Precariat. The emergence of a new class], TsSP i M, Moscow Russia.
- Toshchenko, Z.T. (2018), *Prekariat: ot protoklassa k novomu klassu* [Precariat From protoclass to new class], Nauka, Moscow, Russia.
- Toshchenko, Zh.T. (2021), “The public and private life world of the precariat. The main features and landmarks”, *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], no. 11, pp. 24–36, available at: <https://doi.org/10.31857/S013216250016200-3> (Accessed 20 January 2022).

Информация об авторе

Сергей В. Козин, кандидат социологических наук, доцент, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия; 344082, Россия, Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, д. 105/42; mister.svk92@yandex.ru

Information about the author

Sergei V. Kozin, Cand. of Sci. (Sociology), associate professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia; bld. 105/42, Bolshaya Sadovaya Street, Rostov-on-Don, Russia, 344082; mister.svk92@yandex.ru

УДК 75.034

DOI: 10.28995/2073-6401-2022-3-110-122

Дюрер в мастерской Мемлинга

Елена А. Забродина

*Государственный музей изобразительных искусств имени А.С. Пушкина,
Москва, Россия, elena.zabrodina@gmail.com,
ORCID ID: 0000-0001-8805-8300*

Аннотация. Альбрехта Дюрера часто считают одной из ключевых фигур немецкого Ренессанса, поэтому разные аспекты его творческой манеры и ее формирования по-прежнему вызывают интерес у исследователей. В этой связи немаловажно обратиться к истокам искусства Дюрера. Нельзя недооценить влияние венецианских мастеров, что становится заметно после его первого путешествия в Италию в середине 1490-х гг. Однако также значительным фактором становления Дюрера как живописца была встреча художника с нидерландским искусством, что репрезентируется в ряде его работ. В ходе своего путешествия подмастерья Альбрехт Дюрер, возможно, посетил мастерскую одного из ключевых нидерландских мастеров второй половины XV в. Ханса Мемлинга в Брюгге. Эта гипотеза первый раз была высказана немецким исследователем Хансом Эверсом в 1972 г., и с тех пор появился ряд публикаций, где изучается социально-исторический контекст Брюгге и тех городов, где побывал Дюрер, а также проводится анализ сходства и различия художественной манеры раннего Дюрера и работ нидерландских художников. Настоящая статья ставит своей целью резюмировать существующие доказательства и рассмотреть дополнительные аргументы, которые свидетельствуют о пребывании Дюрера в мастерской Мемлинга в начале 1490-х гг.

Ключевые слова: немецкий Ренессанс, ранняя нидерландская живопись, северный Ренессанс, Альбрехт Дюрер, Ханс Мемлинг, Мартин Шонгауэр

Для цитирования: Забродина Е.А. Дюрер в мастерской Мемлинга // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2022. № 2. С. 110–122. DOI: 10.28995/2073-6401-2022-3-110-122

Dürer in Memling's workshop

Elena A. Zabrodina

*Pushkin State Museum of Fine Art, Moscow,
Russia, elena.zabrodina@gmail.com,
ORCID ID: 0000-0001-8805-8300*

Abstract. Albrecht Dürer is often considered one of the key German Renaissance painters and it is the reason, why different aspects of Dürer's art and its formation continue to be immensely significant for researchers. In that regard, it is important to refer to the origins of Dürer's art.

The influence of the Venetian masters cannot be underestimated, which becomes apparent after his first trip to Italy in the mid-1490s. Also, a significant factor in Dürer's formation as a painter was his encounter with Dutch art, what is represented in a number of his works. During his travel as a journeyman Albrecht Dürer could visit in Bruges the workshop of Memling, a key Dutch master. The first scientist who formulated that hypothesis was German researcher Hans Evers in 1972, and since then a number of publications have appeared that study both the social and historical context of Bruges and the cities Dürer visited, as well as analyze the similarities and differences in the artistic style of early Dürer and the works of Netherland painters. The purpose of the article is to summarize existing arguments and adding new ones in favor of Dürer's visiting of Memling's workshop in the beginning of 1490th.

Keywords: German Renaissance, Early Netherland painting, Northern Renaissance, Albrecht Dürer, Hans Memling, Martin Schongauer

For citation: Zabrodina, E.A. (2022), "Dürer in Memling's workshop", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 2, pp. 110–122, DOI: 10.28995/2073-6401-2022-3-110-122

В 1795 г. испанский гуманист, путешественник Мельхиор Гаспар Ховельянос посетил бенедиктинский монастырь Санта-Мария ла Реал в Нахере и атрибутировал Дюреру три панели «Христос и музицирующие ангелы» [Polt 1971], которые сейчас, по общепринятому мнению, являются продукцией мастерской Мемлинга. Панели «Христос и музицирующие ангелы» (Королевский музей изящных искусств, Антверпен) составляют верхнюю часть утраченного главного алтаря монастырской церкви [Valdeon Baraque 2005].

Полиптих из Нахера по размеру можно сравнить с другим грандиозным произведением Мемлинга, созданным также в поздний период его творчества. Это алтарь Гревераде (1490-е, музей Св. Анны, Любек), заказанный братьями Генрихом Гревераде (представителем Ганзейского союза в Брюгге) и Адольфом Гревераде из Любека

(он был настоятелем кафедрального собора Любека с 1497 г., а до этого времени учился в Левенском университете) [Borchert 1991, p. 91–92]. Алтарь посвящен Страстям Христовым и был предназначен для поминальной часовни Гревераде в соборе Любека [Blum 1969, p. 104]. На центральной панели изображено Распятие Христа, на внутренних боковых створках – Несение креста (слева) и Воскресение (справа). Две пары дополнительных створок (первая позиция закрытого алтаря) демонстрируют четырех святых – Власия, Иоанна Крестителя, Иеронима и Эгидия с их атрибутами. При второй позиции закрытого алтаря перед зрителем предстает сцена Благовещения, выполненная в технике гризайля [Vos 1994, p. 326–328].

Первый раз возможное посещение Дюрером нидерландских земель во время путешествия подмастерья упомянул еще Карел ван Мандер [Mander, Miedema 1994–1997, I, p. 82–83, 96–97, II, p. 268], однако детальную гипотезу впервые предложил Ханс Эверс. В монографии, посвященной Дюреру, Эверс привлек внимание к левой части центральной панели открытого алтаря Гревераде, где изображены фигуры трех мужчин, и первым отметил сходство фигуры, изображенной слева в профиль, с портретом Михаэля Вольгемута, исполненный Дюрером в 1516 г. (Германский национальный музей, Нюрнберг) [Evers 1972, p. 7–14, 84–87]. Мужчина в центре обнаруживает явное сходство с автопортретом Дюрера 1500 года (Старая Пинакотека, Мюнхен). Нужно отметить, что на подготовительном рисунке заметны только две фигуры, третья была добавлена при завершении живописных работ над алтарем Гревераде [Borchert 1991, p. 91–100], что в итоге заставляет и Дирка де Васа, автора каталога-резоне произведений Мемлинга, подтвердить гипотезу Эверса [Vos 1994, p. 326]. Возможно, что фигуры этих трех персонажей написал сам Дюрер, будучи учеником в мастерской Мемлинга, на что указывает Барбара Лэйн в своей монографии о Мемлинге [Lane 2009, p. 106–109].

В последнее время все больше авторов книг, посвященных немецкому искусству XV в., отмечают сильное нидерландское влияние на немецкое искусство в последней четверти XV столетия, например, Бриджит Корли в книге «Искусство Кельна 1300–1500» [Corley 2000]. Однако нужно отметить и обратную тенденцию, особенно в случае Мемлинга, который с высокой долей вероятности до приезда в нидерландские земли учился у немецких мастеров, а также мог видеть работы этих художников (среди них Стефан Лохнер, мастер дармштадтских Страстей, мастер Св. Вероники и мастер Св. Лаврентия) [Vos 1994, p. 16–17; Lane 2009, p. 43–50]. Двойные створки были редкостью для заказчиков из нидерландских провинций или итальянских городов, которые преобладали

среди клиентов мастерской Мемлинга, и напротив, были типичны для немецких заказчиков, предпочитавших несколько вариантов расположения алтарных створок [Pilz 1970; Lane 2009, p. 139–143], что и можно наблюдать на алтаре Гревераде.

Путешествие подмастерья, которое Дюрер совершал по нидерландским провинциям в период 1490–1492 гг., могло включать посещение Брюгге. К этому времени большинство крупных нидерландских мастеров умерли (Петрус Крестус в 1475/1476, Дирк Боутс в 1475, Хуго ван дер Гус в 1482), и Мемлинг стал практически единственным нидерландским мастером в южных провинциях, чья мастерская служила местом обучения не только молодых живописцев из Брюгге и соседних нидерландских городов, но и для иностранных художников. Ярким примером может служить Михель Зиттов, который учился в мастерской Мемлинга с 1484 года по 1486 г. [Lane 2009, pp. 102–103] – за несколько лет до возможного приезда Дюрера. Известность Мемлинга в 1480-е и первую половину 1490-х гг. сложно переоценить, к нему обращаются за заказами представители и городских элит, и заказчики из числа иностранных торговых домов, и представители религиозных институций.

Нужно отметить, что вслед за путешествием по нидерландским провинциям Дюрер отправился в мастерскую Шонгауэра в Кольмаре, куда прибыл весной 1492 г. К этому времени Шонгауэр уже умер, Дюрер посетил мастерскую художника, познакомился с его братьями, увидел «Штудию пионов» Шонгауэра (1472–1473, музей Гетти, Лос-Анджелес) [The Early Durer 2012, p. 118]. Однако еще одной причиной поездки Дюрера к Шонгауэру могло быть знакомство с его работами в мастерской Мемлинга, в которой, возможно, Шонгауэр учился в период с 1469 по 1471 г. Ян Николайсен отмечает близость рисунков Шонгауэра рисункам Рогира ван дер Вейдена, что стало возможно для Шонгауэра через знакомство с работами Рогира ван дер Вейдена в мастерской Мемлинга [Nicolaisen 1999, pp. 33–56]. Брюгге в конце 1460-х гг. – один из самых известных художественных центров Нидерландов. В городе, помимо мастерской Мемлинга, работает также мастерская Петруса Крестуса, однако для Шонгауэра, как позже и для Дюрера, вполне понятным стал выбор мастерской немецкого по происхождению живописца.

Дополнительными указаниями на возможное любопытство со стороны Дюрера к ранней нидерландской живописи было путешествие его отца, Альбрехта Дюрера старшего, в нижние земли до приезда в Нюрнберг в 1455 г., где он видел «великих мастеров» [Rupprich 1956, I, p. 28], а также влияние Рогира ван дер Вейдена не только на Шонгауэра, но и на работы нюрнбергского художника Ханса Плей-

денвурфа, с чьим сыном Вильгельмом Дюрер познакомился в юности в мастерской Вольгемута [Van Eyck to Dürer 2011, pp. 69–70].

Продолжая тему автопортрета Дюрера 1500 года, нужно отметить еще несколько любопытных параллелей в творчестве Мемлинга и Дюрера. Во-первых, одним из иконографических прототипов «Автопортрета» выступает «Христос благословляющий», который появляется не только в верхнем ряде панелей из Нахера, но и как отдельная алтарная створка (Благословляющий Христос, 1481, Музей изящных искусств, Бостон) и тондо, созданное в мастерской Мемлинга («Спаситель мира», 1480–1485, Метрополитен-музей, Нью-Йорк). При этом еще более ранний иконографический вариант – это работа Петруса Крестуса 1445 г. («Голова Христа», 1445, Метрополитен-музей, Нью-Йорк), которая, в свою очередь, базируется на копии мастерской Яна ван Эйка (всего существуют три копии с оригинала ван Эйка, две в музее Гронинге, Брюгге, одна – в Старой Пинакотеке, Мюнхен). Автопортрет Дюрера соединяет в себе и ренессансное, и религиозное прочтение темы человека [Koerner 1997, p. 220, 243], объединяя тему Апеллеса, о чем пишет в своей книге Цельтис, и тему *Devotio moderna* – подражание Христу [The Early Dürer 2012, p. 67–72].

Работа Петруса Крестуса представляет собой вариант темы «Христос как муж скорбей» [Ainsworth, Martens 1995, p. 86–90], и вскоре после возвращения из путешествия подмастерья алтарь на этот сюжет создает и Дюрер («Муж скорбей», 1493–1494, Художественная галерея, Карлсруэ). Дополнительные параллели этой створки Дюрера можно найти в ранней работе Мемлинга «Муж скорбей (на руках у Богородицы)» (1475, Королевская капелла, Гранада), где Христос изображен со склоненной головой, приближающейся к образу Дюрера на панели из Карлсруэ. Авторы каталога «Ранний Дюрер» находят параллели этому в работах скульпторов из Страсбурга, который Дюрер посетил уже после предполагаемого визита в Брюгге [The Early Dürer 2012, p. 43–44], но образы страдающего Христа были в целом широко распространены на рейнских землях (Страсбург находится на территории Верхнего Рейна, Зелигенштадт (родина Мемлинга) и Кельн (место предполагаемой учебы Мемлинга [Lane 2009, p. 43–59]) расположены ближе к течению Нижнего Рейна).

Нужно заметить, что в следующем десятилетии, когда Дюрер обретает творческую зрелость, тема Христа как мужа скорбей будет решена художником в более экспрессивной манере («Спаситель в терновом венце», 1503, Британский музей, Лондон. Уголь, бумага; «Христос, показывающий раны» («Муж скорбей»), около 1500, гравиора резцом) [Близнюков 2021, с. 102].

«Цитаты» из работ Мемлинга в творчестве Дюрера встречаются неоднократно. Как раз на период возможного пребывания Дюрера в мастерской Мемлинга приходится создание мастером «Портрета молодого мужчины» (1485–1490, Тиссен-Борнемица, Мадрид). Во второй половине 1490-х гг. Дюрер создает ряд портретов членов семейства Тухер (портреты Ханса XI и Фелиции Тухер, 1497–1499, музей Веймарского замка, Веймар, «Портрет Элсбет Тухер», 1499, Картинная галерея, Кассель), «Портрет Осволта Крела» (1499, Старая Пинакотека, Мюнхен), а также свой «Автопортрет» (1498, Прандо, Мадрид), где можно отметить сходство и в элегантности костюмов моделей, и в расположении модели вполоборота, и в пейзаже, изображенном в правой или левой части каждой из картин [Borchert 2005, p. 89–90].

Модели в произведениях и Мемлинга, и Дюрера занимают угловую позицию, развивая тем самым манеру, которая первый раз появляется в работах предшественника Мемлинга в Брюгге, Петруса Кристуса («Портрет картузианского монаха», 1446, Метрополитен-музей, Нью-Йорк) [Panofsky 1953, p. 310]. При этом нужно отметить, что качество работы Дюрера различается, если сравнивать портреты Тухеров с портретом Крела или автопортретом – это зависело от срока, отведенного на работу, от цены портрета. Традиция создавать портреты появилась в семействе Тухер еще в середине XV в., и Дюрер создает произведения, соответствующие предыдущей портретной традиции. А собственный автопортрет выступает как способ рекламы своих возможностей как портретиста, поэтому здесь мастер использует все возможные технические приемы, включая более детальное изображение рук, чем на картинах для Тухеров [The Early Dürer 2012, p. 113–114].

Иллюзионистический прием в изображении руки на «Автопортрете» Дюрера берет свое начало в нескольких портретах, вышедших из мастерской Мемлинга [Sander 1993, p. 301–304]: например, на портретах Томмазо Портинари и его жены Марии Магдалены Барончелли (1470, Метрополитен-музей, Нью-Йорк), «Портрете неизвестного на фоне пейзажа» (1480, Уффици, Флоренция) а также «Портрете мужчины» (ок. 1470, коллекция Фрик, Нью-Йорк).

Еще одна «цитата» из творчества Мемлинга в работах Дюрера снова связана с алтарем Гревераде. Впервые в живописи Северного Ренессанса на этом полиптихе фигура воскресшего Христа воспаряет над землей (в итальянской живописи такое сюжетное решение широко распространилось в XIV веке). Дирк Вос отмечает, что в графической серии Дюрера «Большие страсти» можно увидеть определенное сходство в изображении фигуры воскресшего Христа («Воскресение Христа», серия «Большие страсти», 1510, гравюра на дереве) с образом Мемлинга с алтаря Страстей [Vos 1994, p. 326, 329].

Однако восприятию образа парящего Христа Дюрера препятствуют точно проработанные мышцы ног в сравнении с Мемлингом, у которого образ Христа действительно кажется невесомым. Интересно, что в этот же период Мемлинг создает еще две гравюры на тему Воскресения Христа («Воскресение Христа», из серии «Гравированные Страсти», около 1512, Метрополитен-музей, Нью-Йорк; «Воскресение Христа» из серии «Малые Страсти», около 1510, Метрополитен-музей, Нью-Йорк). Эти варианты Воскресения изображают Христа стоящим. Вариант «Воскресения» из серии «Малых Страстей» был ориентирован на более простую и менее эстетически восприимчивую публику, для которой образы Дюрера были тесно связаны с театральными представлениями [Близнюков 2021, с. 174]. Второй из образов Христа из серии «Гравированные Страсти» хотя и стоит на крышке саркофага, но благодаря более вытянутым пропорциям больше напоминает прототип Мемлинга.

Еще один грандиозный алтарь, созданный Мемлингом в 1474–1479 гг. для госпиталя Св. Иоанна, был доступен Дюреру для просмотра, так как находился в общественном пространстве [Vos 1994, pp. 151–156]. Правая створка этого триптиха посвящена теме Апокалипсиса, и ее можно сравнить с одноименным циклом Дюрера, состоящим из пятнадцати листов (первое издание в 1498 г., ксилографии), где многие образы Мемлинга находят соответствие в графике Дюрера. Лист 1, посвященный теме мученичества Иоанна Богослова, соответствует сцене, которую Мемлинг изобразил справа на заднем плане центральной панели, рядом Мемлинг показал несколько чудес апостола, которые прямо не соотносятся с темой Откровения, поэтому Дюрер их пропускает. Листы 2–4 цикла Дюрера соответствуют образам алтаря «Двух Иоаннов». Всадники Апокалипсиса (лист 4) изображены Дюрером в соответствии с библейским текстом от заднего плана к переднему, Мемлинг изобразил всадников в обратном порядке, но оба художника очень тщательно соблюдают соответствие своих персонажей библейскому тексту. Мемлинг пропускает историю снятия пятой печати и сразу показывает в верхней правой части правой створки снятие шестой печати, тогда как Дюрер объединяет эти два сюжета на листе 5. Листы 6–9 цикла Дюрера не находят точного отражения в работе Мемлинга, тогда как ангел со столпами огненными (лист 10) находит свое соответствие в алтаре Мемлинга, но эпизод, в котором Иоанн проглатывает книгу, у Мемлинга отсутствует. Лист 11 – образ «Жены, облаченной в Солнце» и дракона – показаны на «Алтаре двух Иоаннов» также в противопоставлении, но фигуры – в отличие от Мемлинга – выполнены монументально, показаны на переднем плане, тогда как на

алтаре из госпиталя они изображены в верхней части и выделены за счет цвета. Лист 12 – «Битва архангела Михаила с драконом» – решен Дюрером радикально по-другому: если у Мемлинга дракона атакуют несколько представителей небесных сил, что изображено в правом верхнем углу, то у Дюрера архангел и дракон практически сплетаются в клубок, и художник противопоставляет ярость схватки в небесах идиллическому пейзажу. Листы 13–15 снова не совпадают с художественным решением на алтаре. Таким образом, ряд деталей, сюжеты и композиционные решения демонстрируют переключки мастеров из Брюгге и Нюрнберга, но разница форматов – отдельные листы гравюр у Дюрера и алтарь Мемлинга – обуславливают и новшества, которые использует в своем цикле Альбрехт Дюрер.

Небольшие алтари для частного благочестия с изображением Мадонны с младенцем Христом на руках широко распространились по Европе к концу XV в. Не были исключением нидерландские и немецкие земли. На образ Девы Марии у Дюрера, особенно в ранних работах 1490-х гг., могли повлиять некоторые композиции Мемлинга, который в это время управляет большой мастерской [Lane 2009, p. 95–98; Campbell 1981, p. 43–61]. Такими примерами могут служить «Коленопреклоненный молодой мужчина перед Мадонной с младенцем», (1480–1490, Институт искусств, Чикаго), «Мадонна с младенцем и ангелом» (1485–1490, Государственные музеи, Берлин), диптих Мартина Ньювенхова (1487, музей Мемлинга, Брюгге) [Vos 1994, p. 220, 254, 279–282], которые можно сопоставить с ранней живописной работой Дюрера на этот сюжет – «Мадонна Хеллера» (1496–1499, Национальная галерея, Вашингтон). Несмотря на то что младенец Христос скорее напоминает работы Джованни Беллини, тем не менее угловое положение Мадонны, открытое окно и тщательно проработанный пейзаж скорее напоминают нидерландскую живопись [Hand 1993, p. 52–57]. Нужно отметить, что в течение своего первого путешествия в Италию в 1494–1495 гг. Дюрер не только познакомился с итальянским искусством, но также мог увидеть подражание итальянских мастеров нидерландским, которое особенно было выражено в последней трети XV в. [Lane 2009, pp. 211, 242; Nuttall 2004, p. 161–191].

Интерес к пейзажу является одной из важных характеристик творчества Дюрера, которого часто называют первым мастером автономных пейзажей в немецких землях [Albrecht Dürer 2003, p. 37–38; The Early Dürer 2012, p. 117]. Мастерская Мемлинга могла дать Дюреру множество примеров пейзажа на заднем плане алтарных композиций, например, на заднем плане триптиха

Адриана Рейнса (1480, музей Мемлинга, Брюгге), центральных панелей полиптиха Гревераде для кафедрального собора Любека или триптиха Бенедетто Портинари («Портрет Бенедетто Портинари» Св. Бенедикт, 1487, Уффици, Флоренция; Мадонна с младенцем, 1487, Галерея старых мастеров, Берлин). На ранних гравюрах Дюрера, сделанных и резцом на меди, и ксилографиях, таких как «Неравная пара (Любовное предложение)» (1495, гравюра резцом), «Святое семейство с кузнечиком» (1495, гравюра резцом), «Святое семейство с тремя зайцами» (1496, ксилография), можно заметить сочетание архитектурных построек, тропинок, водных поверхностей, холмов, напоминающее задний план на работах Мемлинга. Некоторые произведения Мемлинга, ранние, такие как «Св. Вероника с платом» (1470–1475, Национальная галерея, Вашингтон), или более поздние – «Триптих земной суеты и Божественного спасения» (1485 или позднее, Музей изящных искусств, Страсбург), демонстрируют интерес не только к изображению «вселенского» пейзажа, но и тщательному изображению отдельных растений. Во второй половине 1490-х гг. появляются такие акварели Дюрера, как «Чистотел» (1495–1500, Альбертина, Вена), «Ирис» (около 1495, Кунстхалле, Бремен), «Аквилегия» (1495–1500, Альбертина, Вена), «Малый кусок дерна» (1495–1500, Альбертина, Вена), «Кусок дерна (Большой куст)» (1503, Альбертина, Вена) [Metzger 2019, p. 146–157]. Также ирисы и аквилегия напоминают об алтарной створке Мемлинга с изображением «Цветов в кувшине» (около 1485, Тиссен-Борнемица, Мадрид).

Нужно отметить, что в отличие от пейзажных композиций, в натуральных штудиях трав и цветов Дюрер не был первопроходцем, ему предшествует знаменитый лист «Штудия пионов», которая атрибутируется сейчас кругу Шонгауэра (1472/1473, музей Гетти, Лос-Анджелес) [The Early Dürer 2012, pp. 117–118], однако здесь можно также заметить преемственность и с точки зрения мастерской Мемлинга, которую могли посетить оба художника.

Акварели Дюрера используются для ряда живописных произведений мастера, при этом даже после смерти Дюрера мастерская прибегает к его акварелям, например, в «Мадонне с ирисами» (Национальная галерея, Лондон) [Askroyd et al. 2000].

Таким образом, был проанализирован ряд работ Дюрера, в которых можно найти переклички с творчеством Мемлинга. Во-первых, это касается портретного сходства (портрет Вольгемута и автопортрет Дюрера), во-вторых, нужно отметить иллюзионистические приемы в расположении рук моделей у Мемлинга и Дюрера, в-третьих, это иконография Воскресения Христа, которая появляется впервые у Мемлинга, и затем на некоторых гравюрах Дюрера,

в-четвертых, переключки образов Христа как мужа Скорбей, Мадонн и темы Апокалипсиса, и в-пятых, проблематика пейзажа в произведениях художников.

Также нужно отметить, что несмотря на отсутствие архивных данных о пребывании Дюрера в Брюгге, которые заставляют часть современных исследователей избегать темы посещения художником Нидерландов [Sander 2013, p. 37–38], косвенные доказательства, такие как популярность мастерской Мемлинга, возможное ученичество там Шонгауэра за двадцать лет до приезда Дюрера, могут также служить аргументами знакомства Дюрера с творчеством Мемлинга непосредственно в мастерской последнего.

Два мастера немецкого происхождения, Ханс Мемлинг и Альбрехт Дюрер принадлежат двум разным поколениям и работают в разных регионах заальпийской Европы. Тем не менее гипотеза о знакомстве Дюрера с нидерландским искусством не опосредованно, а в мастерской одного из самых известных и популярных живописцев конца XV в. и пребывание в таком крупном художественном центре, каким Брюгге был на протяжении всего XV в., позволяет по-новому взглянуть на источники развития художественной манеры Дюрера.

Литература

- Близнюков 2021 – *Близнюков А.Л.* Альбрехт Дюрер. Шедевры гравюры из Пинакоteki Тозио Мартиненго. [Каталог]. М.: ГИМ, 2021. 292 с.
- Ackroyd 2000 – *Ackroyd P., Foister S., Spring M., White R., Billinge R.* A Virgin and Child from the Workshop of Albrecht Dürer? // *The National Gallery Technical Bulletin*. 2000. Vol. 21. P. 28–42.
- Ainsworth, Martens 1995 – *Ainsworth M.W., Martens M.P.J.* Petrus Christus in Renaissance Bruges: An Interdisciplinary Approach. New York: Metropolitan Museum of Art, 1995. 214 p.
- Albrecht Dürer 2003 – *Albrecht Dürer* / Ed. by von K.A. Schröder und M.L. Sternath. Mit Beitr. von Maryan W. Ainsworth. Hatje Cantz Verlag, 2003.
- Blum 1969 – *Blum S.N.* Early Netherlandish triptychs. A study in patronage. University of California Press, 1969. 176 p.
- Borchert 1991 – *Borchert T.H.* Some Observations on the Lübeck Altarpiece by Hans Memling / *Le Dessin Sous-jacent Dans la Peinture Colloque IX*. Louvain-La-Neuve: Université Catholique de Louvain, 1991. P. 91–100.
- Borchert 2005 – *Borchert T.H.* Memling's Portraits. Thames & Hudson, 2005. 176 p.
- Campbell 1981 – *Campbell L.* The Early Netherlandish Painters and their Workshops // *Le dessin sous-jacent dans la peinture, colloque III*, 6-7-8- septembre 1979: Le problem Maztre de Flemalle – van der Weyden (Universite' Catholique de Louvain, Institut Supirieur d'Archeologie et d'Histoire de l'Art, Document de travail

- no. 11) / Ed. D. Hollanders-Favart and R. van Schoutte, Louvain-La-Neuve, 1981, p. 43–61.
- Corley 2000 – *Corley B.* Painting and Patronage in Cologne 1300–1500 Harvey Miller Publishers, 2000. 342 p. (Studies in Medieval and Early Renaissance Art History. Vol. 26)
- The Early Dürer 2012 – The Early Dürer / Ed. by D. Hess and T. Eser. Germanisches Nationalmuseum with Thames & Hudson, 2012. 656 p.
- Evers 1972 – *Evers H.G.* Durer Bei Memling. Munchen: Wilhelm Fink Verlag, 1972. 102 p.
- Hand 1993 – *Hand J.O.* German Paintings of the Fifteenth through Seventeenth Centuries. The Collections of the National Gallery of Art Systematic Catalogue. Washington, D.C., 1993. 215 p.
- Koerner 1997 – *Koerner J.L.* The Moment of Self-Portraiture in German Renaissance Art. University of Chicago Press, 1997. 564 p.
- Lane 2009 – *Lane B.* Hans Memling, Master Painter in Fifteenth Century Bruges (Studies in Medieval and Early Renaissance Art History. Vol. 56). Brepols, 2009. 386 p.
- Mander, Miedema 1994–1997 – *Mander C.V., Miedema H.* The lives of the illustrious Netherlandish and German painters: in 6 vols. Davaco Publishers, 1994–1997.
- Metzger 2019 – *Metzger Ch.* Albrecht Dürer. Prestel, 2019. 304 p.
- Nicolaisen 1999 – *Nicolaisen J.* Martin Schongauer – ein Mitarbeiter in der Werkstatt Hans Memlings? // Pantheon. 1999. 57. P. 33–56.
- Nuttall 2004 – *Nuttall P.* From Flanders to Florence. The Impact of Netherlandish Painting, 1400–1500. Yale University Press, 2004. 320 p.
- Panofsky 1953 – *Panofsky E.* Early Netherlandish paintings: its Origin and Character. Cambridge: Harvard University Press, 1953. 573 p.
- Pilz 1970 – *Pilz W.* Das Triptychon als Kompositions- und Erzählform. in der deutschen Tafelmalerei von den Anfängen bis zur Dürerzeit. W. Fink, 1970.
- Polt 1971 – *Polt J.H.R.* Gaspar Melchor De Jovellanos. New York: Twayne Publishers, 1971. 163 p.
- Rupprich 1956 – *Rupprich H.* Durer, Schriftlicher Nachlass: in 3 vols. Deutscher Verein für Kunstwissenschaft. Berlin, 1956.
- Sander 1993 – *Sander J.* Niederländische Gemälde im Städel 1400-1550. Verlag Phillip von Zabern in Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1993.
- Sander 2013 – *Sander J.* Albrecht Durer: His Art in Context. Prestel, 2013. 400 p.
- Valdeon Baruque 2005 – *Valdeon Baruque J.* La Rioja, tierra abierta. Najera, legado medieval. Instituto de Estudios Riojanos, Logroño, 2005. 212 p.
- Van Eyck to Dürer 2011 – Van Eyck to Dürer: The Influence of Early Netherlandish Painting on European Art, 1430-1530 / Ed. by T.H. Borchert. Thames & Hudson, 2011. 432 p.
- Vos 1994 – *Vos D.* Hans Memling: The Complete Works. Harry N Abrams Inc, 1994. 128 p.

References

- Bliznyukov, A.L. (2021), *Albrecht Dürer. Shchedvry gravyury iz Pinakoteki Tozio Martinengo* [Albrecht Dürer. Masterpieces of engravings from the Tosio Martinengo Pinacotheca [Catalogue], GIM, Moscow, Russia.

- Ackroyd, P., Foister, S., Spring, M., White, R. and Billinge, R. (2000), "A Virgin and Child from the Workshop of Albrecht Dürer?", *The National Gallery Technical Bulletin*, vol. 21, pp. 28-42, London, UK.
- Ainsworth, M.W. and Martens, M.P.J. (1995), *Petrus Christus in Renaissance Bruges: An Interdisciplinary Approach*, Metropolitan Museum of Art, N.Y., USA.
- Albrecht Dürer* (2003), Schröder, K.A. von, Sternath, M.L., Ainsworth, M.W., von (eds.) Hatje Cantz Verlag, Berlin, Germany.
- Blum, S.N. (1969), *Early Netherlandish triptychs. A study in patronage*, University of California Press, US.
- Borchert, T.H (1991), *Some Observations on the Lübeck Altarpiece by Hans Memling*, Le Dessin Sous-Jacent Dans la Peinture Colloque IX, 91-100. Louvain-La-Neuve: Université Catholique de Louvain, Belgium.
- Borchert, T.H (2005), *Memling's Portraits*, Thames & Hudson, London, UK.
- Borchert, T.H. (ed.) (2011), *Van Eyck to Dürer: The Influence of Early Netherlandish Painting on European Art, 1430-1530*, Thames & Hudson, London, UK.
- Campbell, L. (1981), "The Early Netherlandish Painters and their Workshops", Hollanders-Favart, D. and Schoutte, R. van (eds.), *Le dessin sous-jacent dans la peinture, colloque III, 6-7-8- septembre 1979: Le problem Maztre de Flemalle - van der Weyden*, Louvain-La-Neuve, Belgium.
- Corley, B. (2000), *Painting and Patronage in Cologne 1300-1500*, Harvey Miller Publishers, UK. (Studies in Medieval and Early Renaissance Art History, vol. 26)
- Evers, H.G (1972), *Durer Bei Memling*, Wilhelm Fink Verlag, Munchen, Germany.
- Hand, J.O. (1993), *German Paintings of the Fifteenth through Seventeenth Centuries. The Collections of the National Gallery of Art Systematic Catalogue*, Washington, USA.
- Hess, D. and Eser, T. (eds.) (2012), *The Early Dürer*, Germanisches Nationalmuseum with Thames & Hudson, London, UK.
- Koerner, J.L. (1997), *The Moment of Self-Portraiture in German Renaissance Art*, University of Chicago Press, USA.
- Lane, B. (2009), *Hans Memling, Master Painter in Fifteenth Century Bruges* (Studies in Medieval and Early Renaissance Art History). Brepols, Belgium.
- Mander, C.V. and Miedema, H. (1994–1997), *The lives of the illustrious Netherlandish and German painters*, in 6 vols., Davaco Publishers, The Netherlands.
- Metzger, Ch. (2019), *Albrecht Dürer*, Prestel, Munich, Germany.
- Nicolaisen, J. (1999), *Martin Schongauer – ein Mitarbeiter in der Werkstatt Hans Memlings?*, Pantheon LVII, UK.
- Nuttall, P. (2004), *From Flanders to Florence. The Impact of Netherlandish Painting, 1400–1500*, Yale University Press, USA.
- Panofsky, E. (1953), *Early Netherlandish paintings: its Origin and Character*, Harvard University Press, USA.
- Pilz, W. (1970), *Das Triptychon als Kompositions- und Erzählform. in der deutschen Tafelmalerei von den Anfängen bis zur Dürerzeit*, W. Fink, Germany.
- Polt .J.H.R. (1971), *Gaspar Melchor De Jovellanos*, Twayne Publishers, NY, USA.
- Rupprich, H. (1956), *Durer, Schriftlicher Nachlass*, in 3 vols, Deutscher Verein für Kunstwissenschaft, Berlin, Germany.
- Sander, J. (1993), *Niederländische Gemälde im Städel 1400-1550*, Verlag Phillip von Zabern in Wissenschaftliche Buchgesellschaft, Germany.

- Sander, J. (2013), *Albrecht Durer: His Art in Context*. Prestel, Munich, Germany.
- Valdeon Baroque, J. (2005), *La Rioja, tierra abierta. Najera, legado medieval*. Instituto de Estudios Riojanos, Logroño, Spain.
- Vos, D. (1994), *Hans Memling: The Complete Works*, Harry N Abrams Inc, NY, USA.

Информация об авторе

Елена А. Забродина, Государственный музей изобразительных искусств имени А.С. Пушкина, Москва, Россия; 119019, Россия, Москва, ул. Волхонка, 12; elena.zabrodina@gmail.com

Information about the author

Elena A. Zabrodina, Pushkin State Museum of Fine Arts, Moscow, Russia; bld. 12, Volkhonka Street, Moscow, Russia, 119019; elena.zabrodina@gmail.com

Особенности промышленной архитектуры уральских заводов в эпоху классицизма

Денис Е. Нифонтов

*Шадринский государственный педагогический университет,
Шадринск, Россия, nifontov.de@gmail.com*

Аннотация. В статье рассматриваются отличительные архитектурные особенности комплексов заводов Урала начала XIX в. в контексте распространения архитектуры стиля классицизм в России. Выделяются главные причины массовой перестройки заводов региона в начале XIX в. – обветшание деревянных конструкций, пожароопасность заводских зданий и выработка ресурса древесины для новых построек. Указывается связь между уральской заводской архитектурной традицией и традицией Москвы и Санкт-Петербурга. На примере Каменского и Воткинского заводов выделяются отличительные региональные особенности приложения стиля к заводским постройкам. Разбираются их схожие черты и на примере этих типовых построек резюмируются общие тенденции, такие как скупость в применении декоративных приемов, ансамблевость и учитывающее сложившиеся региональные промышленные традиции производства утилитарное сочетание всех построек с целью оптимизации производства.

Ключевые слова: классицизм, промышленная архитектура, Воткинский завод, Каменский завод, история Урала

Для цитирования: Нифонтов Д.Е. Особенности промышленной архитектуры уральских заводов в эпоху классицизма // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2022. № 2. С. 123–134
DOI: 10.28995/2073-6401-2022-3-123-134

Features of the industrial architecture of the Ural factories in the age of classicism

Denis E. Nifontov

*Shadrinsk State Pedagogical University,
Shadrinsk, Russia, nifontov.de@gmail.com*

Abstract. The article considers the distinctive architectural features of the complexes of the Ural factories at the beginning of the 19th century in the context of the spread of Classicist architecture in Russia. It highlights the main reasons for the mass restructuring of factories in the region at the beginning of the 19th century – the dilapidation depletion of wooden structures, the fire hazard of factory buildings and the depletion of wood resources for new buildings. The connection between the Ural factory architectural tradition and the tradition of Moscow and St. Petersburg is indicated. On the example of the Kamensk and Votkinsk factories, the author marks distinctive regional features of the application of the style to factory buildings and analyzes their similar features by using the example of those typical buildings, summarizing it all in general trends such as avarice in the use of decorative techniques, ensemble character, and a utilitarian combination of all buildings, taking into account the established regional industrial traditions in order to optimize production.

Keywords: classicism, industrial architecture, Votkinsk plant, Kamensk plant, history of the Urals

For citation: Nifontov, D.E. (2022), “Features of the industrial architecture of the Ural factories in the era of classicism”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 2, pp. 123–134, DOI: 10.28995/2073-6401-2022-3-123-134

Для истории русской культуры рубеж XVIII–XIX вв. стал ярким этапом изменений и перемен, отразившихся в том числе и в архитектуре. Родившийся в век Просвещения и абсолютизма русский классицизм в первой трети XIX в. под воздействием внешних и внутренних факторов эволюционировал в высшее свое проявление – ампир, или высокий классицизм, ставший воплощением идей и «духа времени» в камне, а оригинальная внутренняя политика в отношении градостроительства и регламентации архитектурных планов распространила новый стиль на территорию всей страны. Колыбелью русского классицизма в высшем, фундаментальном его проявлении остался Петербург с его Императорской академией художеств, но гордая плеяда выпускников академии преобразила многие города империи, определив их развитие на долгие годы вперед.

Распространившись по всей стране, классицизм отчасти утратил его присущую столице академичность, однако основы, заложенные в фундаменте стиля, вступив в определенный симбиоз с региональными особенностями, на выходе создали своеобразный облик русских провинциальных городов – их административных, культовых и промышленных зданий [Рудченко, Щеболева 2011, с. 172].

Распространение и внедрение в жизнь классицизма на Урале неразрывно связано с горнозаводской промышленностью, которая являлась характерной чертой всего региона [Раскин 1989, с. 17]. Начавшийся в это же время процесс перестройки и реконструкции существующих заводов, преломленный через призму нового стиля, создал особую ветвь архитектуры русского классицизма – промышленную архитектуру.

К началу XIX в. обострилась необходимость в модернизации большей части заводов региона. В подавляющем большинстве это выражалось в перестройке старых деревянных зданий в каменные. Н.С. Алферов в качестве причин такой перестройки выделяет выработку старыми деревянными зданиями своего ресурса – их обветшанием, пожароопасность предприятий и их уничтожение как в силу производственных происшествий, так и в связи с крестьянскими волнениями, затронувшими регион во второй половине XVIII в., логистические проблемы доставки древесины к местам строительства и, наконец, широкое распространение каменного строительства по всей России [Алфёров 1960, с. 27]. Назревшая необходимость в массовой перестройке заводов выразилась в учреждении института архитекторов горных заводов при созданном в 1806 г. в результате реформы Горном правлении в Перми [Раскин 2007, с. 12]. В задачи архитекторов входило как проектирование новых зданий и составление смет, так и непосредственный контроль процесса строительства на местах – в заводах и городах.

Комплекс памятников архитектуры эпохи классицизма на Урале неразрывно связан с именами их авторов. Это и выпускники Академии художеств И.И. Свизяев, А.З. Комаров, М.П. Малахов, С.Е. Дудин, Ф.А. Тележников, прошедший курс обучения, но не допущенный до выпуска А.П. Чеботарев и окончившие менее престижные учебные заведения В.Н. Потемкин, К.А. Луценко, А.Д. Вяткин и Л.С. Мальцев. Их работы стали важной страницей в каменной летописи многих уральских городов. Во всем доступном на сегодняшний день комплексе городских зданий можно обнаружить черты как столичной и московской школ интерпретации архитектуры классицизма [Власов, Лукина 2015, с. 122], так и его местное осмысление, характерное уральскому региону. Однако в своем исследовании мы бы хотели обратить внимание не на городские здания, в том

или ином виде существующие в настоящее время и представленные в архитектуре современных городов Урала, а на промышленные объекты первой половины XIX в., явившиеся синтезом передовых идей архитектуры классицизма и утилитарных задач, возложенных на проекты.

Основной задачей архитекторов при горных заводах была проектировка новых зданий цехов, складов и иных сооружений, входящих в инфраструктуру «городов-заводов» [Капкан 2006, с. 38]. Будучи приписанными к различным заводским округам, зодчим приходилось основное внимание в своей деятельности уделять именно промышленным объектам, выполняя редкие заказы на постройку в городах факультативно. Однако история распорядилась таким образом, что выполненные факультативные проекты сохранились и по сей день, став значимой частью культурного облика городов Урала, а основные работы по перестройке промышленных зданий оказались в силу разных причин утрачены, сохранившись лишь в виде редких изображений и планов. Тем не менее для нас представляется интересным проанализировать по существующим снимкам и рисункам именно промышленную архитектуру уральских зодчих и проследить особенности применения классицистических элементов при решении утилитарных задач.

Одним из примеров приложения идей архитектуры классицизма к промышленным строениям на Урале можно назвать проект переустройства Каменского завода, выполненный с 1825 по 1830 г. архитектором Екатеринбургских заводов М.П. Малаховым [Липина 2009, с. 41]. Выпускник Академии художеств в 1801 г., он пять лет проработал архитектурным помощником под руководством А.Н. Воронихина при постройке Казанского собора. В 1805 г. он покидает столицу, отправляясь вначале в Оренбург, а с 1815 г. начинает работу в Екатеринбурге. Выполненный им проект комплекса зданий Каменского завода, по мнению Н.С. Алферова, характеризуется

...правильным пониманием нужд основного производства, единством архитектурного замысла, передовой по тому времени строительной техникой и градостроительным подходом к решению центрального городского ансамбля завода [Алфёров 1960, с. 43].

Разрабатывая план переустройства завода, Малахов разрешил основную задачу оптимизации разных видов производств – литья пушек и изготовления ядер к ним – путем компанования всех цехов и этапов изготовления в виде прямоугольного корпуса с открытым внутренним двором (рис. 1).

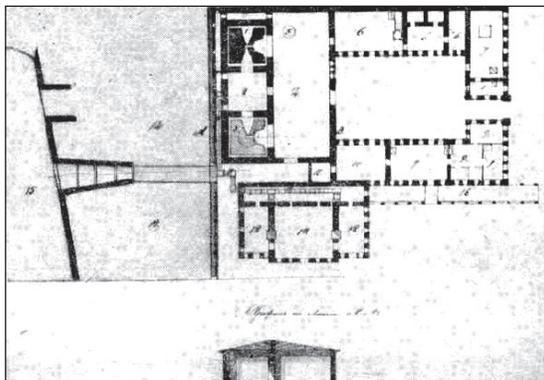

Рис. 1. План Каменского завода [Алфёров 1960, с. 80]

Левая сторона корпуса примыкала к плотине, образуя литейный цех с двумя доменными печами, далее по периметру располагались кузница, цех приема продукции и сверлильный корпус. Подобная форма организации территории завода позволила оптимизировать поточное изготовление продукции и сделать комплекс удобным для общей эксплуатации.

Располагая планом перестройки завода и доступными его изображениями, можно сделать выводы о целостности и идейной завершенности всего комплекса как промышленного ансамбля (рис. 2).

Рис. 2. Каменский завод. Фото В.Л. Метенкова, 1909 г.¹

¹ Каменский казенный чугуноплавильный и литейный завод [Электронный ресурс]. URL: <https://history-kamensk.ru/history/187-kamenskii-kazennyi-chugonnoplavilnyi-i-liteinyi-zavod.html> (дата обращения 4 апреля 2022).

В заложенных зданиях Малахов применяет такие художественные средства, как расшивка стен фасада рустами, организация карнизов, расположение по всему периметру прямоугольных окон, сочетая их в центральных местах с аркадами. Главное здание завода, являвшееся его лицом, симметрично, с расположенным по центру входом, а навес у въездного моста оформлен в виде портика дорического ордера – излюбленного приема уральских архитекторов первой половины XIX в. Акцент всего производственного ансамбля делается на литейном цехе, связывающем между собой две доменные печи, выразительно подчиняя в художественном и смысловом плане им другие примыкающие к ним здания. Необходимо отметить оригинальный способ выражения главного центра композиции в виде выполнения корпуса доменных печей, увенчанных куполами, – излюбленным приемом Малахова, который прослеживается и в других его работах, например в проекте загородной дачи архитектора, расположенной в Екатеринбурге.

Композиционно вырастая из общего ансамбля, заканчивающиеся куполами доменные печи выполнены в виде цилиндрического барабана и обрамлены по сторонам треугольными фронтонами с гладким тимпаном. Массивная часть здания, на котором лежит конструкция купола, прорезана теми же прямоугольными окнами (рис. 3).

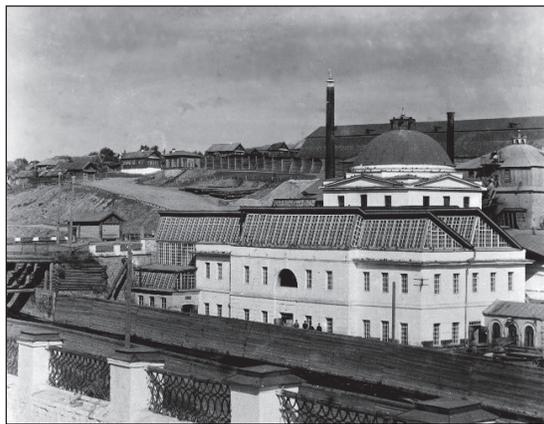

Рис. 3. Главное здание Каменского завода.
С.М. Прокудин-Горский, 1909 г.²

² Прокудин-Горский С.М. Главное здание Каменского завода. 1909 год и 106 лет спустя // Информационный ресурс LiveJournal [Электронный ресурс]. URL: <https://to4et.livejournal.com/50317.html> (дата обращения 4 апреля 2022).

Умелая организация общего плана завода, его смысловая завершенность, тонко расставленные акценты и оригинальное исполнение его ключевых деталей в духе идей нового стиля, органичное сочетание его с исторически сложившимися для региона формами ведения производства позволяют выделить проект переустройства Каменского завода как своеобразный архитектурный ансамбль уральского промышленного классицизма.

Другим примером приложения компонентов стиля к утилитарным строениям региона можно назвать проект перестройки деревянных зданий цехов в каменные, разработанный В.Н. Петенкиным для Воткинского завода в 1828 г. Петенкин не был выпускником Академии художеств, судьба его сложилась иначе – уроженец Петербурга, в 1796 г. он был отдан в землемерское училище, где обнаружил способности к архитектуре. После окончания училища он служит архитектором в Адмиралтействе под началом А.Д. Захарова. В 1822 г. Петенкин получает назначение на должность архитектора Воткинского завода, где и работает до самой своей смерти в 1850 г. Кроме плана переустройства завода Петенкин составляет генеральный план города Воткинска, органично вписывая промышленные здания в пространство города-завода [Лотарёва 1993, с. 140]. Согласно плану, центральной частью города становилась заводская плотина, образующая пруд на реке Вотке [Стояк 2013, с. 41]. С двух сторон к плотине примыкали площади – церковная и заводская. Построенные в 1832 г. здания цехов – литейного, кузнечного и кирпичного располагались перпендикулярно плотине (рис. 4).

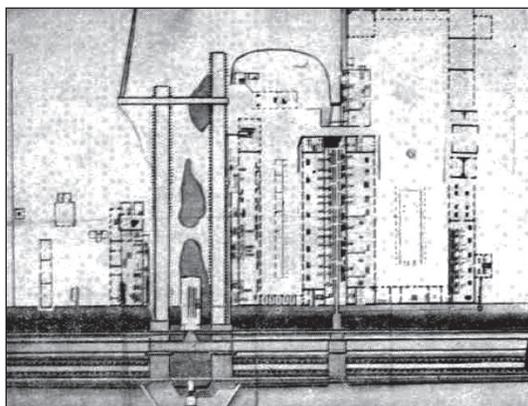

Рис. 4. План Воткинского завода [Алфёров 1960, с. 49]

Параллельно к основным производственным зданиям примыкали вспомогательные цеха, чем обеспечивались поточность и опти-

мизация производства. Здание кузнечного цеха расположено у западного окончания плотины и обращено фасадом на предзаводскую площадь, выступая парадной частью композиции (рис. 5).

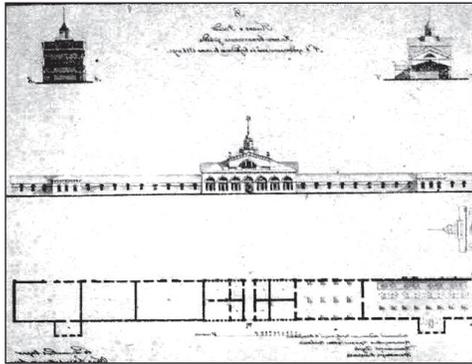

Рис. 5. План, фасады и разрез цеха № 4 Воткинского завода
[Алфёров 1960, с. 49]

В разработанном плане здание кузнечного цеха, обращенное к заводской площади, определяется как главенствующее над другими строениями, примыкающими к нему. Оно доминирует над ними, и композиционно это выражается в его протяженности и разделении на две боковые и центральную часть, оканчивающуюся шпилем. Художественную организацию промышленного ансамбля хорошо иллюстрирует экспонирующаяся в Музее истории и культуры города Воткинска модель Воткинского завода (рис. 6).

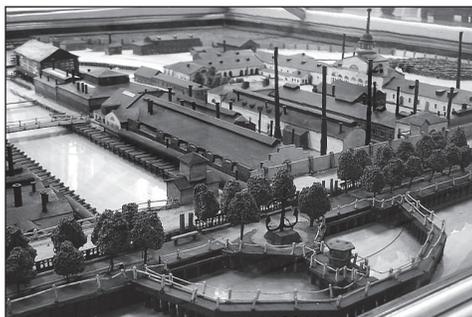

Рис. 6. Макет Воткинского завода³

³ Николаевский корпус Воткинского завода // Информационный ресурс LiveJournal [Электронный ресурс]. URL: <https://ru-history.livejournal.com/1299921.html> (дата обращения 4 апреля 2022).

Здание кузнечного цеха, как и другие здания комплекса, несет в себе основные элементы, характерные стилю классицизма. Подчеркивая симметрию корпуса, Петенкин располагает главный вход строго по центру. В обе стороны от входа по всему массиву центральной части здания расходятся ложные портики дорического ордера. Над ними полукруглые окна, визуально создающие ощущение аркады. За портиками – прямоугольные окна, продолжающиеся и в боковых крыльях. В центральной части над входом располагается треугольный фронтон все с тем же полукруглым окном и гладким тимпаном. Из фронтона вырастает световой многогранный барабан, оканчивающийся приплюснутым куполом и шпилем над ним (рис. 7).

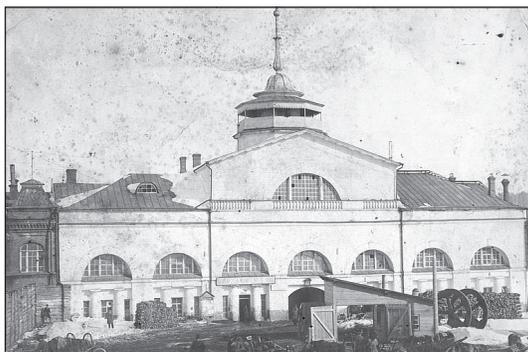

Рис. 7. Цех № 4 Воткинского завода.
Фотография начала XX в.⁴

Нельзя не признать, что, используя в определенной мере скромные архитектурные приемы, Петенкин достигает общую монументальность и красоту всего комплекса завода, формируя из всех зданий промышленный ансамбль с кузнечным цехом во главе.

Изучив проекты перестройки Каменского и Воткинского заводов, можно сделать ряд выводов о явлении промышленного классицизма на Урале. Главной задачей заводских архитекторов – не только В.Н. Петенкина и М.П. Малахова, но и тех, о ком мы упоминали в начале – было совместить в плане комплекса и технологические требования, предъявляемые к зданиям, и их достойное эстетическое оформление, и максимально снизить затраты на строительство.

⁴ Музей истории и культуры города Воткинска [Электронный ресурс]. URL: <https://museumvotkinsk.livejournal.com/10715.html> (дата обращения 2 апреля 2022).

В начале XIX в. промышленность на Урале переживала сложный период – способ организации производства, сложившийся веком ранее, перестал справляться с удовлетворением возросших запросов государства. Отчасти это было связано с моральным устареванием механизмов литья, отчасти с социальной стороной организации работы. В это же время появляются идеи применения паровых механизмов в изготовлении изделий, однако широкой поддержки они не находят, встречая скорее сопротивление со стороны заводчиков. Тем не менее ясности относительно применения новых машин не было, и архитектор оказывался в сложной ситуации, проектируя здание цеха. Малахов, например, закладывает в свои проекты возможность применения паровых машин, однако его пример скорее исключение, чем правило. Вероятно, именно из-за невозможности переоборудования старых зданий заводов под новые способы производства большая часть комплексов не сохранилась на сегодняшний день. Однако текущая задача – разместить проектируемые здания таким образом, чтобы оптимизировать процесс производства путем сведения к минимуму необходимости ручной транспортировки деталей и изделий из цеха в цех была решена путем организации зданий в единый комплекс. Но теперь это не просто нагромождение строений – здесь прослеживается единый замысел с архитектурным выделением главных частей и зависимых, с явным акцентом на первые. И если Малахов в своем проекте делает это остроумной надстройкой куполов над домнами, то Петенкин выделяет кузнечный цех массивным зданием со шпилем. Подобные усилия имеют целью сообщить, что перед нами уже не просто завод, перед нами промышленный ансамбль в стиле классицизма.

Требования к визуальному оформлению и потребность максимально снизить затраты к постройке зданий стоят практически в одном ряду перед уральскими архитекторами первой половины XIX в. С одной стороны, первоначальный проект перестройки Воткинского завода В.Н. Петенкина встречает сопротивление со стороны горного правления как перенасыщенный архитектурными элементами, вследствие чего его себестоимость оказалась слишком большой, и Петенкин переделывает план, упрощая его визуальные детали. С другой стороны, сам заводчик, выступая заказчиком плана, требует его оформление в достойном виде. Алферов, например, в своей работе приводит отрывок письма А.Н. Демидова архитектору Нижне-Тагильских заводов А.П. Чеботареву, в котором требует применить к зданиям «наивозможно лучшие фасады» [Алферов 1960, с. 57]. Борьба подобных требований в итоге приводит к ограниченности архитектурных приемов в итоговых проектах, что также можно выделить как особенность данного явления.

Суммируя сказанное, следует отметить, что главными особенностями промышленной архитектуры Урала эпохи классицизма является ее ансамблевость, гармоничное и разумное сочетание всех частей и скупость в применении архитектурных элементов, присущих стилю.

Литература

- Алфёров 1960 – *Алфёров Н.С.* Зодчие старого Урала: Первая половина XIX века. Свердловск: Свердловское кн. изд-во, 1960. 215 с.
- Власов, Лукина 2015 – *Власов В.Г., Лукина Н.Ю.* Русская архитектура в контексте классической типологии художественных стилей // Общество. Среда. Развитие. 2015. № 3. С. 117–122.
- Капкан 2006 – *Капкан М.В.* Уральские города-заводы: мифологические конструкции // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2006. Т. 47. № 12. С. 36–45.
- Липина 2009 – *Липина Т.Н.* Роль культовой архитектуры в развитии уральского города-завода Каменска в XVIII–XIX веках // Вестник ТГАСУ. 2009. Т. 4. № 25. С. 38–67.
- Лотарева 1993 – *Лотарева Р.М.* Города-заводы России XVIII – первая половина XIX века. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 1993. 213 с.
- Раскин 1989 – *Раскин А.М.* Архитектура классицизма на Урале / Под ред. И.В. Новикова. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1989. 154 с.
- Раскин 2007 – *Раскин А.М.* Классицизм в памятниках архитектуры Свердловской области. Екатеринбург: НИИМК, 2007. 160 с.
- Рудченко, Шеболева 2011 – *Рудченко В.М., Шеболева Е.* Архитектура провинции // История русского искусства: В 22 т. Т. 14: Искусство первой трети XIX века / Отв. ред. Г.Ю. Стернин. М.: Гос. ин-т искусствознания: Северный паломник, 2011. 880 с.; 852 ил.
- Стояк 2013 – *Стояк Ю.А.* Архитектура города-завода Воткинска второй половины XIX – начала XX в. // Вестник Томского гос. архитектурно-строительного ун-та. 2013. № 3 (40). С. 29–46.

References

- Alferov, N.S. (1960), *Zodchie starogo Urala: Pervaya polovina XIX veka* [Architects of the Old Urals. The First Half of the 19th Century], Sverdlovskoe knizhnoe izdatel'stvo, Sverdlovsk, Russia.
- Kapkan, M.V. (2006), “Urals factory – towns. Mythological constructs”, *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta*. Ser. 2, Gumanitarnye nauki, no 47 (12), pp. 36–45.
- Lipina, T.N. (2009), “The role of religious architecture in the development of the Ural'factory – town of Kamensk in the 18th–20th centuries”, *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta. JOURNAL of Construction and Architecture*, no. 4, pp. 38–67.

- Lotareva, R.M. (1993) *Goroda-zavody Rossii XVIII – pervaya polovina XIX veka* [Factory-towns in Russia in the 18th century and the first half of the 19th century], Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, Ekaterinburg, Russia.
- Raskin, A.M. (1989), *Arhitektura klassicizma na Urale* [Architecture of Classicism in the Urals], Novikov, I.V. (ed.), Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, Sverdlovsk, Russia.
- Raskin, A.M. (2007), *Klassitsizm v pamyatnikakh arhitektury Sverdlovskoi oblasti* [Classicism in the monuments of architecture of the Sverdlovsk region], NIIMK, Ekaterinburg, Russia.
- Rudchenko, V. and Shcheboleva, E. (2011), “Provincial Architecture”, *Istoriya russkogo iskusstva* [History of Russian Art. In 22 vols., vol. 14, The Art of the First Third of the 19th Century], Sternin, G.Yu. (ed.), Gos. Izdatel'stvo iskusstvoznaniya, Severnyi palomnik, Moscow, Russia.
- Stoyak, J. (2013), “Architecture of the factory – town Votkinsk in the second half of the 19th – early 20th century”, *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta. JOURNAL of Construction and Architecture*, no. 3 (40), pp. 29–46.
- Vlasov, V.G., and Lukina, N.Yu. (2015), “Russian architecture in the context of the classical typology of artistic styles”, *Society. Environment. Development*, no. 3, p. 117–122.

Информация об авторе

Денис Е. Нифонтов, Шадринский государственный педагогический университет, Шадринск, Россия; 641800, Курганская область, г. Шадринск, ул. К. Либкнехта, д. 3; nifontov.de@gmail.com
ORCID ID: 0000-0002-8828-5906

Information about the author

Denis E. Nifontov, Shadrinsk State Pedagogical University, Shadrinsk, Russia; bld. 3, K. Libknekhta Street, Shadrinsk, Kurgan Region, Russia, 641800, nifontov.de@gmail.com
ORCID ID: 0000-0002-8828-5906

Ассоциативный монтаж
как инструмент авторского замысла
в фильме Х. Валь дель Омара
«Гранада в зеркале воды» (1955)

Ольга В. Колотвина

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, kolotvina@mail.ru,
ORCID ID: 0000-0003-2873-3604*

Аннотация. В статье проанализировано, как испанский режиссер Х. Валь дель Омар с помощью ассоциативного монтажа символично-аллегорических образов создавал в фильме «Гранада в зеркале воды» (1955) целостное повествование с определенным сюжетом, который проинтерпретирован автором статьи как визуализация на образно-метафорическом уровне инициационного духовного пути человека. Отмечается, что такой подход формально сближает монтажный метод Х. Валь дель Омара с принципами советской школы монтажа 20–30-х гг. XX в. Но, в отличие от отчетливо выраженной политико-идеологической направленности советского кинематографа, содержание работ Х. Валь дель Омара носит неоднозначный религиозно-символический характер, обусловленный как личными пристрастиями режиссера, так и требованиями цензуры эпохи авторитарного режима Франко. В статье также проанализирована роль изобретенных Х. Валь дель Омаром систем звукового сопровождения фильма и полиэкранной кинопроекции, которые позволяют «разбудить» личную память зрителя, открывая ему возможность дополнить авторскую семантику своей интерпретацией, усилив тем самым эффекты ассоциативного монтажа.

Ключевые слова: поэтика кино, экранная эстетика, социология кино, кинематограф Испании

Для цитирования: Колотвина О.В. Ассоциативный монтаж как инструмент авторского замысла в фильме Х. Валь дель Омара «Гранада в зеркале воды» (1955) // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2022. № 2. С. 135–152. DOI: 10.28995/2073-6401-2022-3-135-152

Associative montage as a tool
of the author's intention in the film
“Water-Mirror of Granada” (1955) by J. Val del Omar

Ol'ga V. Kolotvina

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, kolotvina@mail.ru,
ORCID ID: 0000-0003-2873-3604*

Abstract. The article analyzes how the Spanish film director J. Val del Omar, with assistance of associative montage of symbolic and allegorical images, created a complete narrative with a specific storyline in the film “Water-Mirror of Granada” (1955). The storyline is interpreted by the author of the article as a visualization at the figurative and metaphorical level of the initiatory spiritual path of human being. It is noted that such an approach formally unites the montage method of J. Val del Omar with principles of the Soviet montage school of the 1920s and 1930s. In contrast to the clearly expressed political and ideological orientation of Soviet cinema, the content of the works of J. Val del Omar has an ambiguous religious and symbolic character, due to both the personal preferences of the film director and the censorship requirements of the era of the authoritarian Franco regime. The article also analyzes the role of the systems of film sound accompaniment and multi-screen film projection invented by J. Val del Omar, which allow to “wake up” the viewer’s personal memory, providing with possibility to supplement the author’s semantics with own interpretation, thereby enhancing the effects of associative montage.

Keywords: poetics of cinema, screen aesthetics, sociology of cinema, Spanish cinema

For citation: Kolotvina, O.V. (2022), “Associative montage as a tool of the author’s intention in the film ‘Water-Mirror of Granada’ (1955) by J. Val del Omar”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 2, pp. 135–152, DOI: 10.28995/2073-6401-2022-3-135-152

Как рыба в воде или подсолнухи на горе,
все существа находятся в ладонях судьбы.
Погруженные в пульсирующее бытие, они танцуют и мечтают.
Абсолютная тайна окутывает их.
Ночь забирает их в зеленые водоемы, где спрятана луна...
X. Валь дель Омар [Val del Omar 2015a, p. 167].

Хосе Валь дель Омар (1904–1982) – один из самых оригинальных и загадочных испанских режиссеров. Научное исследование его творчества началось сравнительно недавно. Долгое время имя

Х. Валь дель Омара было известно только узким специалистам; национальному и международному признанию его работ препятствовала культурная политика режима Франко, отсутствие финансирования, дистрибуции, соответствующих выставочных структур, позволяющих демонстрировать его фильмы. Масштабная ретроспективная выставка «Перепополнение» в 2010–2012 гг. в Национальном музее Центр искусств королевы Софии (Мадрид), посвященная Х. Валь дель Омару, включение его работ в постоянную экспозицию этого Музея, издание 5-дискового DVD с фильмами режиссера позволили ввести в научный оборот основной массив его наследия.

Центральное произведение Х. Валь дель Омара – кинотрилогия «Триптих первостихий Испании» (*Tríptico elemental de España*, 1955–82/1995)¹. Каждый фильм «Триптиха» посвящен определенному региону страны, который репрезентируется с помощью символизма одной из первостихий: к/ф «Гранада в зеркале воды» повествует об Андалусии (вода), к/ф «Огонь в Кастилии» – о Кастилии (огонь), к/ф «Магнетизм Галисии (Из глины)» – о Галисии (земля). Данная трилогия решает сразу несколько задач: осмысление страны в ее культурном многообразии и исторической многомерности, раскрытие национальной идентичности жителей разных регионов Испании с помощью знаковых образов художественного наследия каждого региона страны, визуализация мистицизма испанской культуры с помощью современных аудио-визуальных кинотехнологий.

Поэтический и оригинальный язык фильмов Х. Валь дель Омара вызывает трудности при концептуализации и не позволяет дать однозначную интерпретацию его произведений. Так, например, первый фильм трилогии «Гранада в зеркале воды» (*Aguaespejo granadino*, 1955, черно-белый, зеленый, 35 мм, 23 мин) обычно трактуется исследователями как калейдоскопическое видение города. Такой трактовке способствует и подзаголовок фильма: «аудиовизуальное эссе пластической лирики». Образы цыган, пещеры на холме Сакромонто, арабо-мусульманская архитектура Альгамбры и района Альбайсин, скульптура архангела Михаила, сложенная на земле из камней и веток звезда Давида, будто сошедшие с картин Х. Риберы нищие на улицах города, садово-парковый ансамбль Альгамбры с обилием фонтанов и водных источников – эти кадры

¹ Последний фильм трилогии «Магнетизм Галисии (Из глины)» Х. Валь дель Омар начал снимать в 1961 г., работая с перерывами над фильмом вплоть до своей смерти в 1982 г., но не успел закончить чистовую версию монтажа. В 1995 г. режиссер Хавьер Кодесал (*Javier Codesal*) завершил эту работу.

на первый взгляд кажутся потоком впечатляющих образов, слабо связанных друг с другом и просто гипнотизирующих зрителей. Например, так комментировали содержание фильма в прессе на его показе: «Это жестокое, дисгармоничное столкновение образов и звуков, текстов и песен, темой которых являются Гранада, вода, солнце...»² Современные испанские исследователи Ф. Контрерас и П. Ортуньо тоже считают, что фильм «конструируется мозаично из фрагментов реальности и показывает личный взгляд художника на типичную сельскую местность в Андалусии» [Contreras, Ortuño 2018, p. 138].

Именно эта мозаичность препятствует однозначной научной интерпретации работ Х. Валь дель Омара как подчиненных определенной идее, а не только эстетике, так как используемые режиссером визуальные метафоры имеют много уровней значений. Следовательно, чтобы понять его фильмы, надо подобрать особые герменевтические ключи к декодированию этих метафор. Кроме того, в исследовательской литературе о Х. Валь дель Омаре и его монтажных практиках почти не уделяется внимания такой особенности творческого почерка режиссера, как использование ассоциативного монтажа для построения драматургии повествования, что препятствует пониманию границ его метафорического метода. Так, исследователи Гонсало де Лукас и Иван Пинтор Ирансо увидели специфичность монтажного метода Х. Валь дель Омара в особом ритме и сопоставлении образов, усиливающим тактильность кинообраза [Lucas, Pintor 2017]. Они рассматривали монтажные приемы режиссера как один из инструментов (наряду с разработанными им особыми техниками светопульсации, кинопроекции, объемного звука) для достижения эффектов синестетического кинематографа. Исследователь Э.А. Руссо полагает, что монтаж для Х. Валь дель Омара был «...имитацией органической жизни... Непрерывным напряжением, вызывающим дыхание или сердцебиение, оживляющее его фильмы» [Russo 2020, p. 3–4]. Но конкретных примеров из фильмов Х. Валь дель Омара Э.А. Руссо не приводит, ограничившись метафорами, не соотносимыми с конкретными уровнями фильма.

Однако внимательный анализ фильма «Гранада в зеркале воды» Х. Валь дель Омара позволяет обнаружить устойчивые ассоциативные связи между, казалось бы, расположенными в беспорядке кадрами и эпизодами. Становится понятным, что режиссер

² Davay P. Les Beaux Arts, mayo 1958 // Valdelomar website [Электронный ресурс]. URL: http://www.valdelomar.com/cine3.php?lang=es&menu_act=5&cine1_cod=6&cine2_cod=11&cine3_codi=72&cine4_codi=497 (дата обращения 12 мая 2022).

применяет ассоциативный монтаж: компоновка кадров в фильме подчиняется определенной авторской логике и их сопоставление и сплетение порождает лирическую поэму с глубоким и таинственным единством, открывающим зрителю новые уровни смысла.

Цель данной статьи – показать, как Х. Валь дель Омар с помощью ассоциативного монтажа символично-аллегорических образов создает в фильме «Гранада в зеркале воды» целостное повествование с определенным сюжетом (инициационный путь человека), визуализируя с помощью ассоциативных связей между кадрами и эпизодами экзистенциальные категории (духовной слепоты и жажды, прозрения, вознесения и др.). В статье будет прокомментирована большая часть фильма (выбор эпизодов для анализа обусловлен их смысловой насыщенностью). Под термином «ассоциативный монтаж» мы имеем в виду понимание монтажного метода в кино С.М. Эйзенштейном, изложенное в его статье «Монтаж 1938» (1938 г.) [Эйзенштейн 1964]. Благодаря ассоциативному монтажу кадры в фильме монтируются режиссером таким образом, что «...каждый зритель в соответствии со своей индивидуальностью, по-своему, из своего опыта, из недр своей фантазии, из ткани своих ассоциаций, из предпосылок своего характера, нрава и социальной принадлежности творит образ по этим точно направляющим изображениям, подсказанным ему автором, непреклонно ведущим его к познанию и переживанию темы» [Эйзенштейн 1964, с. 171].

Выбор для киноанализа фильма «Гранада в зеркале воды» обусловлен наличием сохранившейся авторской версии сценария и комментариев Х. Валь дель Омара к фильму, где проясняется как смысл отдельных образов, так и его общая конструкция. Сценарий написан Х. Валь дель Омаром [Val del Omar 2015a, p. 167] в герметичной поэтико-аллегорической форме, но тем не менее передает основную идею фильма. Комментарии Х. Валь дель Омара [Val del Omar 1958; Val del Omar 2015b, p. 170; Val del Omar 2015c, p. 168–169] позволяют киноведчески артикулировать его авторский замысел, согласно которому фильм был задуман как визуализация духовного пути человека: от неведения и духовной слепоты через трансформацию и инициацию к озарению и экстазу.

Фильм был снят режиссером в 1953–1955 гг. в Гранаде и ее окрестностях. Первоначальное название картины «Великая сигирия» (*La Gran Sigiuriya*)³. Впервые Х. Валь дель Омар представля-

³ Сигирия (исп. *Sigiuriya*) – андалузская разновидность фламенко. Первоначальное название фильма – “*La Gran Sigiuriya*” – отсылает нас к поэтическому циклу Ф. Гарсиа Лорки «Канте хондо», к его первой части – «Поэме о цыганской сигирии» (*Гарсиа Лорка Ф. Поэма о канте хондо // Гарсиа Лорка Ф. Избр. произведения: В 2 т. Т. 1. М.: Худож. лит., 1986.*

ет фильм публике в мае 1955 г. в Институте Латиноамериканской Культуры в Мадриде. Далее фильм показывался на Берлинском фестивале в июне 1956 г. (вне программы конкурса из-за отсутствия государственного финансирования) и в Париже в июле того же года. В 1958 г. фильм демонстрируется на Международном конкурсе экспериментальных фильмов в Брюсселе (вне программы конкурса по указанной выше причине). При демонстрации фильма применены разработанные режиссером звуковая технология «диафонического звука» и система полиэкранного проецирования.

Описывая поэтическую образность фильма «Гранада в зеркале воды», критик К. Хэммерлинг отмечал:

Вдохновленный поэтом Гарсиа Лоркой, композитором Мануэлем де Фальей и философом Унамуно, Хосе Валь дель Омар объединил фотографию, монтаж и музыку, чтобы создать симфонический фильм о жизни Гранады... Он рисует духовный пейзаж города с помощью образов природы; он играет с водой, пылью и облаками, светом и тенью, тишиной и апокалиптическими звуками... Так возникают почти гойевские фантазмагии и кошмарные видения и в них ощущается божественность и демонизм мира [Haemmerling 2015, p. 171].

Австрийский киновед А. Фогель в своей книге «Фильм как подрывное искусство» (1974) поместил фильм Х. Валь дель Омара в раздел «сюрреализм», наряду с работами Л. Бунюэля, С. Дали «Андалузский пес» (1929) и Л. Бунюэля «Золотой век» (1930), и дал следующую характеристику этой кинокартине:

Взрывное и жестокое произведение, глубочайшая страсть, безмолвный крик, мистическое воплощение кошмаров Испании. Напоминает «Землю без хлеба» Бунюэля, режиссеру удалось передать безымянный ужас и тревогу. Одна из великих неизвестных работ мирового кинематографа [Vogel 1974, p. 93].

Такие характеристики, на наш взгляд, во многом обусловлены не только образностью кинокартины, но и монтажными приемами, создающими несколько уровней смысла фильма и вызывающими у зрителей исторические и религиозные коннотации.

Монтаж как способ создания и объединения ассоциаций режиссер начал применять еще в начале 30-х гг. при съемке документальных фильмов о народных праздниках, так как костюмированные народные шествия требовали пояснения для незнакомого со

С. 89–118). Подробнее об использовании образов из этой поэмы Ф. Гарсиа Лорки в анализируемом нами фильме см.: [Колотвина 2021b].

спецификой торжества кинозрителя. Например, в фильме «Весенние фестивали в Мурсии» (*Fiestas de Primavera en Murcia*, 1934) режиссер несколько раз чередует кадры с людьми, одетыми в костюмы гигантских гусениц, и кадры с наступающими гусеницами, копошащимися на свежих побегах травы, объясняя тем самым как значение костюма, так и смысл праздника.

Но в этих фильмах объекты были простыми, так как была однозначна их категориальная принадлежность: природа, социальная жизнь, праздник и т. д. Впоследствии ассоциативная связь кадров в кинокартинах Х. Валь дель Омара становится не столь однозначной, режиссер усложняет применение монтажа по ассоциации, добавляя к сопоставляемым кадрам дополнительные, привносящие новые оттенки смысла, и переводит повествование на образно-метафорический уровень.

В тексте под названием «Человек в клетке» Х. Валь дель Омар определил идею фильма «Гранада в зеркале воды» как «сообщение о вознесении» [Val del Omar 2015b, p. 170], т. е. как визуализацию опыта духовного восхождения человека:

Большинство видит только падение воды... Но они не видят вознесения. Вознесение – это то, что видят только благословенные. Я попытался с помощью моего фильма «Гранада в зеркале воды» передать готовое послание о вознесении. ...состоянии, которое происходит от экстаза [Val del Omar 2015b, p. 170].

Ассоциативный монтаж позволил осуществить этот замысел следующим образом: режиссер связал динамику символов в фильме с событиями священной истории и этапами духовного пути как требующими особой мистической интуиции. Таким образом, принимая во внимание авторские комментарии, фильм может интерпретироваться как визуализация инициатического путешествия, построенного на основе религиозно-философской символики различных религий: мы видим кадр с кормящей грудью цыганкой (образ Мадонны); мужчину, распятого на Андреевском кресте; девушку, припадающую к источнику воды; звезду Давида; арабскую вязь шрифтов на стенах Альгамбры и др. В фильме есть христианские, иудейские, мусульманские символы, так как Гранада – это место пересечения Востока и Запада, и в ее культуре переплелись разные религиозные традиции.

Намерение режиссера визуализировать религиозные состояния ярко проявилось уже в его раннем фильме «Вибрации Гранады» (*Vibración de Granada*, 1935), где он использовал монтаж по движению, целью которого было создание ассоциативных связей для визуализацию определенных смыслов. Например, в одном из эпизодов фильма «Вибрации Гранады» камера движется снизу

вверх, показывая струи фонтанов, устремляющиеся ввысь, в следующем кадре мы видим, как камера продолжает свое движение вверх, скользя по стволам и ветвям деревьев, уходящих в небо. Такое неоднократно повторяющееся движение камеры вверх подобно взгляду взлетающей птицы и вызывает ассоциацию с духовным вознесением.

Фильм «Гранада в зеркале воды» (1955) состоит из трех частей: день, ночь, рассвет, которые в рамках предлагаемой интерпретации условно соотнесены с тремя этапами жизни человека (обычная жизнь, в которой присутствует план желанного опыта трансцендентного, инициация и снова обычная жизнь, но уже через призму случившейся с человеком духовной трансформации). Первая и третья части фильма – черно-белые, вторая часть – зеленая (Х. Вальдель Омар окрасил негатив пленки с этой частью фильма в изумрудный цвет).

Повествование в фильме строится режиссером с помощью метафор и ассоциаций, у используемых в фильме визуальных образов есть несколько планов смысла, и соединение соседних кадров рождает новые значения. Так, изображения струй фонтанов, монтируемые в фильме «Гранада в зеркале воды» между кадрами с религиозной символикой различных религий (человек на кресте, звезда Давида, арабские надписи на стенах Альгамбры), отсылают зрителя к универсальной метафоре фонтана как символа Бога и Вечной жизни, Источника знания и Божественной благодати, характерной для всех трех авраамических религий.

Кадры с фонтаном режиссер монтирует и между эпизодами, в которых показан спящий человек, по его лицу скользит тень чьей-то руки. Приняв во внимание, что в духовных практиках (например, в суфизме) состояние сновидения играет роль моста между земным миром и миром духа и некоторые сновидения выполняют роль инициации, мы можем интерпретировать этот эпизод как встречу спящего человека с Источником жизни. В системе такого монтажа режиссер, комбинируя кадры, актуализирует религиозно-философскую семантику, наделяющую образы воды и фонтана трансцендентным измерением.

Фильм начинается с эпитафии в виде цитаты испанского священника и педагога Андреса Манхона: «Математика Бога. Кто много дает, тот много имеет...»⁵ И только потом идет название фильма

⁴ Более подробно о визуализации мистического опыта в фильме «Вибрации Гранады» Х. Вальдель Омара см.: [Колотвина 2021с].

⁵ В 1888 г. доктор наук, профессор канонического права, священник Андрес Манхон (Andrés Manjón, 1846–1923) проходил по району Сакромонте (Гранада) и увидел, что в одной из пещер (холм Сакромонте изрыт

«Гранада в зеркале воды». Тем самым режиссер, ссылаясь с помощью цитаты-эпиграфа на историю основания А. Манхоном сети школ «Аве Мария» для бедных детей (первоначально – для детей цыган, проживающих в пещерах холма Сакромонте в Гранаде), задает определенный религиозный вектор повествования фильма и намечает ассоциативные поля восприятия его смысла.

После кадров с лирическим вступлением (небо над башней Альгамбры, сцена с рыбками в пруду и листьями на воде) мы видим, как цыганский мальчик открывает занавески при выходе наружу из пещеры (будто отодвигает занавес экрана) и с любопытством смотрит на нас. Голос за кадром: «Слепые, как слепы существа...» Следующий кадр: высохшие отверстия фонтанов в виде двух антропоморфных лиц с раскрытыми ртами (рис. 1) и два входа в пещеру, похожие на пустые черные глазницы (рис. 2). Эти кадры, по нашему мнению, несут метафорическое значение духовной жажды и слепоты.

Итак, в начало фильма Х. Валь дель Омар поместил изображения, основанные на образной аналогии, и, монтируя их с последующими эпизодами, он будет выстраивать семантику религиозно-символического уровня смысла, рождающегося на стыке кадров.

Далее следует эпизод, в котором маленький ребенок цыганки танцует босиком под аккомпанемент хлопков ладоней матери (рис. 3), что может визуализировать архаичные пласты сознания человека и наивное детское неведение, пребывание в естественном потоке жизни без рефлексии над ней. Это позволяет нам соотнести сцены с танцевальной импровизацией ребенка с самыми первыми кадрами фильма – с движением рыбок в пруду и листьями, колыхающимися на воде.

Далее мы видим кадр с изможденным стариком, прислонившись в полуобмороке к стене (усталость от духовной жажды), затем режиссер разместил эпизод со сценами поворота вокруг своей оси трех человеческих фигур и далее – кадры с многоводными фонтанами, ручьями и водными источниками, репрезентирующие полноту жизни. Сцены с обилием воды соотносятся с описанными

рукотворными жилыми пещерами) оборванные, истощенные цыганские дети читают молитву «Аве Мария». Это был образовательный кружок, организованный женщиной по имени Мигас. С тех пор все свои силы, время и финансовые средства Андрес Манхон отдавал на организацию и развитие сети образовательных центров для маргинализированных групп, прежде всего цыган и бедняков. К 1918 г. такие школы были в 36 провинциях Испании, на протяжении его жизни было открыто около 400 школ «Аве Мария» по всему миру. Помимо обучения, детей в этих школах кормили и одевали. В настоящее время католическая церковь начала подготовку к процессу беатификации (причисления к лику блаженных) А. Манхона.

Рис. 1

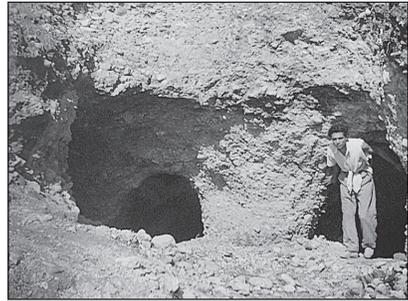

Рис. 2

Рис. 3

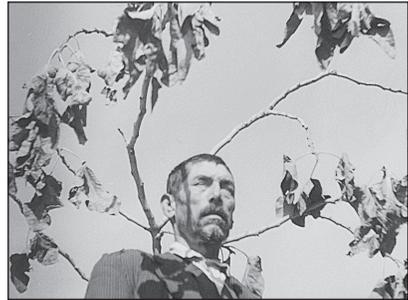

Рис. 4

Рис. 5

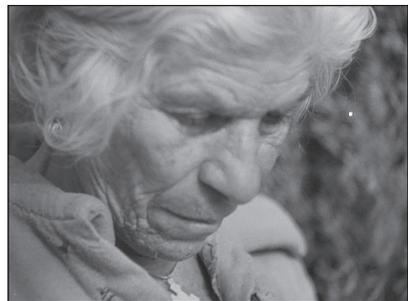

Рис. 6

Кадры из фильма «Гранада в зеркале воды» (1955),
реж. Х. Валь дель Омар

выше сценами безводных фонтанов и пустых «глазниц» пещер.

Расположенный в промежутке между кадрами с противоположенным метафорическим значением («отсутствие – избыток» и «слепота – мудрость») эпизод с фигурами трех цыган, которые поочередно поворачиваются вокруг своей оси, можно трактовать, учитывая смысловой контекст окружающих его сцен, как религиозную трансформацию – переход из одного состояния (духовной

жажды и слепоты) в другое (состояние мудрости) (рис. 4–6).

Режиссер использует в эпизоде с цыганами монтаж по движению объектов в кадре, постепенно укрупняя объекты съемки: заканчивает поворот на 360 градусов мужчина, снятый по грудь на фоне веток дерева (рис. 4), и движение поворота подхватывает женщина средних лет (рис. 5), снятая более крупным планом (мы видим только ее голову), ее поворот продолжает пожилая женщина (мы видим только ее лицо и часть лба), (рис. 6). Все три персонажа глубоко погружены в себя, сосредоточены на чем-то своем, внутреннем.

Следующий кадр: общий вид окрестностей Гранады с быстро несущимися облаками и свето-теневыми бликами. Ускоренное движение облаков и световые эффекты придают драматизм происходящему и создают атмосферу тревоги. Наконец, темная туча закрывает пейзажи Гранады, и через это естественное затемнение происходит монтаж следующего кадра.

Мы видим снятые крупным планом круги от стекающих в пруд струй фонтана. Мотив расходящихся кругов продолжает круговое движение, заданное в предыдущих кадрах человеческими фигурами и прерванное на несколько секунд кадром с пейзажами Гранады.

Можно предположить, исходя из ассоциативных образов, возникающих в результате такого монтажного решения, что человеческая жизнь (ее круговорот) уподобляется водной стихии.

Из анализа этих эпизодов следует, что монтаж по движению основного объекта в кадре у Х. Валь дель Омара применяется в том числе и для создания ассоциаций (переход на новые уровни смысла происходит во время перехода от одного движущегося объекта к движению другого, как бы продолжающего траекторию первого), то есть является разновидностью монтажа по ассоциации. В других случаях ассоциативный монтаж осуществляется посредством соединения двух кадров как двух статичных фотографий.

В фильме часто встречаются образы фонтанов: львиный дворик в Альгамбре, где из пасти двенадцати львов льются струи воды; фонтаны в садах и парках. Значение этого образа многозначно, мы уже указывали на символику фонтана в фильме как метафоры Бога. Х. Валь дель Омар включает в семантику символизма фонтана и течение человеческой жизни: «Иллюзия подъема и реальность падения воды в фонтане, как зеркало, отражают жизнь человека» [Val del Omar 2015b, p. 170].

В третьей части фильма чередуются сцены «танца» струй фонтанов в ритме андалузского фламенко и преобразованные лица персонажей фильма в состоянии экстаза. Движения струй воды показаны в замедленном темпе, с помощью техники стоп-кадра, так что зритель может рассмотреть облик ступков воды; часто он антропомор-

Рис. 7

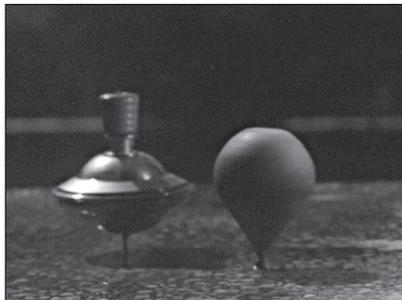

Рис. 8

Кадры из фильма «Гранада в зеркале воды» (1955),
реж. Х. Валь дель Омар

фен или зооморфен, напоминает фигуру какого-то живого существа. И режиссер раскрывает еще одно семантическое значение образа фонтана в этом фильме: «Фонтан в Гранаде – это дуэнде, который бесконечно танцует Великую сигирийю» [Val del Omar 2015a, p. 167].

Наш анализ показал, что с помощью ассоциативного монтажа режиссер переориентирует зрителя с буквального прочтения образов водной стихии на универсальные значения, воплощенные в символике первоэлемента воды, охватывающие широкий спектр явлений от индивидуальной духовной жизни человека до мифологических и культурно-исторических. Общим их знаменателем оказывается особая инициация, изменение онтологического статуса объекта / героя: от слепоты к прозрению и экстазу, от танцующей струи воды к явленности дуэнде, от образа устремленной вверх струи фонтана до мотива духовного вознесения человека.

За танцем дуэнде в струях фонтана заворуженно наблюдают персонажи фильма, находящиеся в состоянии экстаза: девушка с полуоткрытым от изумления ртом; мужчина, чье лицо покрыто испариной, а рот застыл в безмолвном крике; юноша с впалыми сжатыми веками, который вдруг широко раскрывает глаза и прозревает. Взгляды героев устремляются ввысь на облака, уносящиеся под заключительные аккорды музыки композитора Мануэля де Фалья «Ночи в садах Испании» в бесконечность за горы Сьерра-Невада (эпизод передает духовный порыв героев). Состояние транса-экстаза героев – итог повествования, начавшегося рядом с безводными фонтанами и пустыми глазницами пещер.

В третьей части фильма есть эпизод с еще одной трансформацией: молодая девушка (мы видим в кадре ее голову) поворачивается сначала налево (рис. 7), эта сцена прерывается кадрами

Рис. 9

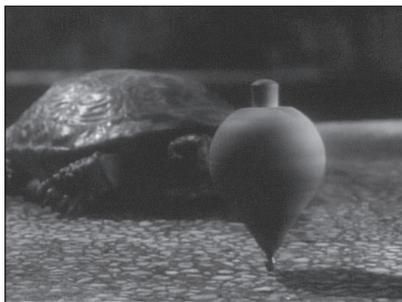

Рис. 10

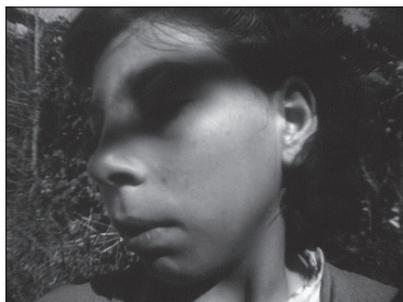

Рис. 11

Кадры из фильма «Гранада в зеркале воды» (1955),
реж. Х. Валь дель Омар

вращения двух игрушечных волчков (рис. 8), расходящимися кругами на воде (рис. 9), вращением одного волчка рядом с черепахой (рис. 10), далее мы снова видим голову девушки, она поворачивается направо, в обратную сторону (рис. 11). Можно предположить, что вращение волчков и круги на воде – это метафоры ее сознания (и бессознательного), жизненного потока, в который она погружена, или аллюзия на суфийское кружение, вводящее суфия в состояние экстаза. Учитывая, что место действия фильма Гранада, аллюзии на суфийскую инициатическую символику при интерпретации фильма вполне уместны. Однозначного прочтения этих метафор нет. Как отмечают исследователи Ф. Контрерас и П. Ортуньо:

Фильмы Х. Валь дель Омара зрелого периода... не понятны с точки зрения логического подхода, не объяснимы с помощью слов, их анализ бросает нам вызов [Contreras, Ortuño 2018, p. 137].

Самое общее понятие, характеризующие данные сцены, – вну-

тряння трансформация человека. Но рассматриваемые эпизоды также построены на рождении смысла на стыке кадров, данный монтажный прием позволяет «разбудить» личную и историческую память зрителя, открывая ему возможность дополнить авторскую семантику своей интерпретацией.

Естественное движение воды – течение вниз, по наклонной, падение. Фонтан направляет струю воды вверх, вопреки физике тяжести, так как для движения вверх необходимо усилие, толчок, что в экзистенциальных терминах может обозначаться как «инициация», «трансформация», «преображение», «вознесение». И если в первой части фильма мы видим потоки воды, направленные вниз (ручьи, водопады Альгамбры), то после того как герои прошли религиозную трансформацию (образно переданную через повороты тел вокруг своей оси и через духовное пробуждение, показанное во второй части фильма – в эпизоде зеленой ночи в садах Альгамбры⁶), в третьей части фильма нашему зрению открываются десятки фонтанов с направленной вверх струей воды.

В данной статье мы не анализируем ассоциативный монтаж в контексте саундтрека фильма, так как статья посвящена анализу визуальных метафор. Укажем только, что фильм «Гранада в зеркале воды» сопровождается закадровым саундтреком, состоящим из более чем 500 обработанных звуков (музыка фламенко, отрывки из произведения «Ночи в садах Испании» композитора Мануэля де Фальи, стихотворные строчки, звуки природы, журчание воды, удары колокола, вздохи и пр.). Х. Валь дель Омар сам микшировал звуки с помощью сконструированных им ревербераторов, устройств для микширования музыки и прообраза синтезатора. В 1944 г. Х. Валь дель Омар разработал и запатентовал оригинальную звуковую систему «диафонического звука» (исп. *sonido diafónico, diafonía*). Эта технология была использована при создании саундтрека к фильму и применена при демонстрации фильма «Гранада в зеркале воды». Диафоническая система состояла из двух источников звука: один источник перед экраном комментировал

⁶ Х. Валь дель Омар окрасил негатив второй части фильма в зеленый цвет с целью передать измененное внутреннее состояние героев в контексте их религиозной трансформации. О суфийской символике зеленого цвета и его функции в фильме «Гранада в зеркале воды» Х. Валь дель Омара см.: [Колотвина 2021b]. Следует учитывать и влияние приемов импрессионистического кинематографа Марселя Л'Эрбе на творчество испанского режиссера. Например, в фильме «Эльдорадо» (1921), действие которого также происходит в Гранаде, М. Л'Эрбе применял световые фильтры (в том числе и зеленый) для репрезентации переживаний главной героини.

происходящее в кадре, второй – за спиной у зрителей – создавал эффект субъективных шумов. Также при демонстрации фильма Х. Валь дель Омар применил разработанную им систему двойной полиэкранной проекции «апанорамное переполнение образа» (исп. *“desbordamiento apanorámico de la imagen”*, патент 1955 г.): проекция фильма на основной экран сопровождалась проекцией отдельных изображений с основного экрана на второй экран (без четких границ), окружавший первый; в результате изображение как бы переполнялось, распространяясь за пределы экрана на зрительный зал, потолок и стены⁷.

Подобная организация звука и кинопроекции фильма способствовала, по замыслу Х. Валь дель Омара, более обостренному восприятию зрителями кинофильма, так как субъективные шумы и «расползающиеся» образы из второго концентрического экрана пробуждали эмоциональную и ассоциативную память зрителей и вовлекали ее в осмысление происходящего на экране. Тем самым творческий метод режиссера, включавший визуальные метафоры и ассоциативный монтаж, дополнялся стимуляцией воображения зрителей посредством звуковых и оптических эффектов.

Итак, наш анализ показал, что магистральные смыслы семантики фильма «Гранада в зеркале воды» Х. Валь дель Омара эксплицируются с помощью визуальных метафор и ассоциативных рядов, значения которых и задают сюжетную линию. Ассоциативный монтаж позволил режиссеру построить повествование на физическом и символическом уровне и связать нити многопланового нарратива в единую фабулу, которая при любой интерпретации тем не менее остается герметичной и до конца не постигаемой (в силу многозначности значений используемых образов и действий – вода, фонтаны, танец, повороты, кружения и др.). Убедительным вариантом интерпретации фильма с учетом работы ассоциативных полей, заданных названием фильма, начальными титрами, структурой фильма, комментариями режиссера и пр. может быть трактовка фильма как духовного инициатического путешествия.

От зрителя при восприятии этого фильма требуется активное интеллектуальное участие и творческая работа воображения, а также особый режим напряженного внимания, позволяющий прочувствовать природу духовных состояний, так как художественные образы и их значения не расшифровываются автором, а возникают в восприятии зрителя. Такой подход формально сближает монтажный метод Х. Валь дель Омара с принципами советской школы

⁷ Более подробно о медиатехнологиях Х. Валь дель Омара см.: [Колотвина 2021a].

монтажа 20–30-х гг. (Л. Кулешов, В. Пудовкин, Д. Вертов, С. Эйзенштейн и др.). Но, в отличие от отчетливо выраженной политико-идеологической направленности советского кинематографа, содержание работ испанского режиссера Х. Валь дель Омара носит неоднозначный религиозно-символический характер, обусловленный как личными пристрастиями режиссера, так и требованиями цензуры кинематографа эпохи авторитарного режима Франко.

Фильмография

1. Андалузский пес / Un chien andalou (1929), реж. Л. Бунюэль, С. Дали (Франция).
2. Вибрации Гранады / Vibración de Granada (1935), реж. Х. Валь дель Омар (Испания).
3. Гранада в зеркале воды / Aguaespejo granadino (1955), реж. Х. Валь дель Омар (Испания).
4. Земля без хлеба / Las Hurdes, tierra sin pan (1933), реж. Л. Бунюэль (Испания).
5. Золотой век / L'âge d'or (1930), реж. Л. Бунюэль (Франция).
6. Магнетизм Галисии (Из глины) / Acariño Galaico (De barro), (1961–82/1995), реж. Х. Валь дель Омар (Испания).
7. Огонь в Кастилии / Fuego en Castilla (1960), реж. Х. Валь дель Омар (Испания).
8. Весенние фестивали в Мурсии / Fiestas de Primavera en Murcia (1934), реж. Х. Валь дель Омар (Испания).
9. Эльдorado / Eldorado (1921), реж. М. Л'Эрбье (Франция).

Литература

- Колотвина 2021а – Колотвина О.В. Иммерсивные технологии медиаискусства Х. Валь дель Омара («апанорамное переполнение образа», «диафония», «тактильное видение») как выражение его концепции «техномистицизма» // Наука телевидения. 2021. № 17.1. С. 51–71. DOI: 10.30628/1994-9529-2021-17.1-51-71.
- Колотвина 2021б – Колотвина О.В. Ключевые особенности эстетики авторского кинематографа Х. Валь дель Омара (на примере кинотрилогии «Триптих Первостихий Испании») // Артикульт. 2021. № 1(41). С. 49–58. DOI: 10.28995/2227-6165-2021-1-49-58.
- Колотвина 2021с – Колотвина О.В. Поэтика города в фильме «Вибрации Гранады» (1935) Х. Валь дель Омара // Артикульт. 2021. № 2(42). С. 57–68. DOI: 10.28995/22276165202125768.
- Эйзенштейн 1964 – *Эйзенштейн С.М.* Монтаж // Эйзенштейн С.М. Избранные произведения: В 6 т. Т. 2. М.: Искусство, 1964. С. 156–188.
- Contreras, Ortuño 2018 – *Contreras F.R., Ortuño A.* Media Aesthetics: Two Examples in the Spanish Art. Universidad de Murcia // Arte y Políticas de Identidad. 2018. Vol. 18. P. 127–146.
- Haemmerling 2015 – *Haemmerling K.* Películas culturales de todo el mundo // Val del Omar Mas alla de la orbita terrestre / Ed. by E. Duque. Buenos Aires: Ministerio de

Cultura del Gobierno, BAFICI, 2015. P. 171.

- Lucas, Pintor 2017 – *Lucas G., Pintor I.* Poética del montaje en “Aguaespejo granadino”: investigación estética, técnica y pedagógica sobre la experiencia del espectador en la obra de José Val del Omar // *L'Atalante: revista de estudios cinematográficos*. 2017. № 24. P. 165–184.
- Russo 2020 – *Russo E.A.* Aspects of Montage in the Poetics of Val del Omar / Universidad Nacional de La Plata. Buenos Aires, 2020. P. 1–9 [Электронный ресурс]. URL: <https://1library.co/document/y6097wgy-aspects-montage-poetics-val-del-omar.html> (дата обращения 12 мая 2022).
- Val del Omar 1958 – *Val del Omar J.* Bruselas 1958 – Aguaspejo granadino: Un film experimental por excelencia. 1958 // Valdelomar website [Электронный ресурс]. URL: http://www.valdelomar.com/cine3.php?lang=es&menu_act=5&cine1_cod=6&cine2_cod=11&cine3_codi=66&cine4_codi=186 (дата обращения 31 мая 2022).
- Val del Omar 2015a – *Val del Omar J.* Aguaspejo Granadino. Guión // Val del Omar Mas alla de la orbita terrestre / Ed. by E. Duque. Buenos Aires: Buenos Aires: Ministerio de Cultura del Gobierno, BAFICI, 2015. P. 167.
- Val del Omar 2015b – *Val del Omar J.* El homabre está en una jaula // Val del Omar Mas alla de la orbita terrestre / Ed. by E. Duque. Buenos Aires: Buenos Aires: Ministerio de Cultura del Gobierno, BAFICI, 2015. P. 170.
- Val del Omar 2015c – *Val del Omar J.* Nota de presentación de Aguaspejo granadino. Festival de Cine de Berlín, 1956 // Val del Omar Mas alla de la orbita terrestre. / Ed. by E. Duque. Buenos Aires: Buenos Aires: Ministerio de Cultura del Gobierno, BAFICI, 2015. P. 168–169.
- Vogel 1974 – *Vogel A.* Film as a Subversive Art. New York: Random House, 1974. 344 p.

References

- Contreras, F.R. and Ortuño, A. (2018), “Media Aesthetics: Two Examples in the Spanish Art. Universidad de Murcia”, *Arte y Políticas de Identidad*, no 18, pp. 127–146.
- Eizenshtein, S.M. (1964), *Montazh* [Montage], Eisenstein, S.M. *Izbrannye proizvedeniya: v 6 tomakh* [Selected works. In 6 vols.], Iskusstvo, Moscow, Russia, vol. 2, pp. 156–188.
- Haemmerling, K. (2015), “Películas culturales de todo el mundo”, Duque, E. (ed.), *Val del Omar Mas alla de la orbita terrestre*, Ministerio de Cultura del Gobierno, BAFICI, Buenos Aires, Argentina, p. 171.
- Kolotvina, O.V. (2021a), “Immersive technologies of J. Val del Omar’s media art (‘apanoramic image overflow’, ‘diaphony’, ‘tactile vision’) as an expression of his concept of ‘mechanical mysticism’”, *The Art and Science of Television*, no 17.1, pp. 5171, DOI: 10.30628/1994-9529-2021-17.1-51-71.
- Kolotvina O.V. (2021b), “The key features of the aesthetic of J. Val del Omar’s author cinema (on the case study of the film trilogy “Elementary Triptych of Spain”)”, *Articult.* no 1(41), pp. 49–58, DOI: 10.28995/2227-6165-2021-1-49-58.
- Kolotvina, O.V. (2021c), “The poetics of the city in the film “Vibrations of Granada” (1935) by J. Val del Omar”, *Articult.* no 2 (42), pp. 57–68. DOI: 0.28995/22276165202125768.
- Lucas, G. and Pintor, I. (2017), “Poética del montaje en ‘Aguaespejo granadino’:

- investigación estética, técnica y pedagógica sobre la experiencia del espectador en la obra de José Val del Omar”, *L’Atalante: revista de estudios cinematográficos*, no 24, pp. 165–184.
- Russo, E.A. (2020), *Aspects of Montage in the Poetics of Val del Omar*. Universidad Nacional de La Plata, Buenos Aires, pp. 1–9, available at: <https://1library.co/document/y6097wgy-aspects-montage-poetics-val-del-omar.html> (Accessed 12 May 2022).
- Val del Omar J. (2015a), “Aguaespejo Granadino. Guión”, Duque E. (ed.), *Val del Omar Mas alla de la orbita terrestre*, Ministerio de Cultura del Gobierno, BAFICI, Buenos Aires, Argentina, p. 167.
- Val del Omar J. (1958), Bruselas 1958 – Aguaespejo granadino. Un film experimental por excelencia, 1958 *Valdelomar website*, available at: http://www.valdelomar.com/cine3.php?lang=es&menu_act=5&cine1_cod=6&cine2_cod=11&cine3_codi=66&cine4_codi=186 (Accessed 31 May 2022).
- Val del Omar J. (2015b), El hombre está en una jaula, Duque E. (ed.), *Val del Omar Mas alla de la orbita terrestre*, Ministerio de Cultura del Gobierno, BAFICI, Buenos Aires Argentina, p. 170
- Val del Omar J. (2015c), Nota de presentación de Aguaespejo granadino. Festival de Cine de Berlín, 1956. Duque E. (ed.), *Val del Omar Mas alla de la orbita terrestre*, Ministerio de Cultura del Gobierno, BAFICI, Buenos Aires, Argentina, pp. 168–169.
- Vogel, A. (1974), *Film as a Subversive Art*, Random House, New York, USA.

Иллюстрации

Рис. 1–11. Кадры из фильма «Гранада в зеркале воды» (1955), реж. Х. Валь дель Омар.

Fig. 1–11. Screen captures from the film “Water-Mirror of Granada” (1955) by J. Val del Omar.

Источник изображения: Рис. 111 см. / See the image source of Fig. 11–1: URL: <https://www.youtube.com/watch?v=EP16Yw23i7M> (дата обращения 20 мая 2022).

Информация об авторе

Ольга В. Колотвина, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; kolotvina@mail.ru

Information about the author

Ol’ga V. Kolotvina, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 1259047; kolotvina@mail.ru

Дизайн обложки
Е.В. Амосова

Корректор
Ж.П. Григорьева

Компьютерная верстка
Е.В. Амосова

Подписано в печать 15.06.2022.
Формат 60×90¹/₁₆
Уч.-изд. л. 9,4. Усл. печ. л. 9,6.
Тираж 1050 экз. Заказ № 1574

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125047, Москва, Миусская пл., 6
www.rggi.ru